

"Ты должен уйти"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Лорин Батлер

Ты должен уйти

1

Телефон зазвонил, когда Алекс, уложив близнецов, спускалась по лестнице. Недовольно ворча, она крепче прижала к себе шестимесячного Джеми и сбежала по ступенькам в холл. Поднеся руку к трубке, она вдруг остановилась, увидев свое отражение в зеркале над столиком для телефона. Господи, на кого я похожа! — подумала она. Закрученный на макушке узел светлых волос съехал набок, выбившиеся из него пряди намокли и в беспорядке свисали вдоль раскрасневшегося лица и шеи, на голубой блузке темнели мокрые пятна — следы купания трех малышек. Да еще Джеми стремился усугубить общую картину, дергая за пуговицы в попытке добраться до ее груди. Он не страдал отсутствием аппетита и как всегда проявлял нетерпение.

— Нет. — Александра мягко, но решительно отцепила пальчики малыша от блузки. — Подожди. — Она поцеловала сына в пушистую головку и сняла трубку, все еще хмуро глядя на свое отражение.

— Алло? — рассеянно спросила она. Поглощенная другими мыслями, Алекс не заметила короткой паузы перед тем, как на другом конце провода прозвучал осторожный ответ:

— Алекс? Это Аманда.

— Привет, Мэнди! — От приятной неожиданности выражение лица в зеркале смягчилось, и Алекс вдруг осознала, какой у нее был сумрачный вид. От этого она снова нахмурилась, на этот раз озадаченно, подумав о том, что в последнее время это происходило с ней слишком часто.

— Джеми, подожди немного, пожалуйста, — сказала она дергающему ее блузку малышу.

Он недовольно посмотрел на мать, и та, поддразнивая, ответила ему нарочито сердитым взглядом, в то время как ее синие глаза светились любовью. Быть может, он был самым своенравным и капризным из троих детей, но она обожала его, как, впрочем, и всех остальных. Да и могло ли быть иначе, если каждый раз, когда она заглядывала в эти серые, с сизым оттенком глаза, ей казалось, что это Дэйв смотрел на нее?

— Разве твои отпрыски еще не спят? — недовольно спросила Аманда.

Она не скрывала, что дети раздражали ее. Мэнди была олицетворением светской женщины. Высокая, стройная, рыжеволосая, изысканная — она шагала по жизни совсем не так, как Алекс — жена, мать, хозяйка дома. При этом Аманда оставалась лучшей подругой Алекс, хотя, возможно, в этом утверждении таилось некоторое преувеличение. Скорее, она была единственной подругой, с которой Алекс поддерживала дружескую связь еще со школы. Да и из всех приятельниц только она жила сейчас в Лондоне, как и Александра. Остальные обосновались на родине, в Чешире.

— Двоих уже уложила, сейчас буду укладывать третьего, — объяснила Алекс. — Джеми надо покормить, но он может подождать, — добавила она, чтобы умиротворить Аманду.

— А Дэйв? — спросила Аманда. — Он уже дома?

Почувствовав в тоне подруги еще большее неодобрение, Алекс улыбнулась. Аманда и Дэйв не ладили между собой. Каждый раз, когда им случалось оказываться в одной компании, между

ними словно проскакивали враждебные искры.

— Нет, — ответила Алекс и добавила, улыбаясь: — Можешь спокойно обзывать его, как хочешь. Он не услышит.

Это была шутка, причем не новая. Александра всегда позволяла Аманде изливать свою неприязнь к Дэйву, когда того не было рядом. Это давало подруге возможность освобождаться от тех слов, которые она хотела бы высказать ему в лицо, на что у нее никогда не хватало смелости. Но на этот раз в ответ на разрешение последовало странное молчание, и Алекс вдруг почувствовала в легком потрескивании в телефонной трубке необъяснимое напряжение.

— Что-нибудь не так? — резко спросила она.

— Черт, — пробормотала Мэнди. — Да. Можно сказать, да. Послушай, Алекс, я чувствую себя, как последняя сволочь, но ты имеешь право...

Как раз в этот момент на лестнице появилась маленькая фигурка в забавной пижамке, воображающая себя пилотом истребителя, стреляющим из пушек, и заскользила вниз. Джеми, увидев старшего брата, издал вопль ликования.

— Я хочу пить, — сообщил пилот в ответ на вопросительный взгляд матери и «улетел» в направлении кухни.

— Послушай, — нетерпеливо сказала Мэнди, — я слышу, ты там занята. Я перезвоню тебе позже, может быть, завтра. Я...

— Нет! — перебила Алекс. — Не смей вешать трубку! — Она почувствовала, что Мэнди хочет сказать что-то очень важное. — Подожди минутку, я сейчас освобожусь.

Положив трубку на столик, Алекс поспешила за старшим сыном. Невысокая, но изящная, в белых эластичных брюках, облегающих красивые длинные ноги, в белых носках и кроссовках, Алекс выглядела удивительно стройной и подтянутой, особенно если учесть, что она выносила и родила троих детей. Правда, надо сказать, что этому способствовали регулярные занятия в местном спортивном центре плаванием и аэробикой и время от времени игра в бадминтон.

— Пойман с поличным! — заявила она шестилетнему сыну, запустившему руку в коробку с печеньем, бросив на него суровый взгляд, от которого тот залился краской, и нетерпеливо добавила: — Ладно уж, бери, и возьми одно для Кейт. Но никаких крошек в постели! — крикнула она вдогонку, когда мальчик с радостным воплем помчался прочь, пока мать не передумала.

Кухня была уютной и просторной — настолько просторной, что в одном из ее углов поместился сетчатый манеж. Алекс посадила туда Джеми, сунула ему соску и вернулась к телефону.

— Все в порядке, — сказала она, распутывая телефонный шнур, чтобы устроиться поудобнее на нижней ступеньке лестницы. — Ты слушаешь, Мэнди?

— Да. — Ответ прозвучал жестко. — Почему ты не наймешь кого-нибудь, кто помог бы тебе с детьми? — раздраженно спросила Аманда. — Иногда они просто невыносимы!

— Я передам это Дэйву, — пригрозила Алекс, не обижаясь всерьез. Мэнди была лишена материнских инстинктов. Александре же материнство доставляло радость, и она не стыдилась признаться в этом. — Я предпочитаю, чтобы дом принадлежал только мне. Когда в нем

прислуга, чувствуешь себя так, будто у тебя все время гости. Я не могу расслабляться в присутствии посторонних.

— Ну-ну, продолжай расслабляться, — с издевкой сказала Мэнди, — того и гляди, совсем уснешь! Ради бога, Алекс, когда ты перестанешь строить из себя спящую красавицу и раскроешь глаза?

— Раскрою глаза?

Алекс нахмурилась, не понимая, что заставило Мэнди предпринять такую атаку. Тяжелый вздох докатился до ее слуха.

— Алекс, — спросила подруга, — где сейчас Дэйв?

— Задержался на работе, — ответила она, все больше мрачняя.

— С ним это часто бывает в последнее время, не так ли?

— Ну, да. Но он очень занят этими делами с фирмой Харви. Разве ты не знаешь? — напомнила Алекс. — Я сама слышала, как вы обсуждали это, когда ты последний раз обедала у нас...

— С Харви было покончено несколько месяцев назад, Алекс! — выдохнула Мэнди.

Несколько месяцев назад? Неужели прошло несколько месяцев с того обеда? Она надула губы, припоминая. Джемми было около... около трех месяцев, вспомнила Алекс. Итак, это было три месяца назад! Боже мой, куда уходят дни, недели, месяцы?!

— Алло, Мэнди! — воскликнула она. — Ты должна в ближайшее время прийти к нам на обед. Я и не думала, что так давно не видела тебя! Я поговорю с Дэйвом, и мы решим, когда...

— Алекс! — В голосе Мэнди прозвучало неприкрытое раздражение. — Я звоню не для того, чтобы вытянуть из тебя приглашение на обед. Хотя на твои обеды стоит ходить. Не представляю, как ты умудряешься их устраивать, — добавила она еще более едко. — С этим домом и тремя сумасшедшими детьми, которые требуют внимания, не говоря уж о такой себялюбивой свинье, как...

Оседлала любимого конька, подумала Алекс отключаясь. Мэнди всегда возмущалась тем, что Алекс практически одна вела домашнее хозяйство, а Дэйв совсем не помогал ей. Разве она могла понять, как он занят, как тяжело ему одновременно делать карьеру и заботиться о большой семье? Она не понимала, что Алекс вовсе не осуждала мужа за задержки на работе, ведь все это он делал для них — для нее и детей, для их будущего.

— ...И я не могу позволить, чтобы это продолжалось дальше... не рассказать тебе, Алекс. В конце концов, ты моя подруга. И настало время раскрыть тебе глаза на то, что происходит у тебя под носом...

— Алло, подожди минутку! — включилась Александра, осознав, что полностью потеряла нить разговора. — Я, кажется, что-то упустила. Что происходит у меня под носом? О чем, ты считаешь, я должна знать?

— В самом деле? — вскричала Мэнди. — Ты вся в этом! Отключаешься, когда тебе пытаются сказать нечто важное. Проснись, Алекс, ради бога! Раскрой глаза!

— Раскрыть глаза на что? — Алекс стала проявлять нетерпение.

— На то, за какого ублюдка ты вышла замуж! — заорала Мэнди. — Черт, Алекс, он тебя просто дурачит! Дэйв вовсе не работает допоздна, а проводит время с другой женщиной!

Слова хлестнули Алекс, заставив вскочить на ноги.

— Что, прямо сейчас? — спросила она и поняла, что вопрос прозвучал глупо.

— Нет, конкретно не сейчас, — с некоторой запинкой ответила Мэнди, очевидно удивившись тупости вопроса. — Иногда, — уточнила она. — Не знаю, как часто! Знаю только, что у него роман. И, кажется, всему Лондону известно об этом, за исключением тебя!

Алекс не ответила. Воздух застыл в ее легких, тугой комок встал в горле, оцепенение медленно охватило ее тело, будто кто-то дал ей успокоительное, чтобы смягчить удар.

— Извини, Алекс... — хрипло сказала Мэнди, почувствовав ее шоковое состояние. — Не думай, что это мне нравится, независимо от того, что... — Она хотела сказать, что всегда возмущалась ее мужем и сейчас должна была бы радоваться его падению, но все-таки сдержалась. Мэнди не любила Дэйва. Он тоже не любил ее. Ни тот, ни другой не скрывали, что терпят друг друга только ради Алекс. — И не думай, что я стала бы рассказывать тебе все это, если бы не была в этом уверена, — вызывающе добавила она в ответ на затянувшееся молчание подруги. — Их видели вместе в городе. В ресторанах. И это не было похоже на деловые встречи. Но хуже всего то, что я видела их собственными глазами. Мой нынешний приятель живет в том же доме, что и эта Линда Марсден, — объяснила Мэнди. — Я видела, как она и Дэйв выходили...

Алекс перестала слушать, углубившись в себя и вспоминая моменты, делавшие то, о чем сказала Мэнди, слишком вероятным, чтобы можно было просто отмахнуться от ее слов. Нужно было давно обратить внимание на некоторые ситуации, но она была слишком погружена в лихорадочную рутину быта, чтобы замечать что-либо, слишком доверяла человеку, в любви которого к ней и к детям она никогда не сомневалась.

Но теперь она прозрела. Вспомнила, как часто он находился в плохом настроении в последнее время, огрызался на нее и на детей. Иногда он оставался по ночам работать в своем кабинете, вместо того чтобы делить с ней постель.

Алекс ощутила приступ дурноты и закрыла глаза. Другие картины всплыли в ее памяти: часто она сама была слишком утомлена, чтобы отвечать на его желание. Недели и месяцы взаимной неудовлетворенности, разочарований, непонимания.

Но ей казалось, что они справились с этой проблемой! В последнюю неделю или две, когда Джеми не просыпался по ночам и она не чувствовала себя такой усталой, все опять пришло в норму. Всего лишь несколько дней назад у них была чудесная ночь, и она опять трепетала в объятиях Дэйва.

О боже!

— Алекс...

Нет! Она больше не в состоянии слушать все это.

— Мне надо идти, — хрипло выдавила Александра. — Меня ждет Джеми.

Ни к чему выслушивать подробности. В ее памяти возникли детали куда более убийственные, чем проявление раздражительности или даже сексуальное охлаждение. Алекс вспомнила, как однажды, собираясь стирать, почувствовала тонкий запах дорогих духов, исходящий от одной из его рубашек. Это был тот же самый запах, который она безотчетно ощущала, целуя его, когда он вечерами поздно возвращался домой, — запах другой женщины.

Дура!

— Алекс, подожди, пожалуйста. Я...

Трубка с грохотом упала на рычаг. Алекс, словно с налитым свинцом телом, снова опустилась на ступеньку. Ее Дэйв с другой женщиной! Дэйв, обнимающий другую...

К горлу подступила тошнота. Александра подняла руку, чтобы прикрыть рот, но пальцы сами собой собрались в кулак, и побелевшие костяшки больно прижали ее холодные дрожащие губы к стиснутым зубам.

Телефон зазвонил снова. Усталый плач донесся из кухни и добавился к назойливому трезвону. Алекс поднялась. Странное спокойствие охватило ее. Она подняла и тут же положила трубку на рычаг. Затем сняла ее снова и, оставив лежать на столике, прошла в кухню.

Джеми заснул сразу после кормления. Он свернулся калачиком, выпятив круглую попку и подложив под пухлую щечку маленького игрушечного мишку. Алекс долго стояла, ничего не видя перед собой. В ее сознании, казалось, воцарилась пустота.

Как во сне, она вышла из комнаты Джеми и, проходя мимо, заглянула в комнаты близнецов. Сэмми спал как обычно, сбросив одеяло и свободно раскинув по подушке руки. Алекс наклонилась и, прежде чем осторожно подтянуть одеяло, запечатлела легкий поцелуй на щеке своего старшего сына. Сэм больше других детей был похож на отца: темноволосый, с резко очерченным подбородком, высокий и крепкий для своего возраста. В этом возрасте Дэйв выглядел так же: Алекс видела фотографии в альбоме его матери. В лице Сэма уже сейчас читалось упорство в достижении цели — такое же, как у его отца.

Сердце Алекс сжалось, но она проигнорировала это неприятное чувство и пошла в другую комнату, где спала дочь. Кейт была полной противоположностью своему брату-близнецу. Входя к ней утром, можно было быть почти уверенной, что она спит, не шелохнувшись, с вечера в той же самой позе. Шелковые волосы Кейт рассыпались по подушке, как солнечные лучи. Отец обожал свою синеглазую принцессу. А сообразительная маленькая леди знала это и использовала в полной мере.

Неужели Дэйв мог сделать то, что больно ранило бы его маленькую девочку или уронило бы авторитет в глазах старшего сына? Неужели он посмел рисковать всем этим ради такой вещи, как секс?

Секс? Пугающая догадка заставила Александру вздрогнуть. А вдруг это больше, чем секс. Может, он ничего не в силах поделаться с собой. Может быть, это любовь. Настоящая любовь — такая, ради которой мужчины готовы забыть все.

Но может, все это глупая ложь. Черная злонамеренная ложь! А она нанесла ему тяжкое оскорбление, приняв это за правду.

Но нет. Алекс снова вспомнила запах духов и те случаи, когда он не ночевал дома, ссылаясь на дело с Харви.

Будь проклят этот Харви!

Она вышла из комнаты Кейт и направилась в спальню, где всего лишь на прошлой неделе они вновь обрели друг друга. Той ночью все было прекрасно, впервые за многие месяцы. Что же произошло на прошлой неделе, что заставило его вдруг вновь вернуться к ней? Алекс попыталась сосредоточиться. Вот что произошло! Обеспокоенная отношениями с мужем, она решила кое-что предпринять. Александра отправила детей ночевать к матери Дэйва. Потом приготовила его любимое блюдо, поставила на стол лучший сервиз, зажгла свечи и встретила его в изящном платье, с поцелуем, который обещал так много...

Тогда Алекс не обратила внимания на его сжатые челюсти и легкое подергивание щеки, которое всегда выдавало его волнение. Но вспомнила об этом теперь, с болью оглянувшись назад. Закрыв глаза в тишине спальни, она представила напряженное худощавое лицо мужа и этот маленький нерв, который начал дрожать, как только ее руки обвили его шею, и она соблазнительно прижалась к нему.

О боже! Вновь подступила тошнота. Алекс, запнувшись о порог, вышла из спальни, спустилась по лестнице и направилась в гостиную, едва ли сознавая, что делает. Перед ее глазами продолжал стоять образ Дэйва в тот вечер. Она вспомнила напряжение, с которым он сжимал ее плечи, стараясь сохранить дистанцию между ними, и страдальческое выражение, промелькнувшее в его серых глазах при взгляде на ее зовущие губы. Дэйв судорожно вздохнул, и дрожь пробежала по его телу, когда она прошептала:

— Я люблю тебя, Дэйв. Прости за все огорчения.

Закрыв глаза, он судорожно сглотнул и сжал губы. Затем притянул ее ближе и обнял, спрятав лицо у нее в волосах. И не сказал ни слова: ни ответного извинения, ни ответного признания в любви — ничего.

Но потом все было замечательно. Воспоминание об этом с болью отозвалось где-то у нее в глубине. Что бы ни было у Дэйва с другой женщиной, он все еще хотел ее, Алекс. Хотел со страстью. Ни один мужчина не мог бы так притворяться.

Или мог? Интересный вопрос. Что вообще она знала о мужчинах и их сексуальных побуждениях? Ей только исполнилось семнадцать, когда она познакомилась с Дэйвом. Он был ее первым и единственным любовником. Она ничего не знала о других мужчинах. И о своем муже, видимо, тоже.

Взгляд Александры остановился на ее отражении в зеркале над белым мраморным камином. Она была бледной, немного напряженной, но, в общем, выглядела нормально: никаких следов потрясения. Просто Алекс Мастерсон, урожденная Джеймс. Двадцать четыре года. Мать. Жена — некоторым образом. Она горько улыбнулась — надо смотреть правде в глаза.

— Ты хотела его, — сказала она вслух своему отражению. — И ты получила его — всего за шесть коротких месяцев! Неплохо для наивной семнадцатилетней девочки. Дэйву тогда было двадцать четыре года. Достаточно умудренный жизнью, — насмешливо продолжала Алекс, — и попался на старый, всем известный трюк!

На самом деле все было не так, и она не имела права клеветать на себя. Она была совершенно невинна, когда познакомилась с Дэйвом. Это произошло во время первого в ее жизни посещения настоящего ночного клуба вместе с толпой одноклассниц, которым казался забавным ее страх. Она панически боялась, что спросят, сколько ей лет, и откроется, что она еще не достигла возраста, установленного правилами.

— Пойдем, Алекс! — подзадоривали они ее. — Если тебя спросят, обманешь их, как мы. Вот и все!

Подруги придумали ей новую дату рождения, которую она твердила в уме до тех пор, пока они не вошли в тускло освещенный роскошный зал клуба. Но даже там она вздрагивала, как испуганный кролик, каждый раз, когда кто-нибудь из вышибал проходил мимо, готовая быть выброшенной на улицу одним из тех, кто следил за порядком. Лишь постепенно, танцуя вместе с остальными, потягивая белое вино, она расслабилась.

Она заметила Дэйва, как только он вошел в клуб. От него исходило особое обаяние. Высокий, худощавый, с аккуратно причесанными темными волосами он был красив так, как бывают красивы кинозвезды. Подруги Алекс тоже обратили на него внимание и захихикали, когда он начал проявлять чрезмерный интерес к их танцующей группе. Но он смотрел именно на Алекс. Ее светлые длинные волосы естественными волнами падали на плечи. Хорошенькое личико было умело подкрашено гораздо более опытной в этих вопросах Джулией. Изящная фигурка обтянута черной мини-юбкой Джулии и красной короткой блузкой, дразнящей проблемском узкой полоски живота, когда Алекс изгибалась в ритме твиста. Если бы родители увидели ее одетой подобным образом, они, наверное, умерли бы от ужаса. Но они оставили ее на этот уик-энд у Джулии, а сами уехали навестить родственников, и не имели понятия, чем занималось в их отсутствие единственное, появившееся у них в позднем возрасте дитя.

Именно к Алекс подошел Дэйв, когда начался медленный танец, коснулся ее плеча и повернул лицом к себе, глядя на нее с улыбкой — спокойной, уверенной, обаятельной, как и он сам. Чувствуя зависть других девушек, она без единого слова позволила ему обнять себя. Алекс все еще помнила тот первый трепет от его прикосновения, от близости мужского тела.

Они танцевали целую вечность, прежде чем он заговорил.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Алекс, — смущенно ответила она и поправилась: — Александра Джеймс.

— Будем знакомы, Александра Джеймс, — сказал он и представился: — Дэйв Мастерсон.

Пока она наслаждалась интонациями его красивого голоса, он притянул ее ближе, и его рука скользнула под блузку, заставив Алекс задохнуться от этого неожиданного обжигающего прикосновения к ее голой спине.

Он не сделал попытки поцеловать ее и не предложил уйти с ним. Зато взял номер ее телефона, пообещав вскоре позвонить. И всю следующую неделю она не отходила от телефона, в нетерпении ожидая его звонка.

Во время их первого настоящего свидания Дэйв повез Алекс покататься на машине. Он ездил на красном «форде».

— Машина фирмы, — пояснил он с усмешкой, которую она никогда так и не смогла вполне понять.

Затем мягко, но настойчиво он заставил ее рассказать о себе, о семье, о друзьях. О том, что она любит и чего не любит. Услышав о ее желании изучать искусство в колледже с перспективой работать в рекламном деле, он спросил, сколько ей лет. Не в силах лгать, она виновато вспыхнула и сказала правду. После ее ответа Дэйв помрачнел и замолчал, а она, покусывая нижнюю губу, терзалась мыслями, что все пропало. Ее опасения, казалось, подтвердились,

когда он отвез ее домой и с отсутствующим видом пожелал спокойной ночи. Она была в отчаянии. В течение нескольких дней она почти не могла ни есть, ни спать и была на грани истощения, когда неделю спустя он позвонил.

На этот раз Дэйв повел ее в кино. Они сидели рядом в полутьме зрительного зала и смотрели на большой экран, но она не видела ничего, поглощенная тем, что он был рядом, совсем близко. Она чувствовала исходящий от него тонкий терпкий запах. Его бедро было всего в нескольких дюймах от ее колена, его плечо слегка касалось ее плеча. Напряженно сжав руки, она боялась пошевелиться, чтобы опять все не испортить, и потому испуганно вскрикнула, когда он взял ее за руку, судорожно сжатую в кулак. Дэйв мягко разогнул ее пальцы.

— Расслабься, — сказал он негромко, — я не собираюсь укусить тебя.

Весь ужас был в том, что наивная, как ребенок, не имея реального представления о том, что значит быть с мужчиной, она хотела его с безрассудством, которое, должно быть, было написано на ее лице. Видимо, поэтому Дэйв, пробормотав что-то, сильнее сжал ее руку и заставил себя снова обратить внимание на экран. Тем вечером он поцеловал ее, крепко и жадно, со страстью, которая подвела ее вплотную к запретной черте. Потом он отвез ее домой и чуть ли не силой заставил выйти из машины.

Тихий ресторанчик был выбран им как место следующего свидания. Во время ужина Дэйв, задумчиво глядя на нее, рассказывал о себе. Он работал коммивояжером в крупной фирме и по роду деятельности много ездил по стране в поисках новых контрактов, а потому иногда неделями не бывал дома. Он поведал ей о своем желании когда-нибудь создать собственную компанию, о том, что вкладывал свои комиссионные в акции, оставляя на жизнь небольшую сумму. Дэйв говорил ровно и тихо, так что ей пришлось слегка наклониться вперед, чтобы разбирать его слова, и все это время он не отрывал от нее взгляда, буквально пожирая ее глазами. К тому моменту, когда он отвез ее домой, она была готова к взрыву чувств, но все опять закончилось одним жадным поцелуем. Так прошло еще несколько свиданий, прежде чем в конце концов случилось неизбежное: самообладание покинуло его, и вместо кино, куда они договорились пойти, он привез ее к себе на квартиру.

После этого они редко стали бывать где-либо еще. Находиться рядом с ним, любить его превратилось в смысл ее жизни. Дэйв был теперь для нее важнее всего на свете — важнее отличных оценок в школе и мнения родителей, которые оказались не в силах ее образумить.

Алекс вспомнила, как три месяца спустя после их знакомства, стоя у дверей его квартиры, она ожидала его возвращения после почти двухнедельной поездки в Лондон.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Дэйв, увидев ее.

И только сейчас, почти семь лет спустя, она поняла, что он тогда вовсе ей не обрадовался. Его лицо было утомленным и напряженным, пожалуй, таким же, как в последние несколько месяцев.

— Мне надо было увидеть тебя, — объяснила она, доверчиво вложив свою ладонь в его руку.

Все было как всегда. Потом, пока Дэйв принимал душ, Алекс сварила кофе, и они выпили его в молчании. Он, одетый лишь в купальный халат, уселся в неуклюжее старое кресло, а она, как обычно, устроилась на полу у его ног.

Именно тогда Алекс сказала ему, что беременна. Дэйв не произнес ни слова. Она не смотрела на него, уютно прижавшись щекой к его бедру. Его рука машинально поглаживала ее волосы.

Наконец он вздохнул: вздох был тяжелый и долгий. Он приподнял ее и посадил к себе на колени. Она свернулась калачиком у его груди. Как ребенок, подумала она сейчас. Как Кейт, когда она ждет любви и ласки от своего папочки.

— Ты уверена в этом? — спросил Дэйв.

— Вполне, — ответила она, теснее прижимаясь к нему. В ее сознании он был осью, вокруг которой вращался ее мир. — Я купила тест на беременность, когда не пришли месячные. Он дал положительный результат. Ты думаешь, могла быть ошибка? — простодушно спросила Алекс. — Может быть, мне сходить к врачу, прежде чем мы решим, что делать?

— Нет, — отверг он эту идею. — Итак, ты беременна. Интересно, как это могло случиться? — задумчиво спросил он.

Она слегка опешила.

— Это твоя вина, — напомнила она ему. — Ты должен был позаботиться об этом.

— Да, это так, — признал он. — Что ж, по крайней мере у нас есть время, чтобы пожениться, пока весь город не узнал, почему нам приходится это делать.

Именно этого решения она и ожидала. Дэйв, ограждая ее от любых неприятностей, взял на себя все приготовления к свадьбе, включая разговор с ее родителями, которые были вне себя от жестокого разочарования в единственной дочери.

И только теперь, семь лет спустя, она поняла истинный смысл его слов: «У нас есть время, чтобы пожениться, пока весь город не узнал, почему нам приходится это делать». Это означало, что иначе он не женился бы на ней.

Она поймала его своей юностью, невинностью, детским доверием и слепым обожанием. Дэйв женился на ней, потому что он чувствовал, что должен сделать это.

Любви там не было и в помине.

Звук поворачивающегося в замочной скважине ключа вернул ее к действительности. Александра обернулась и бросила взгляд на стоящие на серванте часы в латунном корпусе. Была только половина девятого. Дэйв предполагал вернуться домой гораздо позже: он предупредил, что у него деловой обед. Горько усмехнувшись по поводу этого предупреждения, она подошла к открытым дверям гостиной.

Несмотря на то что он стоял к ней спиной, Алекс почувствовала напряжение в мышцах его шеи, в неподвижной линии плеч под черным пальто. Когда муж медленно повернулся и бросил на нее беглый взгляд, ей показались неестественными черты его бледного, посеревшего лица. Взгляд Дэйва упал на снятую телефонную трубку. Он подошел к столику, поставил на пол черный кожаный кейс и положил трубку на место. Алекс заметила, что его пальцы дрожали.

Видимо, Мэнди позвонила ему. Испугалась, когда Александра не захотела отвечать ей, и позвонила Дэйву, чтобы рассказать о том, что она сделала.

Он снова посмотрел на Алекс из-под полуопущенных век. Она немного помедлила, затем, не сказав ни слова, повернулась и вошла обратно в гостиную.

Он был виновен. Это было ясно как день.

Прошло несколько минут, прежде чем Дэйв присоединился к ней. Странно, но Александра чувствовала себя поразительно спокойно. Муж вошел в гостиную уже без пальто и пиджака. Узел его галстука был ослаблен, верхние пуговицы рубашки — расстегнуты. Не глядя на нее, он прошел прямо к бару, где как обычно стояла бутылка хорошего виски.

— Выпьешь? — спросил он, по-прежнему не смотря в ее сторону.

Алекс покачала головой. Должно быть, он спиной почувствовал ее отказ, так как не стал предлагать снова. Налив себе солидную порцию, он плюхнулся в кресло напротив нее.

Сделав большой глоток, Дэйв произнес:

— У тебя преданная подруга. Преданный муж, возразила она про себя.

Дэйв ни разу не взглянул на Алекс, с тех пор как вошел в комнату. Он сидел, вытянув ноги, прикрыв глаза и держа стакан с виски пальцами обеих рук — длинными, сильными пальцами с аккуратными, безукоризненно чистыми ногтями. Дэйв весь был такой — длинноногий, длиннорукий и безупречно аккуратный. Он всегда носил хорошие костюмы, ботинки, рубашки, дорогие шелковые галстуки.

Алекс отметила, что на этот раз его лицо было более бледным и напряженным, чем обычно, но все равно красивым — с правильными, четкими линиями, прямым носом и решительным ртом. Ему уже исполнился тридцать один год. Он всегда представлял собой тип мужественного человека, но с годами в его чертах стали сильнее проявляться такие качества, как внутренняя сила, уверенность, чувство собственного достоинства. Обладание властью, способность удержать эту власть в руках угадывались теперь в его лице, в манере поведения. Однако это было не нечто благоприобретенное, не знак того, что он добился успеха. Впечатление, которое производил Дэйв, всегда выделяло его из общей массы людей.

К этому следовало бы добавить его умение держать себя в руках. Дэйв всегда отличался высокой степенью самоконтроля, редко выходил из себя, даже если дела шли не так, как хотелось. Он обладал способностью решать проблему, оставив в стороне ее отрицательные моменты, работая только с положительными. Вероятно, именно этим он сейчас и занимался — обдумывал, что сделал с его семейной жизнью один телефонный звонок, и искал положительные крупинки, которые можно было бы извлечь из этой ситуации.

Вот он, истинный Дэйв Мастерсон, подумала Алекс, глава «Мастерсон Холдингс», организации, которая в последние несколько лет росла с феноменальной скоростью, поглощая и преобразуя маленькие компании в свои филиалы, гораздо более эффективные с коммерческой стороны. Он создал свою мини-империю, балансируя между успехом и катастрофой, но ни разу не подвергнув риску благосостояние своей семьи. Он окружил Алекс роскошью, заботясь о ней почти так, как хозяин заботится о вещи, к которой имеет сентиментальную привязанность.

— И что теперь? — неожиданно спросил Дэйв, приоткрыв свои красивые сизо-серые глаза в обрамлении темных ресниц.

Итак, он не собирается ничего отрицать. Что-то внутри Алекс вспыхнуло, готовое вырваться наружу, но она подавила порыв.

— Скажи ты, — пожала она плечами, сохраняя внешнее спокойствие.

Должно быть, Мэнди передала ему все в точности. Она, наверное, вообразила, что глупышка Алекс сделала с собой что-нибудь ужасное, например, повесилась или наглоталась таблеток. Как драматично! Бедняжка Мэнди, без тени сочувствия подумала Александра, она, скорее всего, действительно перепугалась, если осмелилась признаться во всем Дэйву.

— Она просто сука! — неожиданно выдавил Дэйв.

Очевидно, его мысли были далеко от мыслей Алекс. Он качнулся вперед. Пресловутый нерв предательски задрожал на его щеке. Уперев локти в колени, он в ярости уставился на ковер под ногами.

— Если бы она не сунула свой длинный нос куда не надо, ты была бы избавлена от этого потрясения. С этим уже покончено! — хрипло выпалил он. — Эта стерва давно точила на меня зуб. Она выжидала — выжидала, когда я поскользнусь, чтобы вонзить в меня свои когти! Но я никогда не думал, что она опустится настолько низко, чтобы втянуть в это тебя!

Верно, подумала Алекс, обвиняй Мэнди. Обвиняй всех и вся, кроме себя самого.

— Скажи что-нибудь, ради бога! — почти выкрикнул Дэйв, заставив ее вздрогнуть.

Она посмотрела на него отсутствующим взглядом, вдруг осознав, что ее эмоции сконцентрировались внутри нее и как бы ждут, когда будет нажата нужная кнопка, чтобы выплеснуться наружу. Но она надеялась, что этого не произойдет, и ей удастся сдержать их.

— Я хочу развода, — услышала Алекс свой голос и удивилась этим словам не меньше, чем Дэйв, потому что идея развода не приходила ей в голову до этого. — Ты можешь уйти. Я останусь с детьми. Для тебя не составит труда поддерживать нас, — буднично сказала она, вновь удивляясь своему спокойствию.

— Не будь душой! — заорал он. — Ты не могла придумать ничего глупее.

— Не кричи. Разбудишь детей.

Ее слова лишили Дэйва остатков самообладания. Он вскочил на ноги и с такой силой поставил стакан на каминную полку, что виски выплеснулось и растеклось по белому мрамору.

Посмотрев жене в глаза, он не смог выдержать ее взгляда и отвернулся, засунув руки в карманы брюк и ссутулив плечи.

— Послушай... — продолжил Дэйв спустя минуту, постаравшись взять себя в руки. — Это совсем не то, о чем ты думаешь, не то, что вообразила эта стерва! Это было просто... — он напряженно сглотнул, — ...минутное увлечение, которое закончилось раньше, чем реально началось!

Он сделал резкий взмах рукой, как бы иллюстрируя свои слова. Бедная Линда, подумала Алекс, быть гильотинированной подобным образом!

— У меня были проблемы, — продолжил он. — Из-за Харви могло погибнуть все, ради чего я работал.

Он дотянулся до стакана с виски и выпил содержимое одним глотком, как человек, мучимый жаждой.

— Мне приходилось тогда работать днем и ночью для того, чтобы держаться хотя бы на шаг впереди них. Ты в то время еще не вполне оправилась после рождения Джеми. Затем близнецы заболели корью, а ты не позволила нанять няню, чтобы помочь тебе! — перешел он в наступление. — Поэтому ты все время выглядела изможденной, и я беспокоился о тебе, о больных малышах, о Джеми, который просыпался каждые полчаса. Работа совершенно достала меня, и мне казалось, что тебе будет легче, если я не буду мешаться здесь со своими проблемами...

Он говорил о том, что было несколько месяцев назад, когда Алекс казалось, что все пошло вкривь и вкось. Но ей ни разу не приходило в голову, что к списку ее проблем следовало добавить связь ее мужа с другой женщиной!

— Алекс... — тихо проговорил Дэйв. — Я вовсе не собирался делать это. Я даже не хотел этого! Но мне нужен был кто-нибудь, и она оказалась рядом, и я только...

— Замолчи!

Александра прикрыла рот рукой, чтобы подавить приступ тошноты. Пошатываясь, она поднялась на ноги, враждебным взглядом предупредив его попытку поддержать ее. Спотыкаясь, она подошла к бару и трясущимися руками налила себе виски. Алекс терпеть его не могла, но сейчас почувствовала неодолимую потребность ощутить его обжигающее действие в своих жилах.

Дэйв беспомощно наблюдал, как она с трудом проглотила спиртное и закрыла глаза, пытаясь сохранить контроль над собой. Он физически ощущал ее эмоции, яростно рвавшиеся наружу.

— С этим покончено, Алекс! — повторил он хриплым голосом. В его голосе прозвучали интонации, которые она никогда не слышала прежде. — Бог свидетель, с этим покончено!

— И когда с этим было покончено? — Она взглянула на него испепеляющим взглядом. — Когда мое тело снова стало принадлежать тебе? Бедная Линда, — протяжно произнесла она. — Интересно, кого из нас ты считаешь большей дурочкой?

Он затряс головой.

— Не отрицаю, что это случилось, — заявил он, взъерошив волосы. — Я бы хотел, чтобы этого не было, но не могу повернуть время назад, как бы сильно я этого ни желал. Если это чему-нибудь поможет, я готов признать, что испытываю чувство стыда. Но, бог свидетель, — повторил он, — я даю тебе слово, что это никогда не повторится.

— До следующего раза, — процедила сквозь зубы Александра и резко направилась к двери, пока переполнявшая ее горечь не выплеснулась наружу.

— Нет! — вскричал Дэйв, схватив ее за руку и грубо притянув к себе. — Мы должны поговорить! — умоляюще добавил он. — Пожалуйста, я знаю, что тебе больно, но мы должны...

— Сколько раз! — выкрикнула Алекс, полностью теряя контроль над собой. — Сколько раз ты приходил домой с запахом ее духов на твоей коже. Сколько раз ты заставлял себя спать со мной, еще не остыв от ее объятий!

— Нет, нет, нет! — заорал он, железной хваткой удерживая жену. — Нет, Алекс! Никогда! Я никогда не позволял этому зайти так далеко!

Выражение презрительного недоверия на ее лице заставило его побледнеть.

— Я люблю тебя, Алекс, — произнес он охрипшим голосом. — Люблю тебя!

Это заявление окончательно вывело ее из себя, и, вырвав руку, она в безотчетном порыве ударила его по лицу.

Он разжал руки. Алекс отступила назад. Ее глаза горели такой ненавистью, что, пожалуй, никто из тех, кто знал Алекс, не мог бы даже предположить, что она на нее способна. Дэйв застыл, пораженный ужасом при виде этого взгляда.

Не сказав ни слова, Алекс повернулась и вышла из комнаты. У дверей их спальни она остановилась и после недолгого колебания направилась в комнату Джеми.

Подойдя к кроватке, она некоторое время стояла, глядя на спящего малыша и не понимая, как могла душевная боль стать причиной ее физического недомогания. Вдруг плотина, сдерживающая слезы, прорвалась. Бросившись на кровать, предназначенную для Джеми, когда он подрастет, она накрылась с головой одеялом с изображением веселого медвежонка, чтобы заглушить рыдания, продолжавшиеся до тех пор, пока ее не сморил тяжелый сон.

Утро наступило с агуканьем Джеми, который проснулся и лежал, весело дрыгая ножками в своей кроватке. Алекс вспомнила, почему она оказалась здесь, а не в постели с Дэйвом, и чувство горечи снова заполнило ее. Но все же пролитые ночью слезы облегчили боль.

Алекс встала, неприятно пораженная тем, что на ней та же самая одежда, в которой она была, когда позвонила Мэнди. Подняв руку, она нащупала резинку, все еще стягивающую волосы в спутанный узел, сняла ее и встряхнула головой — длинные волосы свободно рассыпались по спине. Александра чувствовала себя ужасно — она даже не сняла кроссовки перед сном! Она присела на кровать и стянула обувь. В этот момент малыш заметил ее и издал довольный возглас.

Алекс подошла и склонилась над кроваткой. Радостная улыбка ребенка подействовала на нее, как бальзам. Она на некоторое время забыла обо всем и принялась играть с малышом, щекоча его животик и говоря все те ласковые слова, которые обычно матери говорят своим детям.

Уж это-то мое, с грустью подумала Алекс. Какие бы удары ни уготовила ей жизнь, никто не отнимет у нее любовь ее детей. Это, безмолвно декларировала она, принадлежит мне.

Обнаружив, что ребенок мокрый, она раздела его и вынула из кроватки. Джеми всегда был жизнерадостным по утрам, и сейчас что-то весело щебетал, подпрыгивая на руках у Алекс, пока она несла его в маленькую ванную комнату. Налив в ванну немного воды, она искупала малыша и, завернув в полотенце, отнесла обратно в комнату и одела. Обычно после этого она спускалась с ним вниз, чтобы покормить его. Но сейчас она понимала, что близнецы не смогут не заметить, как она выглядит, и не спросить, почему на ней та же одежда, что и вчера. Ей потребовалось собрать всю свою волю, чтобы пойти в спальню. Она знала, что Дэйв как раз встает в это время. Алекс тихонько проскользнула в дверь, пытаясь разглядеть в полумраке его фигуру под одеялом, но его там не было. Из ванной доносился шум воды. Дэйв появился минуту спустя, одетый в чистую белую рубашку и брюки от серого костюма. Увидев ее, он остановился как вкопанный.

За все годы, что она знала Дэйва, Алекс впервые почувствовала себя неловко в его присутствии. При виде его стройной мускулистой фигуры, подчеркнутой безукоризненно сидящей на нем одеждой, ей стало не по себе из-за своего неопрятного вида, опухших от слез

глаз, растрепанных волос.

Алекс встретила взглядом с мужем и сразу же поняла, что он устал и не выспался. Наверное, обдумывал положение, разрабатывал план, пытался найти выход... Ему всегда удавалось добиваться успеха в безвыходной ситуации.

Дэйв только что побрился: упрямый подбородок выглядел особенно чистым и гладким. Алекс уловила знакомый запах его одеколона и почувствовала волнение. Сексуальный магнетизм не знает границ, горько признала она. Даже сейчас, когда ей казалось, что у нее не осталось к мужу ничего, кроме ненависти и презрения, он продолжал волновать ее как мужчина, которого она так долго и так слепо любила.

Александра подошла к кровати и, опершись коленом о край матраса, положила Джеми на середину, заметив, что Дэйв не разбирает постель. Единственным свидетельством того, что он вообще ложился, был отпечаток его тела на гладкой поверхности персикового одеяла. Джеми задрыгал ножками, стараясь привлечь внимание отца, но тот не отрывал глаз от жены. Малыш попытался сесть, но это ему не удалось. Его лицо покраснело, и он недовольно заплакал. Алекс, инстинктивно улыбнувшись, протянула ему руку, и он уцепился за нее. В это время Дэйв подошел к кровати, наклонился к сыну и подхватил его за другую ручку. Малыш сел, издал победный возглас и, освободившись от родительских рук, начал хлопать ладошками по мягкому одеялу.

Алекс не отрывала глаз от ребенка, чувствуя обжигающий взгляд Дэйва на своем лице.

— Алекс, посмотри на меня, пожалуйста.

В его голосе звучала мольба. Жалость шевельнулась в душе Александры, но она не поддавалась этому чувству и покачала головой, прошептав:

— Нет.

Дэйв тяжело вздохнул, затем дотянулся до Джеми, поднял его на руки, поцеловал в нежную детскую щечку и снова посадил на кровать.

Алекс сделала движение, чтобы встать, но Дэйв опередил ее. Нежно обхватив рукой ее запястье, он притянул ее к себе и заключил в объятия.

Это нечестно, подумала она, чувствуя, что ей хочется, как раньше, прижаться к нему в поисках утешения и защиты. К ее горлу подступил комок, и она всхлипнула, пытаясь сдержать слезы.

— Не надо, не плачь, — взволнованно пробормотал Дэйв.

Его слова возымели прямо противоположное действие, и мгновение спустя она рыдала на его плече.

— Прости, — повторял он снова и снова. — Прости, прости...

Но разве этого было достаточно? Этого никогда не будет достаточно. Любовь, доверие, уважение — все ушло, и «прости» никогда не вернет им их прежнюю жизнь.

— Со мной все в порядке, — невнятно проговорила она, прилагая титанические усилия, чтобы взять себя в руки и освободиться из его объятий...

Но Дэйв крепко держал ее.

— Алекс, я причинил тебе боль, — с мукой в голосе произнес он. — Но не надо принимать скоропалительных решений в таком...

...Эмоциональном состоянии, — договорила она про себя оборвавшуюся фразу.

— Все наладится, дай только шанс. Не отбрасывай все, что было, из-за одной глупой ошибки, которую я допустил. Ты не можешь сделать это!

— Не я это сделала, — возразила она, отстраняясь от него.

На этот раз Дэйв не стал удерживать ее. Потускневшим взглядом он наблюдал, как она поднялась с кровати и начала потерянно ходить по комнате в поисках одежды, от шкафа к комоду и обратно, почти не соображая, что именно она ищет.

Все эти годы она слепо доверяла ему, понимая, как важно было для него осуществление его жизненных планов. Все эти годы она сидела лопом, как изнеженная домашняя кошечка или собачка, которую хозяин не забывал вовремя погладить, покормить и напоить, время от времени вывести погулять, и была довольна своей судьбой.

Какое жалкое создание! — усмехнулась она про себя.

Заплакал Джеми: он захотел есть. Веселая игра сменилась громкими требованиями внимания.

Алекс растерянно стояла посреди комнаты с ворохом чистой одежды и никак не могла сообразить, что же ей сделать сначала: пойти переодеться или успокоить Джеми. Выбор был простой, но ей казалось, что она не в состоянии принять решение.

В конце концов, Дэйв взял ребенка на руки и направился с ним к двери.

— Я присмотрю за ним, — сказал он. — Не торопись. Еще рано.

Он вышел, оставив Алекс одну, буквально раздавленную случившимся.

Завтрак был ужасным. Александра, казалось, была готова выйти из себя по малейшему поводу. Кейт слишком много разговаривала, Сэм налил мало молока в свой «Витабикс», и теперь не успевшие размокнуть брикеты хлопьев лежали в его тарелке, как два кирпича, которые он безуспешно пытался разломить. Она насыпала в кофеварку слишком много кофе, и он получился таким горьким, что его едва ли можно было пить. Наконец, сердясь на себя за свою неспособность справиться с эмоциями, она набросилась на Сэма, припомнив, что позавчера он не выключил телевизор и разбросал по полу книги. К моменту, когда Алекс остановилась, Сэм побледнел и сжался, Кейт была потрясена, Джеми затих, а Дэйв... Ну, Дэйв был всего лишь мрачен. Завтрак завершился в полном молчании. Дети вздохнули с явным облегчением, когда отец наконец отправил их по своим комнатам собираться в школу.

— Не было никакой причины так набрасываться на Сэма! — процедил сквозь зубы Дэйв, как только близнецы удалились. — Ты знаешь так же хорошо, как и я, что обычно он аккуратней всех нас! Ты превратишь всех троих в неврастеников, если не будешь следить за собой, — предостерег он. — Они хорошо себя ведут большую часть времени. Я не позволю тебе срывать на них раздражение! Они не виноваты, что ты злишься на меня.

Алекс повернулась к нему.

— Откуда тебе знать, как они себя ведут? — накинулась она на него, заметив, к своему глубокому удовлетворению, что попала в точку. — Ты видишь их за завтраком, и то лишь поверх своей драгоценной «Файнэншл Таймс»! Большую часть времени ты даже не помнишь, что у тебя трое детей! Ты любишь их так... так... как эту картину Лаури, которую ты купил. Так что не смей указывать мне, как воспитывать моих детей!

Что со мной происходит? — спохватилась Алекс, судорожно отступив назад, когда Дэйв медленно встал, со злостью глядя на нее через кухонный стол. Казалось, он сейчас ударит ее.

Я схожу с ума, подумала она, чувствуя головокружение. Я сейчас разлечусь на миллион осколков!

— Ты можешь обвинять меня во многом, Алекс, — жестко произнес Дэйв, — но только не в том, что я не люблю наших детей! — Он выделил голосом слово «наших».

— Неужели? — с презрительной иронией отреагировала она. — Ты женился на мне только потому, что сделал меня беременной! И даже маленький Джеми был ошибкой, с которой ты не сразу примирился, потому что...

Его кулак с грохотом опустился на крышку стола, оборвав ее на полуслове. Алекс нервно заморгала, увидев, как он резко двинулся к ней, задев бедром за угол массивного соснового стола, сдвинув его при этом на целый фут. Она почувствовала страх, когда Дэйв приблизился к ней с вытянутыми вперед руками, как будто собирался задушить ее.

Он схватил ее за плечи, и Алекс почувствовала, что он содрогается от еле сдерживаемой ярости.

— Он еще слишком мал, чтобы понимать твои намеки, — хрипло сказал Дэйв, кивнув в сторону притихшего Джеми. — Но если близнецы слышали твои слова, если ты дала им хоть какой-то повод думать, что я не люблю их, я...

Он не закончил фразу — в этом не было необходимости. Алекс прекрасно поняла, какую угрозу он хотел высказать. Дэйв пристально смотрел на нее еще несколько мгновений, затем разжал руки и вышел.

Сделав глубокий нервный вздох, Алекс поняла, что почти не дышала во время этой сцены. Инстинктивно ища утешения, она подхватила на руки Джеми и крепко прижала его к себе. Стыд и злость душили ее: она сама своим поведением, дурацкими упреками дала ему право на ответную атаку.

3

К концу недели близнецы начали замечать, что в семье что-то не так. И первой попыталась выяснить причину этого наблюдательная и любопытная Кейт.

— Мама, почему ты спишь в комнате Джеми? — спросила она утром в воскресенье, когда вся семья собралась за завтраком.

Ее новое спальное место было обнаружено близнецами из-за того, что Джеми сегодня спал дольше обычного, и Алекс проспала вместе с ним. В течение нескольких бессонных ночей, ворочаясь на узкой кровати, вновь и вновь переживая случившееся, она совершенно вымоталась, и вчера вечером, едва забравшись под одеяло, погрузилась в глубокий, без сновидений сон, который продолжался до тех пор, пока ее не разбудил зашедший в комнату

Сэм.

Долгий сон не принес ей облегчения: ни боль в сердце, ни гнев, ни приступы горечи и отвращения к себе самой не исчезли. Она как бы впала в забытие, жизнь потеряла краски и четкие очертания, и все представало в приглушенных серых тонах.

Дэйв выглядел не лучше, напряженное выражение не сходило с его лица. Теперь, после того как их уютный мир взорвался, он стал возвращаться с работы точно в половине седьмого. Алекс подозревала, что причиной этого стали ее упреки по поводу его отцовских чувств, а вовсе не желание доказать, что он покончил со своей любовной связью. Она знала, что задела его за живое.

Итак, теперь Дэйв приходил домой достаточно рано, чтобы взять на себя купание и укладывание детей, пока Александра готовила ужин. Внешне все выглядело абсолютно нормальным — они оба предпринимали усилия, чтобы скрыть от детей свои проблемы. Им удавалось это, но только до тех пор, пока в доме не стихали детские голоса, и не воцарялась тишина.

Они ужинали в тягостном молчании. Редкие попытки Дэйва начать разговор не находили у Алекс поддержки. Поэтому он при первой же возможности скрывался в своем кабинете, а она убирала тарелки с почти нетронутой едой и шла в комнату Джеми, чувствуя себя с каждым днем все более подавленно и одиноко.

Она все еще находилась под впечатлением разрушительного удара, несмотря на свое отрешенное состояние. А Дэйв только наблюдал мрачно и молчаливо, выжидая, как ей казалось, того момента, когда она сломается под этой тяжестью.

И вот сейчас ей надо было что-то ответить на вопрос дочери. Лихорадочные поиски правдоподобного ответа заполнили ее сознание, сгоняя с ее и без того бледного лица последние остатки краски, наконец ей удалось выдавить из себя:

— У Джеми опять режутся зубки.

Угол воскресной газеты, которую читал Дэйв, дернулся. Алекс знала, что он слушал, может быть, даже наблюдал за ней поверх газетного листа, но не повернула головы, чтобы проверить это. Ее не интересовало, что он делал.

Светловолосая, синеглазая, поразительно похожая на мать, Кейт понимающе кивнула. Зубки младшего брата и раньше были причиной бессонных ночей мамы, хотя тогда она не перебиралась спать в его комнату. Но, видимо, Кейт не вспомнила об этом, уже переключив внимание на своего дорогого папочку.

— Конечно, папа, ты скучал без мамы, некому было тебя приласкать, убаюкать, — посочувствовала Кейт, слезая со стула и забираясь на колени к Дэйву. Она беззаботно отпихнула газету и уютно устроилась у его сильного, надежного плеча, точно зная, что он рад ей. — Ты бы сказал мне, — лукаво продолжила она, — я бы пришла и убаюкала тебя вместо мамы.

— Спасибо, моя принцесса. — Дэйв отложил газету в сторону. — Но я думаю, что могу потерпеть некоторое время, не чувствуя себя полностью отвергнутым.

Последнее замечание явно предназначалось Алекс, но она проигнорировала его. Она пила кофе, стараясь не показать, каких усилий ей стоило просто находиться здесь.

Дэйв сидел, одетый в синий махровый халат, между запахнутыми на груди полами которого виднелись темные курчавые волосы. Он с такой нескрываемой любовью коснулся поцелуем нежной щеки дочери, что внутри у Алекс что-то сжалось и оборвалось. Незнакомое ранее чувство ревности пронзило ее насквозь, заставив вскочить на ноги в ужасе перед тем, что творилось в ее душе.

Ревность к собственной дочери! Как она могла дойти до такого ожесточения, до такого извращения?

В полном отчаянии Алекс принялась убирать со стола. Дэйв внимательно посмотрел на нее. Она не удержалась от ответного взгляда, и, должно быть, в ее синих глазах промелькнуло недоброе выражение, потому что Дэйв снисходительно прищурился. Алекс отвернулась и, желая разрушить благодушную атмосферу, стала наводить на кухне порядок, намеренно гремя посудой.

Ее раздражение усилилось, когда она увидела, что ее тактика не приносит результатов. Они просто не обращали на нее внимания. Сэм включился в разговор с Кейт и отцом, и даже Джемми переместился из своего высокого креслица на свободное колено Дэйва, где в полном блаженстве, словно принимая участие в беседе, лепетал что-то, понятное ему одному.

Этого Алекс не могла вынести. Безмятежная сцена терзала ее издерганные нервы. Она чувствовала себя покинутой, лишней из-за того, что не могла переступить через все происшедшее и присоединиться к ним, как сделала бы раньше. Линда встала на ее пути, как неприступная стена, отделяющая ее от семьи, от любви и привязанности, которые, как всегда считала Алекс, принадлежали ей по праву.

Опасаясь, что в таком состоянии она что-нибудь разобьет, Алекс оставила посуду в покое и вышла из кухни, невнятно пробормотав, что надо убрать постель, понимая, что все равно ее никто не услышал, и чувствуя себя от этого еще более одинокой. Алекс стояла посредине супружеской спальни, бесцельно глядя в пространство, когда вошел Дэйв. Она поспешно бросилась в роскошную ванную комнату, пытаясь сделать вид, что именно там она наводила порядок.

Когда она вышла, он стоял у окна, засунув руки в карманы халата. Высокий и сильный, Дэйв выглядел дьявольски привлекательным, настолько, что ей захотелось запустить в него чем-нибудь, лишь бы облегчить страшную боль, разъедающую ее изнутри. Заставив себя не обращать на него внимания, Алекс принялась наводить порядок. Она собиралась убрать его постель, но теперь, когда он был рядом, избегала даже смотреть на него. После звонка Мэнди ей стало трудно выполнять эту несложную работу. Каждое утро ей приходилось пересиливать себя, чтобы войти в спальню, взбить подушки и поправить одеяло. Постель хранила запах, пробуждающий в ней чувства, которые она предпочла бы оставить спящими, тем более что верила, точнее, хотела верить, что Дэйв убил их. Но на самом деле ее чувства к Дэйву скорее усиливались, чем ослабевали. Предательство вызывало в ней ненависть, гнев рождал желание, а боль не давала забыть о том, что раньше составляло смысл ее жизни.

Дэйв молча наблюдал за ее беспорядочными действиями, но когда молчание угрожающе заполнило все пространство спальни, он подошел к ней и остановился, преградив путь.

— Алекс, — мягко сказал он, пытаясь поймать ее ускользающий взгляд. — Ты помнишь, что я уезжаю в Бирмингем на всю следующую неделю?

Конечно, она забыла. Но теперь вспомнила. Гнев по поводу того, что и сейчас у него работа

стоит на первом месте, трансформировался в холодно-деловой тон:

— Что я должна собрать?

Мучительные вопросы против воли возникли в ее сознании. Собирается ли Линда ехать с ним? Предполагает ли он заказать уютный номер на двоих?

Сердце учащенно забилося. Она хотела сделать шаг назад, но, не желая уступать, осталась на месте. Супругов разделяло ничтожное расстояние — впервые за последние дни они находились физически так близко друг к другу. От горького ощущения этой близости у Алекс побежали мурашки по телу.

— Как обычно, — коротко ответил Дэйв.

Алекс всегда сама собирала его чемодан для таких поездок — аккуратно укладывала рубашки, носки, белье, носовые платки, галстуки, несколько костюмов. И даже сейчас, когда ей хотелось заявить ему, чтобы он сам упаковывал свой чертов чемодан, она стала составлять в уме список необходимых ему вещей.

Стойкий условный рефлекс, усмехнулась Алекс про себя. Хорошо запрограммирована.

— С тобой все будет в порядке? — спросил Дэйв после напряженной паузы.

Вопрос прозвучал как-то неуверенно. Возможно, Дэйв опасался, что Алекс могла использовать его как предлог для нападок. Всю неделю он был очень осторожен, стараясь не сделать ничего такого, что могло бы вызвать скандал.

— Я... я мог бы попросить свою мать приехать к нам на это время, если тебе нужна компания или...

— А зачем мне компания? — Она обожгла его взглядом. — Я справлялась раньше, когда ты уезжал, и, без сомнения, справлюсь и на этот раз. Мне не нужна нянька.

Это был намек на то, что он якобы считал ее беспомощным ребенком. Дэйв сжал челюсти, но оставил колкость без ответа.

— Не сомневаюсь, что ты справишься, — сказал он. — Но ты выглядишь усталой. И я просто хотел спросить, как было бы лучше для тебя, вот и все.

Усталой, повторила Алекс про себя. Не усталой, а совсем изможденной.

— Твоя секретарша едет с тобой?

Черт, она вовсе не хотела задавать этот вопрос!

— Да, но...

— Значит, можно не беспокоиться о твоём комфорте?

— Алекс, — вздохнул он. — Линда не...

— Я не желаю знать.

Оттолкнув его, она прошла мимо, предпочтя на мгновение коснуться его тела, чем продолжать

этот невыносимый разговор.

— Тогда зачем ты задала этот чертов вопрос? — заорал он, но, с усилием снова взяв себя в руки, сказал тише: — Алекс, нам надо объясниться!

Стиснув зубы, она принялась убирать постель, поскольку только это и осталось сделать в комнате.

— Так больше не может продолжаться. — Дэйв решил обратиться к здравому смыслу. — Ты должна понять. Кейт теперь будет начеку, наблюдая и подсчитывая, как долго, ты спишь в комнате Джеми...

— И мы не должны расстраивать твою дорогую Кейт, да? — выпалила Алекс, мгновенно ужаснувшись своим словам. Как она может испытывать ревность к собственному ребенку! Слепую, страшную ревность к нежной крошке, которой по праву принадлежит любовь ее отца!

— Не надо так, Алекс, — хмуро упрекнул ее Дэйв, и она мысленно согласилась с его словами, чувствуя отвращение к самой себе.

Постель была убрана. Теперь Алекс могла идти...

— Позволь мне объяснить тебе насчет Линды, — осторожно начал Дэйв. — Она не...

— Ты будешь дома сегодня? — перебила Александра.

Пусть он заткнется насчет своей драгоценной Линды.

— Да. Почему тебя это интересует? — спросил Дэйв.

— Потому что я собираюсь уйти, а раз ты будешь дома, то мне не придется просить твою мать присмотреть за детьми. — Алекс сама не понимала, почему сказала это. Решение не было осознанным. Но, сказав, вдруг поняла, что идея побыть некоторое время одной принадлежала только ей самой. Это как раз то, что ей сейчас необходимо.

Она заглянула в гардероб, дрожа от внезапно нахлынувшего нестерпимого желания побыстрее уйти из дома, прочь от всех его обитателей, и вытащила первое, что попало под руку. Дэйв ошеломленно глядел, как она натягивала на себя куртку из плащевки, пока наконец не очнулся.

— Если ты хотела куда-то пойти, надо было так и сказать!

У куртки заело молнию, и Алекс, наклонив голову, пыталась справиться с ней. Как здесь жарко! От борьбы с молнией она вспотела. Можно ли задохнуться от эмоций? Безумный вопрос. Но именно это с ней и происходило. Ее заперли среди этих стен... среди этих чувств.

— Дай мне десять минут, я оденусь, и мы пойдем вместе...

Обувь! Надо надеть что-нибудь на ноги! Она присела и стала судорожно рыться на дне шкафа. Дэйв в замешательстве смотрел на нее, видимо, не в силах сдвинуться с места.

Найдя черные кожаные сапоги, Алекс села на ковер и стала натягивать их, трясущимися пальцами заправляя внутрь узкие джинсы.

— Алекс... не делай этого! — Голос Дэйва прозвучал резко. Должно быть, его задело ее явное

желание уйти одной. — Ты раньше никогда не уходила без нас. Подожди, пока мы все сможем...

Его слова доносились до нее как сквозь стену. Но часть из того, что он сказал, все же проникла в ее сознание. Дэйв прав, она никогда и никуда не ходила одна, ее обязательно кто-нибудь сопровождал: Дэйв, дети или его мать! Всю свою взрослую жизнь она жила под чьим-нибудь крылышком. Сначала это были родители и более самостоятельные подруги, потом Дэйв. Главным образом, Дэйв!

Ей почти двадцать пять лет! И кто она есть — маленькая неряшливая домохозяйка с тремя детьми и мужем, который...

— Я иду одна! Ты не переломишься, если один раз посидишь с детьми!

— Я вовсе не это имел в виду, — нетерпеливо вздохнул он. — Но, Алекс, ты никогда...

— Вот именно! — Она вскочила на ноги и увернулась, когда он попытался схватить ее за руку. — Пока ты был занят своей карьерой, погоней за своей синей птицей, своими любовными интригами, — с горечью выкрикнула она ему, — я тихо сидела здесь, в этом проклятом доме, как прикованная!

— Не говори глупости! — возразил Дэйв, сделав еще одну, на этот раз успешную, попытку схватить ее за запястье. — Это смешно. Ты ведешь себя, как ребенок!

— Но так оно и есть, Дэйв, разве ты не видишь? — воскликнула Алекс, пытаясь найти в нем понимание, несмотря на свой бунтарский порыв. — Я и есть ребенок! Избалованный, изнеженный ребенок. Я не стала взрослой, потому что мне не дали такой возможности! Мне было семнадцать, когда я вышла за тебя замуж! Я еще училась в школе! А до того, как появился ты, родители опекали меня, как тепличное растение! Боже мой, каким ударом, должно быть, было для них открытие, что их невинная девочка спала с этим здоровенным серым волком, а они даже об этом ничего не знали!

Дэйв рассмеялся: ее описание было настолько точным, что оставалось либо смеяться, либо плакать.

— Потом я забеременела и сменила одну пару родителей на другую — на тебя и твою мать!

— Но это не так, Алекс, — горячо запротестовал Дэйв. — Я никогда не смотрел на тебя, как на ребенка. Я...

— Ты лжешь! — заявила она. — Нагло, лицемерно лжешь! Тебе нужны доказательства? Посмотри, как ты запаниковал из-за того, что я захотела уйти одна! Ты ведешь себя так, как если бы на моем месте была Кейт!

— Это какое-то безумие! — вырвалось у Дэйва.

— Безумие? — повторила Алекс. — Ты находишь, что это безумие? Ну, а как я, черт возьми, должна себя чувствовать, когда со мной обращаются подобным образом? Мне осточертело все это! Ради бога, дай мне уйти!

Всклипнув, она вырвала руку и выбежала из комнаты. Как в тумане, она спустилась по лестнице с ощущением, что все вокруг как-то странно изменилось, словно стало чужим. В холле она машинально взяла со столика свою сумочку и вышла на улицу.

Ее белый «форд-эскорт» был заблокирован черным «БМВ» Дэйва, поэтому она просто побежала прочь от красивого современного дома, построенного пять лет назад в этом пригороде Лондона. Алекс полюбила этот дом сразу, как только переступила его порог. Отдельный дом ни в какое сравнение с ним не шла крошечная квартирка, которую они снимали до этого. Но сейчас у нее было только одно желание — как можно дальше уйти отсюда, и поэтому она устремилась по обсаженной деревьями улице к шоссе. Хотя она понимала, что Дэйв вряд ли бросится догонять ее, так как ему понадобилась бы целая вечность, чтобы одеться самому и одеть детей, она поспешила запрыгнуть в первый подошедший автобус.

Автобус направлялся в центр города. Она села и бездумно уставилась в окно. Сквозь грязное стекло она разглядела парк, куда она часто приводила гулять детей. Или это они приводили ее? Ей казалось, что она уже ничего не знала наверняка.

С поднятым воротником, чтобы защититься от холодного осеннего ветра, засунув руки в карманы и опустив голову, Алекс шла по пустынным воскресным улицам Лондона, погруженная в поток жестоких мыслей. Она чувствовала себя все более несчастной по мере того, как перед ней безжалостно вырисовывался истинный образ Александры Мастерсон. Алекс рассматривала себя как бы со стороны. Двадцатичетырехлетняя женщина, чье эмоциональное развитие остановилось в семнадцать лет, когда она жила в сказочном, полудетском мире фантазий. Сразу поверив, что Дэйв любит ее, потому что он сделал ее своей возлюбленной, за все годы совместной жизни с ним она ни разу не усомнилась в его чувствах к ней.

Как она ошибалась! Но нужно отдать ему справедливость, он безропотно взял на себя ответственность за ее беременность.

Дэйв просто заплатил свой долг, пришла к выводу Алекс, заплатил за то, что позволил себе увлечься юной невинной девочкой. И если он действительно вел двойную жизнь, то, может быть, потому что считал себя не вправе бросить ее, Алекс.

А другая жизнь у него была, несомненно. Только сейчас она осознала, что Дэйв никогда даже не пытался вовлечь ее в ту стремительную, лихорадочную жизнь, которую он вел за пределами их хорошо организованного уютного мирка, созданного для нее, как для маленькой девочки, которой захотелось поиграть в дочки-матери.

Была ли это для нее игра — быть женой, матерью его детей, — Алекс была не в состоянии ответить.

Прошло уже несколько часов, как она ушла из дома, но она не замечала времени, погруженная в свои переживания. Наконец, совершенно обессиленная и замерзшая, она вдруг поняла, что дом — это единственное место в мире, где ей хочется сейчас очутиться, и поймала такси. Отчасти это означало поражение: краткий рывок на свободу не принес ей ничего хорошего.

4

Когда Алекс вошла в гостиную, Дэйв, развалившись, лежал на диване, держа перед собой книгу, и производил впечатление человека, в течение нескольких часов не встававшего с места. Он не обратил на нее никакого внимания. Постояв немного с вызывающим видом в ожидании взрыва, который так и не произошел, она закрыла дверь и прошла в кухню. Ему не удалось обмануть ее своим равнодушным видом: расплачиваясь с таксистом, она видела, как качнулись шторы в окне гостиной. Мысль, что ему зачем-то понадобилось скрывать свое

беспокойство, развеселила ее.

Алекс с отсутствующим видом следила, как кофе капал сквозь фильтр, постепенно наполняя кофейник. Ее куртка висела на спинке стула, сапоги стояли у двери кухни. Дэйв появился бесшумно, как кот, крадущийся за мышью. Он был босиком, в темно-зеленой рубашке, небрежно заправленной в брюки, которые, как всегда, отлично сидели на его узких бедрах.

— Тебе стоит позвонить Мэнди, — пробормотал он, пододвигая ногой стул и усаживаясь на него.

— Зачем? — спросила Алекс, бросив на него мимолетный взгляд.

— Потому что я целый день проклинал ее, думая, что ты была там, а она не захотела сказать мне об этом.

— А почему ты так уверен, что я не была там?

После паузы он неохотно объяснил:

— Потому что я попросил мать присмотреть за детьми, а сам съездил на квартиру к Мэнди, чтобы убедиться во всем самому.

— Итак, теперь и твоя мать, и Мэнди знают, что я сбежала из дома на целый день, — сухо заметила Алекс.

Кофе был готов, и она сняла с сушилки прелестно раскрашенную кружку.

— Ты не можешь винить меня за то, что я беспокоился о тебе, когда ты ни с того ни с сего помчалась куда-то, — проворчал он, чувствуя неловкость.

Хорошо, подумала Алекс. Это отучит его обращаться со мной, как с ребенком. Может быть, я и есть ребенок, но это не значит, что я хочу, чтобы меня им считали. И, в любом случае, он должен понять, что поведение его маленькой жены не настолько предсказуемо, как ему казалось.

Она села напротив него, обхватив холодными руками горячую кружку. Дэйв сидел, ссутулившись, положив руки на стол. Наклонив голову, он нервно сжимал переплетенные пальцы, в нем явно шла внутренняя борьба. Густые темные волосы были взлохмачены. Алекс никогда не видела его таким.

— Твои родители тоже знают, — неожиданно произнес он. — Я позвонил им, когда у меня не осталось предположений о том, где ты можешь быть. Они весь день ждут, что ты приедешь в Олтрингем. Тебе стоит позвонить им и сказать, что все в порядке.

Итак, у него были всего три предположения о том, где она могла быть. И как это может характеризовать ее? Хватит самоанализа, решила Алекс, отложим этот вопрос на потом.

— Вот что я тебе скажу, Дэйв, — заявила она. — Почему бы тебе самому не позвонить им, ведь это ты взбудоражил всех? И своей матери и Мэнди тоже, раз ты заварил эту кашу. Я не желаю разговаривать с ней лично.

— С кем? С моей матерью? — тревожно спросил он.

— С Мэнди, — язвительно пояснила Алекс, удивившись тому, что он вдруг стал плохо

соображать. — Ты втянул ее в это дело, вот ты и звони, если думаешь, что она волнуется.

— Мы все волновались! — огрызнулся он, бросив на нее сердитый взгляд.

— Я не склонна к самоубийству, ты это знаешь, — произнесла она ровным голосом. — Возможно, я и в самом деле безмозглая кукла, какой ты меня считаешь, но я не собираюсь из-за этого расставаться с жизнью.

— Ничего подобного я не думал, — пробурчал он и резко добавил: — Я никогда не считал тебя, безмозглой.

— Считал, — возразила она. — Именно такой ты меня и считал, поэтому устроил такой переполох.

Дэйв усилием воли заставил себя не заглотнуть наживку.

— Где ты была?

— В Лондоне.

Он резко поднял голову.

— Где в Лондоне? Что ты там делала? Тебя не было дома с десяти утра. Почти двенадцать часов! Что, черт побери, можно делать в Лондоне в течение двенадцати часов, если все магазины закрыты?

— А может, я нашла себе мужчину! — поддразнила Алекс, безмятежно наблюдая, как с его лица сбегает краска. — Ты ведь знаешь, совсем нетрудно найти кого-нибудь, — продолжила она, пока Дэйв не опомнился от удара. — Может быть, я решила взять пример с тебя и отправилась искать, скажем... утешение, поскольку дома неожиданно возникли трудности!

Дэйв вскочил на ноги, с грохотом опрокинув стул.

— Прекрати! — выпалил он, взъерошив и без того спутанные волосы. — Не пытайся набрать очки за мой счет! Это на тебя не похоже — получать удовольствие, причиняя боль другим.

Да, это так, признала она. Забавно, как может измениться характер человека за один день. Раньше она и представить себе не могла, что может наброситься на кого-нибудь, а теперь ее снедало желание резать по живому. Она даже не подумала, что ее родители беспокоятся о ней. И что мать Дэйва, наверное, не находит себе места в своей квартире в миле отсюда, с нетерпением ожидая услышать, что ее дорогая овечка Алекс в целостности и сохранности вернулась в свой загон.

— Тогда иди звонить, — посоветовала она Дэйву, вспомнив о своем недопитом кофе, — раз не хочешь слушать.

Он смерил ее взглядом, готовый, казалось, перепрыгнуть через кухонный стол, если она продолжит провоцировать его. Затем, к ее удивлению, повернулся и вышел из кухни.

Алекс услышала, как хлопнула дверь его кабинета, и поднялась вверх, чтобы воспользоваться ванной, пока Дэйв будет говорить по телефону. Убрав свои длинные волосы под непромокаемую шапочку, она быстро приняла душ и только теперь, торопливо надевая длинный белый махровый халат, вдруг вспомнила, что так и не уложила его чемодан.

Молча проклиная свою забывчивость, она поспешила в спальню, достала мягкий черный кожаный чемодан, пригодный на все случаи жизни, и положила его на кровать, чтобы расстегнуть ремни.

— Это уже не нужно, — раздался от двери голос Дэйва. — Я отменил поездку.

— Какая жалость, — протяжно произнесла она, когда он вошел и закрыл дверь. — Линда будет разочарована.

В точку! Дэйв взвился, как от удара хлыста. Алекс на мгновение стало по-настоящему страшно, когда она увидела его побелевшее, искаженное злостью лицо. Она едва успела сделать судорожный вдох, как в два прыжка он оказался рядом с ней и грубо схватил за плечи.

— Я не могу больше выносить это, — произнес он. — Все, что бы я ни сказал или сделал, ты используешь, чтобы изменить свое мнение обо мне!

— Но мое мнение о тебе и так уже изменилось, — возразила Алекс. Она была всерьез испугана лихорадочным огнем, которым загорелись его глаза, но не хотела показать этого. — Раньше я считала тебя святым, а теперь я знаю, что ты ублюдок!

— Тогда я и буду ублюдком, — зарычал он и впился ртом в ее губы.

Он не стал ее уговаривать, просить, умолять — просто воспользовался грубой силой. Алекс протестующе застонала, пытаясь вырваться, но его пальцы, как клещи, вцепились ей в плечи. Ему удалось раздвинуть ее плотно сжатые губы, и она почувствовала возбуждающее прикосновение его языка. Она задрожала и попыталась вонзить яростно сжатые кулаки в грудь Дэйва в безнадежной попытке потушить непрошенный огонь, вспыхнувший в ее жилах, который ясно дал ей понять, что она все еще равнодушна к своему мужу. Даже ненавдя его до самой глубины своего существа, она чувствовала, что ее непреодолимо влекло к нему.

В отчаянии Алекс ударила его босой ногой, но это не помогло. Дэйв не собирался отпускать ее. Она была в его власти, ее напрягшееся тело было не более чем тростинкой, подчиняющейся его воле.

Отпустив плечо Алекс, он одной рукой взял в кольцо ее тонкую талию, а пальцами другой стал наматывать длинные шелковистые пряди, безжалостно оттягивая ее голову назад и не давая уклониться от поцелуя. Ей стало жарко в толстом махровом халате, кожа горела, как от прикосновения крапивы: ощущение прильнувшего к ней тела вытеснило все остальные. Другой, внутренний жар разгорался в глубине ее существа, приводя в смятение. Она поняла, что не в состоянии сдержать чувства, как невозможно остановить рой пчел, летящих на мед.

Это нечестно, подумала Алекс, это несправедливо, что он все еще может делать это со мной! Она ненавидела себя и презирала его за то, что он вынудил ее обнаружить эту слабость.

— Будь ты проклят! — вырвалось у нее, когда Дэйв наконец оторвался от нее, чтобы сделать вдох.

Его щеки пылали, но взгляд потемневших глаз выдавал удовлетворение.

— Что ж, — согласился он, переводя дыхание, — можешь проклинать меня, посылать к черту! Но ты хочешь меня, Алекс. Ты хочешь меня до умопомрачения. Тогда из-за чего весь этот кошмар?

Она вздрогнула: в его жестокой насмешке прозвучала горькая правда. Что-то темное всколыхнулось в глубине ее существа, она резко отклонилась назад, не обратив внимания на то, как больно натянулись от рывка ее волосы, и со звериным рычанием, совершенно чуждым для нее, бросилась вперед, готовая вцепиться ногтями в лицо мужа.

Хорошая реакция спасла Дэйва от серьезных повреждений. Он отклонил голову назад, и ногти Алекс лишь оцарапали его шею, от подбородка до расстегнутого воротника рубашки.

— Ах ты, дикая кошка! — прохрипел он, разжав руку, которой удерживал ее за волосы. Освободив пальцы от цепляющихся волос, он дотронулся до оцарапанной шеи.

— Я тебя ненавижу! — выдохнула Алекс.

— Отлично, — грубо произнес Дэйв, снова притягивая ее к себе, — так мне будет даже проще взять тебя. Ведь тебе будет все равно, как я это сделаю.

— Давай-давай! — сказала она с издевкой. — Почему бы к адюльтеру не добавить еще и изнасилование?

— Изнасилование? — хрипло хохотнул он. — Разве мне когда-нибудь приходилось прибегать к насилию? За всю свою жизнь я не встречал более страстной женщины, чем ты!

— А Линда?

В тот же момент Алекс была бесцеремонно отброшена прочь. Дэйв угрожающе замахнулся, но тут же обхватил себя руками за плечи, будто пытаясь удержаться, чтобы не ударить жену. В его глазах было страдание.

— Прекрати, Алекс, — прошептал он. — Прекрати подталкивать меня к тому, о чем мы оба будем сожалеть!

Неужели она это делает? Подобно черту в юбке, дразнит его, как бы желая, чтобы он взял ее силой и тем самым окончательно доказал, какая он дрянь?

Да, призналась она себе, именно это она и делает, продолжая стоять здесь с горящими глазами и насмехаться над ним, вместо того чтобы уйти из комнаты. Но нет, ей хотелось удовлетворить свою ненависть, выплеснуть мучительное, горькое разочарование и ту боль, которая тяжелым комом осела в ее груди с того самого вечера, когда позвонила Мэнди.

И тут же, как сквозь длинный темный тоннель, она услышала свои слова, которые должны были еще больше разозлить его:

— Раз так, уходи! Почему бы тебе не проявить благородство, Дэйв, и не уйти отсюда ко всем чертям! Никто тебя здесь не держит! Убирайся к своей драгоценной Линде!

— Может, прекратишь упоминать это треклятое имя? — проскрежетал он.

— Линда, Линда, Линда! — нараспев повторила Алекс.

Что-то промелькнуло в глазах Дэйва — боль, страдание? — и исчезло, прежде чем Алекс смогла распознать, что это.

— Нет, — пробормотал он, снова притягивая ее к себе. — Ты, ты, ты!

Одно резкое движение Дэйва, и, не удержав равновесия, они оба, в сплетении рук и ног, упали на кровать.

То, что произошло вслед за этим, было меньше всего похоже на любовную игру. Это было сражение, поединок, в котором каждый стремился распалить другого, когда каждая нарочитая ласка вызывала ответную, когда в схлестнувшихся взглядах горячих глаз злость и страсть встречались с насмешкой и презрением. Чем больше возбуждался один, тем сильнее это подстегивало другого, и они оба, все разгоняясь, летели по этому безумному пути, охваченные своими израненными, чувствами.

В какой-то момент к Дэйву вернулось благоразумие, он попытался взять себя в руки и отпрянуть прочь. Но Алекс, почувствовав это, в порыве панического страха, корни которого, наверное, были в боязни потерять его насовсем, сама прильнула к нему. Не то стон, не то мольба с ее именем сорвалась с его губ, когда она припала к ним своими жаждущими губами. Именно Алекс вдруг взяла на себя главную роль и повела его за собой от отчаянного старта до яростного финиша. Она оставила лежащего внизу мужчину дрожащим и обессиленным, а сама едва смогла отползти прочь, чтобы сжаться в комок от горькой неудовлетворенности. Ее эмоции скреблись и царапались внутри, требуя выхода, в котором им было отказано, вызывая в ней чувства смятения и отвращения к себе самой.

Так кто же победил? — спросила она себя и ответила: никто. Она испытывала досаду из-за своего порыва, из-за того, что ее толкнул на это страх потерять Дэйва. Но в то же время ей надо было вновь ощутить, как он полностью растворяется в ней, забывается в ее объятиях. Это было важно для нее — убедиться в том, что, сколько бы ни было у него женщин, она, маленькая, ничем не примечательная Алекс, все еще способна возбуждать в нем безумное желание.

Ей пришлось признаться себе, что и она хотела его, и это желание не оставляло места для гордости или самоуважения. Две слезинки скатились по ее бледным щекам. В конечном итоге она проиграла, потому что, приобретя уверенность в том, что все еще может возбуждать в нем вожделение, она потеряла способность отвечать на него. Ее слепое доверие к Дэйву исчезло, а вместе с доверием исчезла свобода любить и отвечать на любовь.

Это испугало ее, она почувствовала себя более одинокой, чем даже если бы он просто ушел от нее.

— Алекс?

Она повернула голову на подушке и увидела устремленные на нее темные глаза.

— Прости, — тихо сказал Дэйв.

Интересно, за что он просит прощение? За то, что произошло сейчас в этой постели? Или за все вообще? В конце концов, это не имеет значения.

Пожалуй, ничто уже больше не имеет значения.

Она почувствовала себя пустой скорлупкой, брошенной, одинокой, и даже тысячи извинений не смогли бы ничего изменить. Слезы застилали ее глаза, просачиваясь по каплям на ресницы.

— Мне стыдно, — произнесла она осипшим, дрожащим голосом.

Что-то подозрительно блеснуло в глазах Дэйва.

— Иди сюда, — взволнованно сказал он, притянув ее к себе. — Алекс, я никогда в жизни не чувствовал себя более ужасно, — пробормотал он, уткнувшись в спутанный шелк ее волос, — и я клянусь, что никогда больше не сделаю ничего, что может причинить тебе такую боль.

Алекс уже не казалось столь невозможным поверить ему, простить и забыть, похоронить обиду на дне души в надежде, что вместе с ней уйдет и боль.

— Я люблю тебя, — хрипло сказал Дэйв. — Я действительно люблю тебя, Алекс.

— Нет! — Она резко сжалась, все мысли о возможном прощении вмиг исчезли, как только были произнесены эти три лживых слова. Когда-то она поверила ему — и куда это ее привело! — Не смей говорить мне о любви, — гневно выдохнула она. — Любовь не имеет никакого отношения к тому, что произошло сейчас, да и к тому, что ты женился на мне, тоже!

За завтраком на следующее утро Алекс не покидало ощущение неловкости. Близнецы не сводили с нее обеспокоенных и любопытных глаз. Она понимала, что они удивлены ее вчерашним внезапным исчезновением, но, видимо, Дэйв запретил им расспрашивать ее. Алекс не удержалась от легкой улыбки, когда увидела, как Кейт открыла было рот, чтобы задать вопрос, и тут же закрыла, поймав предостерегающий взгляд отца. Было заметно, с каким трудом ей удалось сдержать себя. Сэм вел себя иначе: хмуро глядел на мать и молчал. Он не проронил ни слова с того момента, как спустился к завтраку.

— Ешь, Сэмми, — мягко поторопила его Алекс, — если ты не будешь есть, то быстро проголодаешься.

Из-под нахмуренных бровей на нее смотрели глаза сына, так похожие на глаза Дэйва.

— Где ты была вчера? — неожиданно выпалил он, бросив опасливый взгляд в сторону газеты, закрывавшей лицо отца.

Алекс невольно проследила за его взглядом.

— Я устроила себе выходной, — небрежно пояснила она и улыбнулась, чтобы показать, что все в порядке. — Надеюсь, ты не возражаешь?

Он весь как-то съежился, и у Алекс сжалось сердце. Сэм не был похож на свою более непосредственную, неугомонную сестру, беспокойство которой выплескивалось наружу. Он все переживал в себе, и то, что у него вырвался такой вопрос, означало, что он действительно потрясен необычным поведением матери.

— Но все-таки, где ты была? — повторил Сэм.

Алекс слегка вздохнула и инстинктивно протянула через стол руку, чтобы потрепать его по аккуратной причесанной голове. Он не дернулся в сторону, как обычно, и не стал протестовать из-за взъерошенных волос.

— Я устала, — сказала она, судорожно пытаясь найти объяснение, которое было бы понятно шестилетнему ребенку. — Почувствовала, что мне нужен отдых. Поэтому ушла одна, чтобы немного побыть в одиночестве, вот и все.

— Но обычно ты не уходила без нас! Ведь кто-то должен был присматривать за тобой! — сказал Сэм, взглянув на слегка опустившийся газетный диет.

— Кто бы говорил? — поддразнила его Алекс, пытаясь превратить все в шутку и в то же время внутренне ужасаясь тому, что даже ее шестилетний сын считает, что она нуждается в присмотре. — Ты ведь знаешь, что я вполне взрослая. Я могу сама позаботиться о себе.

— А папа сказал, что не можешь, — вступила в разговор Кейт. — Он говорил это бабушке. Папа носился по дому — вверх и вниз — и выбегал на улицу. И кричал по телефону на тетю Мэнди.

Во время этой непринужденной тирады на запретную тему газета, за которой скрывался Дэйв, опускалась все ниже.

— Достаточно, Кейт, — спокойно остановил ее Дэйв.

Невинные детские глаза округлились от удивления.

— Но ведь так и было! — стала настаивать дочь. — Ты вел себя, как... как бешеный буйвол!

— Как кто? — переспросил Дэйв.

— Как бешеный буйвол, — повторила она, надувшись. — Нас так называет учительница, когда мы носимся по классу. Она говорит, что место бешеных буйволов в прерии. Ну, а ты вчера носился по дому, ведь правда? И посмотри, — она улыбнулась той обезоруживающей улыбкой, против которой ее отец обычно не мог устоять, — мама вернулась целой и невредимой, как я и говорила!

Ну, наконец-то, хоть кто-то нашелся в ее семье, кто считал, что она способна сама о себе позаботиться. Спасибо, Кейт, холодно подумала Алекс.

— Ешь свой завтрак, — произнесла она вслух. — Вы все видите, что я жива и здорова, так что давайте забудем об этом!

Когда дети ушли собираться в школу, она сказала Дэйву:

— Ты можешь ехать в Бирмингем, если хочешь.

Он открыл свой кейс, положил внутрь аккуратно сложенную газету и, немного помедлив, опустил крышку и защелкнул замки.

Этим утром в белой рубашке и темно-сером костюме он выглядел до кончиков ногтей как преуспевающий бизнесмен. Его элегантный вид совершенно не вязался с этой непритязательной кухней и суетой семейной жизни. Ему бы пристало завтракать в обставленной мебелью красного дерева столовой аристократического дома георгианских времен, слабо освещенной утренним солнцем, проникающим внутрь сквозь глубокие оконные ниши. Алекс вдруг пришло в голову, что, пока она топталась на месте в течение этих семи последних лет, Дэйв рос все выше и выше, отдаляясь от нее.

— В этом больше нет необходимости, — холодно отклонил он ее предложение. — Джек Брайс справится со всем не хуже меня.

Тогда зачем было планировать поездку, хотела спросить она, но промолчала. Это могло быть связано только с Линдой.

— Боишься, что я уеду, пока тебя не будет здесь? — спросила она, искренне интересуясь его ответом.

Она понимала, что Дэйв беспокоился и заботился о ней и о детях, но будет ли это трагедией для него, если они перестанут быть частью его жизни?

Дэйв медлил с ответом. Засунув руки в карманы брюк, он стоял у окна кухни, выходящего в небольшой садик позади дома.

— Да, — хмуро признался он наконец.

Услышав его ответ, Алекс испытала неожиданное облегчение и сразу же разозлилась на себя за это проявление собственной слабости.

— Уйти должна не я, — подчеркнула она. — Ты знаешь, что это твоя прерогатива.

— Да.

Дэйв немного постоял, опустив голову, потом снова подошел к столу. Не глядя на Алекс, он вновь открыл кейс, как бы проверяя, все ли на месте.

— Я знаю, что, исходя из чувства собственного достоинства, я должен был бы собрать свои вещи и уйти. Но я не хочу делать этого. Не хочу разрушать то, что у нас есть. Было, — хмуро поправился он. — Уверен, что все можно исправить, но для этого нужно время. Я не сдамся, Алекс, — заявил он, подняв на нее полные решимости потемневшие глаза. — Ты можешь сколько угодно набрасываться на меня, но я не сделаю этого шага.

— Я могла бы добиться решения о раздельном проживании через суд и заставить тебя переехать, — нанесла Александра неожиданный удар, осознавая, что сделала это только для того, чтобы скрыть свой страх.

Дэйв нахмурился.

— Откуда ты, черт побери, знаешь о таких вещах? — спросил он.

Не обращалась ли она за советом к юристу? Вряд ли она способна на это, подумал Дэйв, но кто знает...

Его растерянность польстила Алекс. Поэтому она неопределенно пожала плечами и сказала с сарказмом:

— Я часто смотрю телевизор.

— Ты собираешься сделать это? — спросил Дэйв. — Положить начало концу нашего брака?

Он был умен, она не могла не признать этого. Одним вопросом он переложил ответственность на нее.

— Это ты начал разрушение нашего брака, Дэйв, — спокойно возразила она. — Но я не собираюсь ничего предпринимать — пока.

— А почему не сейчас? — устало спросил он, снимая пиджак со спинки стула и надевая его.

Алекс посмотрела на сверкнувшую полоску на его пальце. Это было тонкое золотое кольцо, совсем простое и дешевое. Тогда они не могли позволить себе ничего лучшего. У Алекс было такое же. Еще одно Дэйв купил для нее через несколько лет после свадьбы, когда финансовые дела пошли лучше, — обручальное кольцо с бриллиантом, небольшим, но чистой воды. Он

сказал ей тогда, надевая кольцо на ее тонкий палец:

— Я люблю тебя, Алекс. Без тебя и близнецов вся моя тяжелая работа не имела бы никакого смысла.

Но она была уверена в том, что без нее и детей Дэйв добился бы вдвое больших успехов.

Сейчас он смотрел на нее из-под полуопущенных век, ожидая ответа на свой вопрос. Алекс, на мгновение поймав его взгляд, опустила глаза и уставилась в чашку.

— Не знаю, — честно призналась она. — Но мне кажется, я жажду твоей крови.

К ее удивлению, Дэйв улыбнулся и коснулся рукой видневшейся над воротником рубашки царапины на шее — следа ее ночного нападения.

— Я думал, ты уже удовлетворена, — заметил он.

— Не вполне, — ответила Алекс, слегка вспыхнув, несмотря на свое решение не извиняться за этот инцидент.

— А-а, — протянул он.

— Ага, — подтвердила она.

— Итак, начался этап наказания, — подытожил Дэйв. Он снова улыбнулся, затем наклонился и поцеловал Джеми в золотистую макушку. — Ну и пусть, — сказал он в пространство и с надменным видом вышел из кухни, оставив Алекс в некоторой растерянности.

Но, странным образом, все пошло иначе. Вместо того чтобы встречать мужа с холодным видом, Алекс неожиданно для себя стала избегать любых намеков на происшедшее. На несколько последующих недель их обоих охватила странная забывчивость, как будто будущее их брака не было поставлено на карту. Казалось, судьба дала им передышку, прежде чем поставить перед лицом темного и непонятного будущего.

Алекс больше не уходила на ночь в комнату Джеми, сама не понимая, почему. Не отталкивала Дэйва, когда он касался ее в темноте безмолвных теперь ночей. Но, хотя она и откликалась на его ласку, ей никогда не удавалось достичь удовлетворения, да и Дэйву, видимо, тоже. Она хотела и пыталась пройти вместе с ним этот длинный путь к наслаждению. Но каждый раз наступал момент, когда, охваченная желанием в сплетении рук мужа, ощущая трепет его тела, слыша его прерывистое дыхание, она внезапно представляла на своем месте Линду, приводящую его в то же состояние безумной страсти. Это видение неизменно заставляло ее отстраняться, и все прекращалось, как если бы она отключала энергию, двигавшую ими.

Потом, лежа поодаль от него, сжавшись в комочек, она в мучительном одиночестве переживала разочарование. Хотя они никогда не говорили об этом, не пытались обсуждать их неудачи, они оба знали, что Линда была между ними так явно, как если бы она на самом деле оказалась в их постели. Обида, боль от предательства, жестокая ревность до такой степени переполняли Алекс, что она бы, наверное, не вынесла, если бы он вновь прикоснулся к ней в этот момент. Но Дэйв и не пытался.

Она не могла отвлечься даже днем. Ее это пугало, она прекрасно понимала, что если что-то и могло толкнуть его обратно в объятия Линды, так это ее глупое, хотя и непреднамеренное, поведение.

То, что Дэйв мог воспринимать ее действия как своеобразную кару, было еще ужаснее, так как она меньше всего думала о том, чтобы как-то наказать его.

От этих мыслей Алекс становилась все более взвинченной. Ей казалось, что она теряет самоуважение, позволяя ему прикасаться к себе, ведь она должна бы презирать его. Но в то же время он был нужен ей, в его ласках она находила поддержку, несмотря на утерянную способность отвечать на них. И ей важно было знать, что она нужна Дэйву.

5

С некоторых пор мать Дэйва стала проводить больше времени с Алекс. Хотя она не упоминала вслух о том воскресенье, когда невестка на целый день ушла из дома, было ясно, что она не забыла об этом происшествии: это проявлялось в осторожности ее выражений, в том, как искусно она обходила в разговоре некоторые моменты.

Дженни Мастерсон гордилась сыном. Начав с довольно низкооплачиваемой работы, он без чьей-либо помощи сумел пробиться наверх и добился успеха, когда обстоятельства складывались против него. Но Дженни понимала, какие соблазны могли встречаться на пути мужчины, занимавшего такое положение, как Дэйв. В свои без малого тридцать два года он был уважаемой фигурой в мире бизнеса: своего рода вундеркинд в обличье кинозвезды.

Разумеется, женщины должны были интересоваться им — его внешность и способность делать деньги, казалось бы, из воздуха не могли не привлекать их. Дженни, вероятно, догадывалась о причинах разлада в семье сына, хотя никто ничего не говорил ей, поэтому она старалась проводить больше времени с Алекс, ненавязчиво оказывая ей моральную поддержку. Александра была благодарна свекрови, с грустью признавая, что Дженни оказалась ее единственным другом в этом неожиданно ставшем враждебным мире.

Но это лишь усиливало ее смятение, недовольство собой, раздражение по поводу своей никчемности, которую она вдруг осознала. Ее дом — предмет ее гордости — перестал радовать ее. Он был хорош для нее, но не для Дэйва. Его жизненный успех подразумевал, что он заслуживал чего-то более внушительного — того, что отражало бы его благополучие. Алекс терзала себя воспоминаниями о том, как он несколько раз пытался уговорить ее переехать в более просторный и дорогой дом. И лишь теперь, взглянув на жизнь мужа с другой стороны, она начала понимать, почему он хотел этого. Неудивительно, что он никогда не приглашал домой своих коллег — должно быть, он просто стыдился того места, где жил!

Она злилась и на Дэйва за то, что он никогда не позволял ей войти в тот мир, который окружал его за пределами их дома. Может быть, она, глупая девчонка, и виновата в том, что совершенно не изменилась за последние семь долгих лет. Но он сам способствовал этому, пряча ее от всех как не отвечающую его облику элегантного преуспевающего бизнесмена.

Злость переходила в обиду, в раздражение. Алекс стала вспыльчивой и несдержанной, срываясь как раз тогда, когда окружающие старались быть внимательными и осторожными.

Что ты представляешь из себя, Алекс? — спросила она себя однажды вечером. Дэйв задерживался на работе. Это, наверное, было вызвано необходимостью. Вот уже несколько недель он возвращался ровно в шесть тридцать. Но Алекс нервничала из-за его отсутствия. Она хотела, чтобы он был дома, его присутствие поддерживало ее душевное равновесие.

Ты не имеешь права обвинять во всем случившемся только его, сказала она себе. Ты была так погружена в свой маленький уютный мирок, что даже ни разу не поинтересовалась, какова жизнь Дэйва за его пределами! Ты знала, что он присутствует на деловых обедах. Вращается в

определенных кругах, чтобы быть в курсе событий. Но тебе ни разу не пришло в голову поинтересоваться, должна ли ты находиться рядом, помогать ему и поддерживать! Ты даже не знала, что его дело с Харви закончилось, пока Мэнди не сказала тебе! Ты вообще услышала о существовании Харви только потому, что однажды, когда ты стала жаловаться свекрови на то, что почти не видишь мужа, та вступилась за него: «Он занят этими делами с Харви! Разве ты не знала, как это для него важно?»

Нет, не знала и до сих пор не знаешь, потому что даже не пыталась узнать! Что связывает их в этом браке, кроме дома, постели и троих детей?

Я даже не красавица! — вздохнула она как-то утром, глядя в зеркало. Во всяком случае, не в классическом смысле этого слова. С фигурой все в порядке, особенно если учесть, что у меня трое детей. Ноги — тоже ничего. Но лицо не из тех, что способны остановить дорожное движение. Разве такое лицо должно быть у жены Дэйва Мастерсона? Глаза слишком большие, нос чересчур маленький, рот какой-то по-детски беззащитный — словом, кукла.

Алекс недовольно нахмурилась. А взглянуть на мои волосы. Она подняла их вверх, так что длинные волнистые пряди рассыпались золотистым веером. Я ношу эту прическу с того времени, когда была в возрасте Кейт! Эти сказки о Питере Пэне! Да я ни в чем ему не уступаю! Я даже одета, как девочка!

Ну, так сделай что-нибудь с этим, подзадоривал внутренний голос. А почему бы нет? Она задумалась, охваченная внезапным желанием демонстративно сделать что-нибудь такое, чего Дэйв никак не мог ожидать от нее.

— Вот что я скажу тебе, Джеми, — повернулась Александра к мирно играющему на полу спальни малышу. — Я собираюсь полностью обновить свой гардероб! Мы попросим бабушку посидеть с тобой, а если она не сможет, ну, тогда... — Алекс упрямо выпятила пухлую нижнюю губу, совсем как Кейт перед каким-нибудь решительным действием, — ...тогда мы просто оставим тебя на твоего папу на целый день, и пусть поварится во всем этом ради разнообразия!

Однако мать Дэйва с радостью согласилась присмотреть за малышом. Это охладило пыл Алекс, хотя ей очень понравилась идея прийти в ультрасовременный офис Дэйва и оставить сына на руках ошеломленного отца.

Успокойся, сказала она себе, сидя в такси по дороге в Лондон. Одно дело воображать, что можешь действовать подобным образом, и совсем другое — поступать так. Алекс испытывала внутреннюю борьбу: желание продемонстрировать свою независимость наталкивалось на робость застенчивой девочки, которая была бы счастлива остаться такой, как есть.

И что в этом плохого — полностью забыть о личных амбициях ради желания быть хорошей женой и матерью? — сердито спросила она себя. Ей нравилось быть рядом с детьми. Она всегда находила время выслушивать их, поиграть с ними.

И Дэйв тоже. Целый день он мог рыскать, как лев, в беспощадных джунглях большого бизнеса, но Алекс знала, что его напряжение исчезало, когда он возвращался домой к своей семье, к обыденным семейным делам.

Переступив порог дома мрачным и далеким, с лицом безжалостного охотника, уже через полчаса, растянувшись на полу рядом с близнецами, он мог увлеченно играть в какую-нибудь замысловатую игру или, усевшись по-турецки перед телевизором, с неподдельным интересом наблюдать за похождениями героев мультфильмов. Казалось, ему доставляло удовольствие спускаться до их уровня — никаких следов напряжения, только мальчишеская улыбка, как у

Сэма. Каждый вечер он оставлял за порогом дома тот мир, в котором вращался днем, и с облегчением погружался в заботы и радости семьи.

Но теперь Алекс мучил вопрос, не протекал ли этот процесс и в обратном направлении? До сих пор она не задумывалась над тем, что происходило с Дэйвом, когда он выходил по утрам из дома. Быть может, он так же легко сбрасывал с себя обязанности мужа и отца? И не было ли для него таким же облегчением возвращаться в более насыщенную событиями жизнь? Что представлял из себя этот мужчина, который имел власть над столькими людьми? И не превращалась ли маленькая женщина с тремя детьми в тусклое воспоминание, когда он входил в тот элитарный мир людей с утонченным интеллектом, носивших изысканную одежду и разговаривавших с ним на его уровне?

«Элитарность, утонченность, изысканность», — повторяла Алекс в сотый раз. Эти слова как нельзя лучше характеризовали Дэйва. Да, за эти годы он превратился в зрелого, искушенного в делах мужчину, тогда как она осталась прежней девочкой. Алекс ненавидела себя за это. И ненавидела Дэйва за то, что он вынудил ее осознать свои промахи. А значит, она должна разделить с ним вину за то, что произошло.

Подъехав к дому на такси около шести часов вечера, Алекс с подсознательным облегчением отметила, что черного «БМВ» Дэйва еще не было. Она прошла по дорожке к дому, настолько нагруженная сумками и пакетами, что ей пришлось нажать кнопку дверного звонка локтем.

— Боже мой! — воскликнула Дженни, открыв дверь. — Боже мой! — воскликнула она снова, подняв глаза от груды пакетов, которые Алекс бросила на пол у своих ног, и ошеломленно уставилась на невестку.

— Ну и как? — Алекс в волнении ожидала мнения своей свекрови.

Она была сейчас совсем не та, которая уехала утром из дома, всего лишь на час позже мужа. Исчезла масса длинных светлых волос. Они были безжалостно острижены. Изящная новая прическа заканчивалась шелковистым завитком на уровне подбородка. Искусно выполненный макияж подчеркивал те привлекательные черты лица, о которых Алекс и не подозревала. Все выглядело так естественно, что было почти невозможно сказать, что же изменилось в разрезе глаз и в очертаниях ее губ, — просто они вдруг стали ярче и выразительней.

Но это было еще не все. Исчезли светло-голубая спортивная курточка и полинялые джинсы. Вместо них на Алекс было элегантное пальто из шерстяной ткани нежно-бежевого цвета, подчеркивавшее ее стройную фигуру. Пальто было застегнуто двумя рядами крупных коричневых пуговиц, еще по три пуговицы располагались на манжетах рукавов. Ее новые замшевые ботинки на трехдюймовых каблуках и сумочка были подобраны в цвет пуговиц.

— Думаю, — наконец выговорила Дженни Мастерсон, — что надо приготовить выпить чего-нибудь покрепче для моего сына, когда он вернется домой.

Это был именно тот ответ, который хотела услышать Алекс. Она все еще не израсходовала тот заряд, который толкал ее на демонстративные поступки.

Двери гостиной распахнулись, и оттуда с воплем восторга выскочил Сэмми. Алекс на мгновение застыла с идиотской улыбкой на лице. Но если она и беспокоилась немного о том, как отреагируют дети на новый облик их матери, то это беспокойство было совершенно напрасным.

— Что в этих пакетах? — закричал Сэм, не обращая никакого внимания на новую Алекс, как

если бы она выглядела такой, какой он привык ее видеть.

Через десять минут пол гостиной был завален наполовину распакованными пакетами и коробками. Кейт важно разгуливала вокруг с ниткой красных бус на шее. Алекс купила их для нее вместе с набором строительных кубиков для Джейми, поглощенного в данный момент разрыванием картонной коробки, в которую они были упакованы, и книжкой с картинками для Сэма, который уже умчался наверх, чтобы спокойно рассмотреть ее.

В этот момент в гостиную вошел Дэйв. Он остановился в дверях и молча уставился на них. Все в комнате, казалось, вздрогнули и замерли одновременно. Кейт уставилась на отца, ожидая его реакции. Дженни прекратила наводить порядок и осторожно взглянула на сына. Алекс, которую приход Дэйва застал в тот момент, когда она вставала с пола, с усилием заставила себя закончить это движение, почувствовав неожиданную дрожь в коленях, глядя на мужа со смешанным выражением вызова и беспомощности.

Дженни первая нарушила оцепенение. Поспешив взять на руки Джейми и схватив за руку Кейт, она утащила их обоих из комнаты.

«Дети видят и чувствуют гораздо больше, чем предполагают взрослые» — эти слова Дженни сказала Александре всего лишь несколько дней назад. Алекс поняла намек. Очевидно, дети рассказывали бабушке то, о чем не считали возможным говорить с родителями.

Но сейчас Алекс не думала о детях, ее внимание было приковано к Дэйву, который с совершенно непроницаемым видом смотрел на нее, слегка прищурив глаза.

Наблюдая за ним со все возрастающим волнением, она заметила, как его губы изогнулись в легкой улыбке. Алекс вздрогнула, потому что узнала эту улыбку — именно с такой улыбочкой он подошел к ней тогда на дискотеке, много лет назад, когда они встретились в первый раз. Сейчас она показалась ей циничной и снисходительной. Алекс подняла выше подбородок и приняла вызывающий вид.

— Ну-ну, — наконец проговорил он. — Насколько я вижу, началась вторая стадия.

Вторая стадия? Алекс нахмурилась. О чем он?

— Куда-нибудь собираешься? — поинтересовался Дэйв и, не дав ей ответить, продолжил: — Прости, но если ты предупреждала, что планируешь пойти куда-то сегодня вечером, это, должно быть, вылетело у меня из головы.

Алекс еще больше нахмурилась. Тон, которым он произнес эти слова, заставил ее внутренне ощетиниться. Дэйв никогда ни о чем не забывал! Его память была сродни банковскому сейфу: ничто из того, что попадало в нее, не исчезало без его позволения. Он прекрасно знал, что она никуда не собиралась сегодня вечером. Так, что же скрывалось за его таинственными словами о второй стадии и за дурацкой фразой о планах на вечер?

Было очевидно, что он ни единого слова не собирался говорить о том, как она выглядит. Свинья! Может, ему не понравился ее новый облик и он предпочитал тот предыдущий непритязательный вариант жены, которая не доставляла ему никаких хлопот, знала свое место в его хорошо устроенной жизни и никогда не помышляла о том, чтобы сделать шаг за пределы очерченного круга?

А может быть, он уже не был так уверен в этой новой Алекс? Эта мысль породила в ней чувство триумфа. Возможно, его вопрос был искренним, и он на самом деле поинтересовался,

собирается ли она куда-нибудь.

— Даже если я планирую уйти, что тебе до этого? — спросила она.

Та самая улыбочка вновь появилась на его губах.

— Да ничего, просто хотел узнать, с кем ты идешь, — неторопливо произнес он, уверенно продолжая свою игру.

— Чтобы решить, является ли он или она подходящей компанией для твоей жены?

— Он? — Дэйв встрепенулся, достаточно резко для того, чтобы Алекс с удовлетворением почувствовала, что стрела достигла цели. — А кто это — он? — вкрадчиво спросил Дэйв.

— Что-то не припомню, чтобы ты информировал меня о каждой персоне, с которой ты куда-нибудь ходил, — холодно парировала она.

Его лицо напряглось. Он метнул на нее предостерегающий взгляд и затем вновь отвел глаза.

— Окажи любезность, — сказал он, — назови мне имя, больше ничего.

Алекс внезапно поняла полную бессмысленность этого разговора — ведь она абсолютно никуда не собиралась идти! Ее плечи поникли, она расстегнула верхнюю пуговицу своего нового пальто и со вздохом сказала:

— Нет никакого имени. Я не ухожу, а только что пришла.

Ее злило, что Дэйву с такой легкостью удалось лишить ее триумфа. Она скользнула взглядом по разбросанным на полу покупкам, которые теперь потеряли для нее всю свою прелесть. Одного взгляда на комнату было достаточно, чтобы понять, что она провела целый день в магазинах и только что вернулась. Это было ясно, как то, что ночь всегда сменяется днем. Кому он пытался заморочить голову, делая вид, что только сейчас заметил всю эту гору коробок, пакетов и оберточной бумаги?

Дэйв подошел к длинной, плоской коробке, до которой не успели добраться любопытные детские пальчики. Алекс решила, воспользоваться тем, что он больше не загораживал ей путь к выходу, взяла новую замшевую сумочку и, разочарованно поджав губы, направилась к двери.

— Что здесь? — остановил ее вопрос Дэйва.

Алекс раздраженно пожала плечами, безотчетно подмечая в своем поведении сходство с поведением дочери: Кейт ужасно не любила, когда реакция окружающих не соответствовала ее ожиданиям.

— Костюм, — неохотно откликнулась она.

— А здесь? — Он поддел носком тщательно вычищенного ботинка другую коробку.

— Белье.

Алекс смущенно вспыхнула — коробка была доверху наполнена дорогим шелковым бельем.

— А в этой коробке?

— Пара новых платьев! — ответила она, возмущенно глядя на него. — Надеюсь, ты не собираешься прочесть мне лекцию о расточительности? Ты сам дал мне кучу кредитных карточек — по одной для каждого крупного магазина в Лондоне!

Бумажник Алекс был забит кредитными карточками. Но они просто занимали место в ее сумочке до сегодняшнего дня, пока она не познакомилась со всеми прелестями обладания ими.

Дэйв не обратил никакого внимания на ее слова и, сохраняя сдержанный вид, довольно небрежно спросил:

— Платье стоит того, чтобы поужинать в хорошем ресторане и, может быть, немного потанцевать потом?

К этому моменту Алекс уже вновь направилась к двери, но, услышав его предложение, обернулась и в полном недоумении уставилась на мужа.

— Ты приглашаешь меня пойти куда-нибудь? — простодушно переспросила она.

Дэйв снисходительно усмехнулся.

— Да, — кивнул он со сдержанной иронией.

Алекс поняла, что ее бесхитрость забавляет его, и залилась краской. Она предпочла бы провалиться сквозь землю, чем продолжать эту пытку. Что бы она ни делала, она все равно чувствовала себя неотесанной дурочкой!

— Да, Алекс, — повторил он более мягко, видимо, уловив ее замешательство и как бы желая извиниться. — Я приглашаю тебя поужинать со мной сегодня.

— А-а.

Совершенно смутившись и не зная, что ответить, Алекс испытала огромное облегчение, когда как раз в этот момент в комнату вихрем ворвался Сэм, промчался мимо нее и, подпрыгнув, повис у отца на шее.

— Привет! — воскликнул он, с радостной улыбкой глядя в лицо отца, так похожее на его собственное. — Мама купила мне отличную новую книжку, — возбужденно продолжал он. — Можно, я принесу ее сюда, и мы вместе посмотрим? Это про полет на реактивном «Торнадо»!

— Почему бы нет? — согласился Дэйв, улыбаясь сыну, но при этом не отрывая глаз от Алекс. — Если твоя бабушка не будет возражать, то есть, если она останется здесь с вами, мы с мамой поедем поужинать.

— Ты повезешь маму ужинать?

В голосе ребенка прозвучало такое же удивление, как до этого в голосе Алекс, и Дэйв поморщился. Но Сэм уже радостно повернулся к матери.

— Отлично! — объявил он. — Папа возьмет тебя с собой, и ты не будешь одна, как в тот раз, когда...

— Сэм.

Спокойное предупреждение отца заставило ребенка замолчать, но Алекс опять почувствовала

неловкость.

— Может быть, твоя мать не захочет сидеть с детьми, — сказала она. Конечно, он пригласил ее только потому, что почувствовал себя обязанным как-то отметить ее сегодняшние усилия. — Она целый день была здесь. Это не совсем честно...

— Я не возражаю, — раздался голос Дженни из холла.

Алекс обернулась и увидела стоящих в дверях свекровь и Кейт. Похоже, в этом доме нет никаких секретов!

— Дело не в этом! — возразила она. — Вам и так сегодня досталось. Я...

— Отвези ее в какое-нибудь хорошее место, — сказала Дженни сыну, не обращая внимания на протесты невестки.

Алекс поняла, что здесь ей не выиграть.

— Насколько я помню, я вообще не говорила, что хочу пойти! — сердито вставила она.

— Разумеется, ты хочешь пойти! — отвергла возражение Дженни. — Так что иди одеваться и захвати наверх все эти коробки! — распорядилась она. — Кейт, Сэмми, помогите маме отнести все это.

Алекс, не чувствуя себя готовой объяснить им всем, почему она не хочет никуда идти с Дэйвом, поняла, что у нее нет выбора, и вздохнула, признавая себя побежденной.

Тем временем дети резво принялись исполнять распоряжение бабушки и, собрав часть пакетов и свертков, направились наверх, оставив Алекс нести все остальное. Нагруженная покупками, она успела подняться на несколько ступенек, когда услышала голос Дженни:

— Я считаю, Дэйв, что необходимость таких выездов вдвоем давно назрела! И было бы неплохо, если бы ты начал вовлекать ее в свой круг общения!

Алекс помедлила на ступеньках, с любопытством ожидая ответа Дэйва на эту суровую проповедь, но его голос прозвучал приглушенно, так что трудно было разобрать слова.

Зато голос Дженни слышался совершенно отчетливо.

— Чушь! — резко возразила она. — Откуда ты можешь знать, нравится ей это или нет, если никогда не давал ей возможность разобраться в этом самой? Проблема в тебе, Дэйв, ты держишь ее под колпаком и не позволяешь ей разобраться, чего же она хочет в этой жизни!

Неужели Дженни действительно так считает? Алекс задумалась. Ей всегда казалось, что она совершенно точно знала, чего хочет в жизни, — быть женой и матерью, без каких-либо фантазий. У нее не было никаких честолюбивых мечтаний. Просто быть женой человека, которого она любит, и матерью детей, которых она обожает, — что в этом плохого?

— И я хочу сказать еще кое о чем, — резко продолжила Дженни. — Не знаю, что здесь произошло, из-за чего сердце этой бедной девочки готово разорваться на части, но чувствую, что ей открылось нечто страшное, и я догадываюсь, в чем здесь дело!

Сердце Алекс оборвалось, ужасное чувство опустошения нахлынуло на нее, как бывало всякий раз, когда она вспоминала о звонке Мэнди.

Огни действительно гаснут, когда твой мир рушится, с грустью подумала она.

— Послушай мой совет, сын, — сказала Дженни, — будь осторожен впредь. Потому что, если Алекс когда-нибудь...

Алекс побежала наверх, не желая знать, что случится, если она когда-нибудь!.. То, что произошло, и так более чем достаточно для нее без того, чтобы еще беспокоиться о том, что будет, «если Алекс когда-нибудь»...

6

Если Алекс когда-нибудь — что? Этот вопрос не давал ей покоя. Скрывшись в маленькой ванной комнате Джемми, Алекс ждала, когда ее муж оденется и выйдет из их спальни, чтобы проскользнуть туда, не столкнувшись с ним лицом к лицу.

Если Алекс когда-нибудь узнает о существовании другой женщины? Ну, так она уже об этом знает.

Если Алекс когда-нибудь решит повзрослеть? Она мельком взглянула в зеркало и не сразу узнала себя в отражении — настолько незнакомым оно выглядело.

Посмотри на себя! — сказала она своему отражению. Прячься здесь, когда тебе вовсе не нужна ванная! Ты не можешь принять ванну, потому что пар разрушит твою новую прическу. Ты не можешь умыться, потому что не уверена, что сможешь восстановить этот замечательный макияж. Дэйв пригласил тебя, но только для того, чтобы успокоить свою совесть! Он думает, что ты стала другой, потому что выглядишь по-другому, но это иллюзия! Маска, под которой пытается спрятаться настоящая Алекс!

Она услышала, как открылась и закрылась дверь их спальни, затем раздались отчетливые шаги Дэйва, спускавшегося вниз по лестнице. С беспокойством взглянув на женщину в зеркале, Алекс вышла из своего убежища с одним из новых платьев, которые она сегодня купила. Повесив его на дверцу гардероба в спальне, она в нерешительности отступила назад, не зная, следует ли ей надеть его сегодня.

Это было довольно вызывающее платье из темно-красного кружевного полотна на подкладке из тонкого черного шелка. Прилегающий лиф с вырезом в форме сердечка держался на двух легких бретелях, и тонкая ткань любовно облегла тело, приоткрывая грудь в соблазнительном обрамлении кружевных фестонов. Оно оставляло обнаженными ее руки, плечи и значительную часть спины. Примеряя платье в магазине, Алекс заколебалась, увидев, насколько оно открыто. Продавщица, заметив ее нерешительность, бросилась прочь и вернулась, неся в руках черное бархатное болеро с длинными узкими рукавами, небольшим воротником-стойкой и скругленными полочками. Болеро прикрывало спину и плечи, оставляя на виду соблазнительный кружевной вырез на груди платья.

Итак, меланхолично размышляла Алекс, предпочесть ли его или достать висевшее в гардеробе черное платье, которое она обычно надевала, когда они с Дэйвом шли куда-нибудь вместе?

В комнату проскользнула Кейт. Она остановилась около Алекс, уставившись широко распахнутыми глазами на новое платье.

— Ты собираешься надеть это? — спросила она с некоторым благоговением.

— Не знаю, — с сомнением ответила Алекс. — Может быть... может быть, лучше надеть мое

старое черное...

Ее рука потянулась к гардеробу, но Кейт остановила ее.

— Ну уж нет! — воскликнула она, ужаснувшись. — Папа надел смокинг и галстук-бабочку! Он выглядит потрясающе!

Алекс скривила губы, очевидно, потрясающий папа, по мнению Кейт, заслуживал лучшего, чем черное платье.

— Старое черное такое скучное, — добавила дочь.

Скучное, скучное, повторила про себя Алекс. Это слово постоянно преследовало ее в последние недели.

— Что ж, тогда надену красное, — согласилась она. Прежняя Алекс была скучной, новая была полна решимости не быть такой. — А теперь иди и помоги бабушке, пока я собираюсь.

Она запечатлела поцелуй на щеке дочери, и та побежала прочь в радостном возбуждении от того, как показалось Алекс, что ее родители собирались провести этот вечер вместе.

Ну, вот... Алекс остановилась, задержав дыхание, у дверей гостиной. Она уже получила восторженное одобрение остальных членов семьи. Все, что ей осталось сделать, — это умерить биение своего сердца и предстать перед глазами настоящего эксперта.

Алекс тихо проскользнула в комнату. Кейт была права: Дэйв в черном смокинге действительно выглядел потрясающе. Но дело было не столько в изысканном покрое костюма, сколько в мужчине, на котором был этот костюм. Исходящее от Дэйва обаяние зрелости и утонченности усиливало природную мужскую привлекательность.

Он стоял у подноса с напитками и наливал в стакан тоник и, видимо, не заметил, как она вошла. Алекс была рада этому: это позволило ей прийти в себя от того впечатления, которое он произвел на нее. Его темные густые волосы были причесаны, как всегда, в меру аккуратно и в меру небрежно, они не были ни слишком длинными, ни слишком короткими, его прическу нельзя было назвать ни модной, ни устарелой. Это многое говорило и о его характере. Дэйв всегда производил неизгладимое впечатление на людей своим умением искусно балансировать на грани общепринятых условностей. Это был человек в высшей степени уверенный в себе, но сознательно играющий ниже своих возможностей. В этом было что-то, внушающее трепет, даже пугающее: слишком многое в своей натуре он предпочитал держать скрытым от посторонних глаз.

Глядя на него, Алекс стояла и нервно теребила пальцами край бархатного болеро. Впервые за многие годы она столкнулась с необходимостью перебороть в себе неожиданный благоговейный страх перед мужчиной, с которым она семь лет жила под одной крышей и спала в одной постели.

Алекс подумала, что видит перед собой незнакомца. Незнакомца, живущего рядом. Было ли так всегда? Ее обдало холодом, когда она мысленно дала себе ответ, честный, ясный и безжалостный. Да, так было всегда. Дэйв был для нее незнакомцем, за которого она, слепо полюбив, вышла замуж и с которым прожила, ни о чем не заботясь, целых семь лет.

Понимал ли он, что она совсем не знала, что он из себя представлял за пределами этих стен? А если даже понимал, имело ли это для него хоть какое-нибудь значение? Или его вполне

устраивало двойное существование тихого семьянина и энергичного заправила большого бизнеса, когда одна жизнь никак не пересекалась с другой?

Дэйв повернулся к ней, и сердце Алекс вновь болезненно сжалось, когда он медленно оглядел ее прищуренными глазами. Она не смогла понять их выражение.

Он все время прячется от меня, с отчаянием подумала Алекс. И делает это постоянно. Даже сейчас, окидывая взглядом ее новую прическу, искуснейшим образом подкрашенное лицо, которое приобрело благодаря этому такую выразительность, что это стало открытием для нее самой, он не выказал никаких эмоций. Ее новое платье выглядело гораздо более изысканно, чем все, что она носила до сих пор. Оно подчеркивало ее стройную фигуру и изящные линии длинных ног. Дэйв воспринял все это молча, без единого намека на то, что он подумал об этом на самом деле.

Неожиданно его ресницы вздрогнули, и на мгновение в глазах Дэйва промелькнул всплеск эмоций. Обида! В его глазах была обида — Алекс была уверена в этом. Это потрясло ее. Что в этой ситуации могло обидеть его?

Может быть, это не обида, а нечистая совесть? Что там говорила его мать? «Ты держишь ее под колпаком». И, должно быть, его задело за живое, когда он увидел ее так сильно изменившейся внешне, хотя внутри этой новой оболочки все еще была прежняя Алекс. Это было ударом по его самолюбию, ведь он должен был понимать, что она никогда не решилась бы на такой шаг, если бы он не заставил ее почувствовать эту проклятую неуверенность в себе!

— Хочешь выпить перед выходом? — спросил Дэйв.

Он не собирался комментировать ее внешний вид. Алекс почувствовала себя, как проколотый булавкой воздушный шарик.

— Нет, спасибо, — отказалась она, проклиная себя за дрожь в голосе. — Ты... тебе удалось заказать столик?

В его слабой улыбке Алекс уловила насмешку.

— Удалось, — сказал он. — Идем?

Зачем она только спросила!? Молча проглотив обиду, она вышла из гостиной.

Сидя рядом с ним в «БМВ», Алекс молча наблюдала, как он вел машину, как спокойно и уверенно держали руль его длинные тонкие пальцы. Ей не часто приходилось ездить в его машине. Обычно когда они выезжали вместе всей семьей, то брали ее белый «форд-эскорт», который был оборудован всеми необходимыми приспособлениями для безопасности детей. Поэтому она чувствовала себя скованно в «БМВ»: все было непривычно для нее, даже она сама, с грустью признала Алекс.

— Куда мы едем? — без всякого энтузиазма спросила Алекс.

Дэйв бросил на нее быстрый взгляд и, повернув направо, произнес название клубного ресторана, от которого у нее по коже пробежали мурашки. Это было одно из тех хорошо известных мест, где обычно собиралась богатая и именитая публика. Алекс всегда полагала, что надо обладать громким именем, чтобы посещать подобные заведения. То, что Дэйв произнес его название так, будто в этом не было ничего необычного, еще больше усилило ее ощущение дискомфорта.

— Там хорошо кормят, — сказал он небрежно. — Достаточно хорошо, чтобы возбудить аппетит даже при его отсутствии...

Разве это имело для нее значение? Конечно, нетрудно было заметить, что в последнее время у нее совсем отсутствовал аппетит. Но нет ничего удивительного в том, что еда становится проблемой, если в горле постоянно стоит комок...

— Значит, ты бывал там раньше, — высказала она предположение.

— Раз или два.

С Линдой? Вопрос возник в мозгу помимо ее воли. Остаток пути она провела в подавленном настроении. Даже если Дэйв и заметил это, то не потрудился отреагировать. Его собственное настроение было ненамного лучше, когда он ввел ее в фойе, роскошь которого была искусно подчеркнута освещением.

— Добрый вечер, мистер Мастерсон.

Маленький круглый человечек с лысиной на голове и с живыми, темными, типично французскими глазами, как по волшебству, возник перед ними. Он вежливо поклонился Алекс, которая поспешно улыбнулась в ответ.

— Добрый вечер, Клод, — фамильярно ответил Дэйв, неприятно удивив этим Алекс. — Спасибо, что нашел для нас место при таком позднем уведомлении.

Клод характерно пожал плечами.

— Вы же знаете, как это обычно бывает, сэр. Есть люди, для которых всегда находятся места. Сюда, пожалуйста...

Дэйв полуобнял Алекс за талию и слегка подтолкнул вперед. Пока они шли вслед за Клодом к столику, она осторожно оглядывалась вокруг, стараясь не показать, как ее поразила изысканность обстановки.

Этот ресторан не имел ничего общего с теми заведениями, где ей приходилось бывать раньше. В редких случаях, когда Дэйв приглашал ее куда-нибудь поужинать, они обычно шли в один из индийских, китайских или итальянских ресторанчиков, находившихся неподалеку от дома. Он мог позволить себе пойти туда в обычных брюках и спортивной рубашке, да и она надевала что-нибудь столь же непритязательное. Там можно было, сидя за бутылкой вина, непринужденно развалиться на стуле и просто поболтать, чувствуя себя вполне уютно в компании друг друга. А здесь Алекс даже не пришло в голову откинуться на спинку стула. Она не могла вообразить здесь Дэйва, хватающего креветку с ее тарелки, или себя, наклонившуюся через стол, чтобы скормить ему креветку из своих рук, как он любил.

Здесьняя обстановка не вдохновляла на вольности. По мере того, как Алекс осматривалась, благоговейный трепет перед этим местом сменялся чувством, близким к презрению: в зале царил атмосфера того рода, который можно было охарактеризовать выражением: «Мы едим здесь, потому что это престижно».

— Тебе здесь не нравится, — заметил Дэйв.

— Все выглядит очень... мило, — ответила она.

— Мило, — оскорбился Дэйв. — Это один из лучших ресторанов Лондона, а ты говоришь — мило.

— Извини. Предполагалось, что я буду потрясена?

— Нет.

Нерв на щеке Дэйва предательски задрожал.

— Или, может, я должна быть потрясена тем, что ты смог попасть сюда без предварительного заказа? — предположила она. — Осторожнее, Дэйв, а то я начну подозревать, что ты пытаешься произвести на меня впечатление.

— А что, это так смешно?

Алекс задумалась, скользя взглядом по столикам, за которыми сидели элегантно одетые люди с учтивыми выражениями на чопорных лицах. Затем она вновь перевела глаза на Дэйва.

— Если честно, то да, — ответила она с усмешкой. — Мы оба знаем, что у тебя никогда не было необходимости что-то делать, чтобы произвести на меня впечатление.

Он нетерпеливо вздохнул.

— Алекс, я привез тебя сюда не для того, чтобы спорить. Я только хотел...

— Устроить мне экскурсию? — язвительно предположила она.

— Нет! — воскликнул Дэйв. — Я хотел сделать тебе приятное, приятное — понимаешь?

— Показав, как живет твоя другая половина? — усмехнулась она.

— Моя другая половина? — в его тоне прозвучало замешательство. — Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

— Другого тебя, о котором я ничего не знаю, — пожала она плечами, добавив про себя: того Дэйва, который становился все сильнее, пока другой медленно блекнул у меня на глазах, а я и не замечала этого. — Того, кто совершенно свободно чувствует себя в местах, подобных этому, — произнесла она вслух.

Он метнул на нее раздраженный взгляд серых глаз.

Может, нам следовало пойти одетыми кое-как в местный китайский ресторан? — спросил он с издевкой. — Алекс, ты затратила много усилий, чтобы создать себе новый образ. Все это, — он окинул быстрым взглядом зал, — соответствует твоему новому облику. Тебе решать, нравится тебе это или нет.

Нет, не нравится, подумала она и невольно скривилась, как от боли, когда осознала, что означал этот ответ. Это — не ее, независимо от того, одета она для этой роли или нет. Но это настолько очевидно был мир Дэйва, что ей захотелось завыть. Осталось ли у них что-то общее, за что можно было бы уцепиться?

— А тебе нравится? — спросила она с любопытством. — Мой новый образ? — пояснила она, увидев, как он озадаченно нахмурился.

Дэйв откинулся на спинку стула и посмотрел на нее с каким-то странным выражением в глазах.

— Мне нравится твоя новая прическа, — признал он после минутного молчания, — но я не уверен, что могу одобрить причины, по которым ты изменила ее. Мне нравится платье, — продолжил он, прежде чем она успела ответить. — Оно красиво, и ты сама это знаешь, но мне не нравится то, что...

Появление официанта оборвало Дэйва на полуслове. Официант поставил перед Алекс бокал с чем-то холодным и прозрачным и предложил тот же напиток Дэйву.

— Ваши меню, сэр, — произнес он, открывая и протягивая каждому из них меню в темно-зеленой кожаной обложке.

— Благодарю, — холодно сказал Дэйв, отсылая официанта нетерпеливым движением пальцев.

Официант вежливо поклонился и удалился.

— Ты был очень резок с ним, — с укором заметила Алекс. — Чем он заслужил такое обращение?

— Он прервал меня, когда я пытался сказать тебе комплимент.

Она бросила на него насмешливый взгляд.

— Если ты называешь это комплиментом, Дэйв, то я определенно не в восторге от твоего способа его выражения.

Он состроил унылую гримасу.

— Хорошо, — уступил он, — мне оказалось нелегко примириться с твоим новым обликом, Алекс. — Он внезапно наклонился вперед и взял ее за руку. — Ты очень красива, сама это знаешь. Мне не нужно говорить тебе об этом...

Не нужно? — усмехнулась она про себя.

— Но, пожалуйста, — продолжил он, — в своих попытках доказать что-то мне, постарайся не погубить в себе ту славную девочку, какой ты была до сих пор.

— Я делаю это вовсе не ради тебя, Дэйв, — сухо проговорила она, — а ради себя самой. Просто для меня настало время повзрослеть.

— О нет, милая, — сказал он вполголоса, — ты не права! Я...

— Ну и ну, Дэйв Мастерсон собственной персоной! — протяжно произнес чей-то ироничный голос.

— Черт! — пробормотал Дэйв.

На мгновение он крепко сжал ладонь Алекс, затем придал своему лицу подкупающе любезное выражение и поднял глаза на того, кто нарушил их разговор.

— Зак! — приветствовал он незнакомца, медленно поднимаясь на ноги. — Я думал, ты в Штатах.

Дэйв сделал шаг в сторону от столика, чтобы пожать незнакомцу руку. Алекс подняла голову и увидела светловолосого, худого, как щепка, мужчину приблизительно того же возраста, что и Дэйв, с приятным лицом и ярко-зелеными глазами, силы взгляда которых, казалось, было достаточно, чтобы проникнуть сквозь стальные доспехи, если бы незнакомцу вдруг пришла такая мысль.

— Я вернулся несколько недель назад, — пояснил мужчина. — Это как раз ты куда-то пропал в последнее время... — Его взгляд с любопытством скользнул в сторону Алекс, и она заметила, как в его глазах вспыхнул чисто мужской интерес. — Не это ли прелестное создание является тому причиной? — как бы в задумчивости пробормотал он. Затем бесцеремонно обратился к Дэйву: — А что случилось с очаровательной Лин...

— Моя жена, — перебил его Дэйв, явно желая не дать ему договорить, однако Алекс без труда угадала последнее слово. — Александра, — сказал он, отступая в сторону, чтобы не загораживать от нее своего собеседника. — Это Зак Колэм. Мы с ним клиенты одной и той же юридической фирмы, — натянуто произнес он.

Зак Колэм бросил на Дэйва быстрый удивленный взгляд.

— Разве только? — пробормотал он себе под нос, делая шаг вперед и протягивая Алекс руку.

Она не обратила внимания на последнее негромкое замечание, так как только что вспомнила, откуда знала его имя. Он был политическим карикатуристом в «Санди Глоуб» и остроумным сатириком. Колэм умел безошибочно определять слабые стороны характера своих персонажей и, используя их, мог выставлять в смешном виде самую выдающуюся персону. Это принесло ему известность и на телевидении. Он появлялся на разного рода конкурсах, телевикторинах и тому подобных шоу, добавляя остроту происходящему действию.

— Неудивительно, что Дэйва не было видно в последние несколько месяцев, — сказал он протянувшей ему руку женщине. Длинные, невероятно худые пальцы сжали ее ладонь. — Жена, — негромко произнес он. — Твой вкус определенно улучшился, Дэйв.

Он имеет в виду Линду, сердито подумала Алекс.

— Спасибо, — ответила она вместо Дэйва. У того был такой натянутый вид, что Алекс подозревала, что он не способен ничего сказать, даже если бы и хотел. — Я... я слышала о вас, мистер Колэм, — смущенно продолжила она. — Мне нравятся ваши работы.

— Моя поклонница? — Глаза Зака заблестели. — Ну-ну, расскажите мне... — Он взялся рукой за спинку свободного стула с намерением выдвинуть его из-под стола.

— Зак, милый, где ты пропал? — вмешался кокетливый женский голос.

Изобразив на лице сожаление, Зак выпрямился и повернулся к подошедшей женщине.

— Извини, — сказал он ей, — но ты должна понять, какой это волнующий момент. Этот мужчина из мужчин попался в свадебный капкан, — произнес он с недвусмысленным вздохом. — Клэр, — он обнял свою подругу за тонкую талию и подвел ближе к столику, — это Дэйв Мастерсон, о котором ты без сомнения слышала.

— Кто же не слышал? — сдержанно сказала женщина. — Мы все, затаив дыхание, ждали исхода его борьбы с Харви.

Опять Харви. Алекс опустила глаза, задаваясь вопросом, не является ли она единственным человеком, который не знал, насколько важным было это дело с Харви.

— Рада познакомиться, — сказала Клэр, когда Дэйв поприветствовал ее, изобразив на лице слабое подобие улыбки.

Взгляд Дэйва был прикован к Заку, который все еще с некоторым интересом разглядывал Александру.

— Мы бы пригласили вас присоединиться к нам, но уже сделали заказ, — солгал Дэйв. — И... — он не договорил фразу, но всем стало ясно, что Дэйв предпочитал, чтобы они ушли.

— Не беспокойся, — рассмеялся Зак приятным, чуть хриловатым смехом. — Мы не собираемся нарушать уединение молодоженов.

Дэйв открыл было рот, чтобы исправить его ошибку, но перехватил взгляд Алекс и замолчал.

Не надо, умоляли ее глаза. Не говори им правду! Зак знает о Линде. Не выставляй меня на посмешище, объясняя, что ты женат уже семь лет и у тебя шестилетние дети!

Дэйв мрачно отвел глаза, его губы сжались в тонкую линию, выдавая досаду по поводу всей этой непрошенной сцены. Алекс чувствовала себя ужасно. Ей хотелось убежать и спрятаться, скрыться ют этого кошмарного унижения.

В этот момент Дэйв сделал странную вещь: он подошел к Алекс, взял ее рукой за подбородок и, неожиданно наклонившись к ней, прямо посреди самого аристократического ресторана Лондона, поцеловал, горячо и жадно. А когда он оторвался от ее губ, она увидела такую боль в его глазах, что на ее собственные навернулись слезы.

— Очевидно, медовый месяц еще не закончился, — усмехнулся Зак Колэм. — Пойдем, Клэр. Думаю, надо оставить этих голубков вдвоем.

— Что ты будешь есть?

Все еще под впечатлением его неожиданного поцелуя, потрясенная выражением глаз мужа, Алекс с трудом заставила себя вернуться к действительности. Он уже сидел на своем месте и пристально смотрел на нее.

— Я... — Алекс опустила глаза на лежащее перед ней меню. Список блюд расплывался перед глазами. — Я... — Она запнулась, прислушиваясь к гулкому биению своего сердца, и нервно провела кончиком языка по губам, все еще горевшим после поцелуя. — Закажи что-нибудь для меня, — попросила наконец она и отложила меню в сторону. Не было смысла изучать его в том состоянии, в котором она была.

Помрачнев, Дэйв жестом подозвал официанта. Официант, нервно кивая головой, принял заказ и поспешил ускользнуть, чувствуя напряженность обстановки за столиком.

Видел ли официант, как Дэйв целовал ее? Видели ли это другие? С горящими щеками Алекс осторожно оглядела зал. Как ей показалось, окружающие были поглощены своими собственными делами, и она немного успокоилась. Сжав руки под розовой скатертью, она заставила себя заговорить.

— Ты давно знаком с Заком Колэмом? — спросила она.

Дэйв неопределенно пожал плечами.

— Он унаследовал от своего отца пару небольших компаний. Они не были ему нужны, и он продал их мне.

— Мне нравятся его рисунки, — заметила она. — Я неплохо разбираюсь в этом и могу оценить его мастерство.

— И его обаяние тоже? — резко произнес Дэйв.

Глаза Алекс расширились от удивления: в тоне Дэйва прозвучала неприкрытая ревность. Дэйв ревновал ее к мужчине, который всего лишь взглянул на нее? Ее передернуло от этой догадки.

— Ты именно поэтому поцеловал меня? — спросила она.

— Он смотрел на тебя, как на новое соблазнительное блюдо в этом чертовом меню, — процедил он сквозь зубы. — Я хотел, чтобы у него не было сомнений насчет того, кому ты принадлежишь.

Принадлежу? Она принадлежит Дэйву, но Дэйв, очевидно, не принадлежит ей, раз в его жизни существует Линда.

— Кто-нибудь в этом другом мире, в котором ты вращаешься, знает обо мне и о детях? — с горечью спросила она.

— Моя личная жизнь их не касается, — заявил Дэйв. — Я общаюсь с ними исключительно ради дела. Может, мы оставим эту тему? — добавил он резко. — Конечно, если ты предпочитаешь общество Зака Колэма моей компании, я могу позвать его обратно, чтобы доставить вам обоим удовольствие!

О боже, он действительно ревнует! Эта мысль подняла увядшее самомнение Алекс на недостижимую высоту.

— Ну, по крайней мере он не обрывает свою подругу каждый раз, как только та открывает рот, — с иронией заметила она, наблюдая с растущим чувством триумфа за выражением его лица.

Тем временем им подали первую перемену, что оказалось очень кстати. Лучше уж заниматься едой, чем сидеть и упрекать друг друга на глазах у всех. Дэйв заказал для нее легкий лососевый мусс, от которого у Алекс потекли слюнки, хотя всего лишь несколько минут назад она была уверена, что не сможет проглотить ни кусочка. Она съела мусс уже наполовину, когда Дэйв неожиданно перегнулся через стол и нежно коснулся ее руки.

— Алекс, — негромко сказал он, ловя ее настороженный взгляд. — Давай, наконец, попытаемся сделать этот вечер приятным для нас, — взмолился он. — Я не хочу препираться с тобой. Я хочу...

— Дэйв! Как приятно тебя видеть!

От этого нового вмешательства в их разговор его лицо помрачнело. Алекс тоже почувствовала раздражение. Она как раз позволила себе редкое удовольствие — погрузиться в дымчатую глубину глаз мужа.

На этот раз он лишь слегка приподнялся, чтобы поприветствовать пару средних лет, которая остановилась у их столика. Он не стал представлять им Алекс, а ограничился тем минимумом слов, которых требовали правила приличия, быстро вынудив подошедших продолжить свой путь.

— Теперь ты понимаешь, почему я не люблю приводить тебя в места, подобные этому, — сказал он с недовольной гримасой. — Нас будут прерывать весь вечер.

— А что в этом плохого? — возразила Алекс, увидев в его раздражении нежелание представлять знакомым ее как свою жену.

— Потому что, когда я иду с тобой куда-то, то хочу, чтобы ты принадлежала только мне! — сказал он и опять взглянул на нее тем дымчатым затаенно-страстным и одновременно собственническим взглядом, от которого внутри у Алекс все перевернулось.

Дэйв оказался прав. Во время ужина к ним подходили еще по крайней мере три раза. В конце концов Дэйв со вздохом дотронулся до ее руки и, поднимаясь, потянул ее за собой.

— Пойдем, потанцуем, — предложил он. — По крайней мере во время танца нас не будут прерывать.

Держа ее за руку, он направился сквозь ряды столиков к закрытым дверям, которые распахнулись, как только он коснулся их свободной рукой. Здесь было темнее. Алекс едва могла разглядеть в полумраке противоположный конец зала, где был свой бар и небольшая сцена, на которой располагались музыканты, играющие легкий медленный танец.

Дэйв провел ее на площадку для танцев и развернул лицом к себе. Алекс внезапно охватило странное чувство, как будто перед ней был не Дэйв, а чужой, незнакомый мужчина. Этот высокий, красивый незнакомец волновал ее, вызывая в ней обостренное ощущение себя как женщины.

Это Дэйв, яростно стала убеждать себя она, подчиняясь ему в медленном ритме музыки, мужчина, за которым она уже семь лет замужем. Но все же ей пришлось с горечью признать, что этот Дэйв — чужой для нее. И не только потому, что в этом привычном для него мире она была чужестранкой. Они стали чужими давно, продолжая оставаться мужем и женой.

У Алекс вырвался грустный вздох. Должно быть, Дэйв услышал его, потому что нежно накрыл ладонью ее руку, лежавшую на гладком лацкане его смокинга. Его вторая рука, которой он придерживал Алекс за талию, скользнула вверх, под черное болеро, с намерением прижать ее ближе, и замерла, когда пальцы неожиданно коснулись теплой обнаженной спины.

Надев болеро, Алекс совершенно забыла о фасоне нового платья. Собственно говоря, ей было не до того — слишком большого напряжения потребовал от нее этот вечер. Она вспомнила об этом только теперь, почувствовав обжигающее прикосновение руки Дэйва, и закрыла глаза, спасаясь от нахлынувшей волны непрошенных ощущений.

Попытавшись воспротивиться, Алекс повернула голову, чтобы сделать глоток воздуха, не наполненного тем чувственным запахом, который исходил от Дэйва, но он остановил ее и крепко прижал к себе.

— Дежа вю, — прошептал Дэйв, и у Алекс перехватило дыхание, когда она поняла, что он имел в виду.

В тот первый раз, когда они танцевали вместе, на ней была простая короткая блузка, и Дэйв проскользнул под нее рукой. Сейчас на ней было бархатное болеро, гораздо более элегантно и изысканное, но ее реакция на его прикосновение была той же самой.

У Алекс перехватило дыхание, когда кончики пальцев Дэйва стали медленно перемешаться вдоль ее позвоночника.

Я не должна позволять ему делать это, отчаянно убеждала она себя. Но, помимо ее воли, в ответ на его ласку по ее тонкой чувствительной коже пробежали мурашки. Алекс снова закрыла глаза и изогнулась так, что кончики ее сосков коснулись груди Дэйва. Она почувствовала, как напряглось его тело, содрогаясь от желания, и беспомощно вздохнула.

Дэйв наклонил голову, уткнувшись в ее шею.

— Ничего не изменилось ни на йоту, правда? — прошептал он. — Мы все так же действуем друг на друга.

Как он был прав! И с последним вздохом, вырвавшимся из самой глубины ее существа, Алекс сдалась и позволила себе сделать то, к чему толкали ее всколыхнувшиеся чувства. Она потянулась вверх и нежно коснулась губ Дэйва своими губами.

В первый раз за последнее время она сама сделала движение навстречу ему, и он понял это.

— Поедем домой, — сказал он внезапно охрипшим голосом.

— Я...

Она уже была готова согласиться, чувствуя, что не может и не хочет сопротивляться, как вдруг язвительно-насмешливый, до боли знакомый голос прервал ее на полуслове. И от звука этого голоса их хрупкое согласие разбилось на тысячу осколков.

— Ха, да это никак сам Дон Жуан. И со своим новым завоеванием...

7

Алекс узнала этот голос. Она закрыла глаза и устало опустила голову на одеревеневшее плечо Дэйва.

— Ты, наверное, не знаешь, что он женат, детка? — с издевкой спросил голос.

Видимо, Мэнди не узнала Алекс в той женщине, с которой танцевал Дэйв.

— Уже семь лет, не меньше, — продолжала она. — Его жена — хорошенькое, но совершенно пресное создание — сидит дома с их тремя детишками, в то время как ее драгоценный супруг готов стать любовником каждой женщины, которая захочет этого.

— Ну, не каждой, Аманда, — холодно возразил Дэйв. — Мне никогда не составляло труда отшивать тебя.

Мэнди имела виды на Дэйва? Алекс подняла голову и посмотрела в его помрачневшее лицо. Встретив его жесткий, циничный взгляд, она почувствовала, будто с ее слепых, доверчивых глаз сдернули еще одну вуаль.

Дэйв и Мэнди не ладили друг с другом, но Алекс никогда не задумывалась, в чем причина их

взаимной враждебности. Теперь она ее узнала.

— Мужчине следует остерегаться мести отвергнутой им женщины, — назидательно произнесла Мэнди. — У нее есть свое маленькое, но очень разрушительное оружие.

— И ты умело воспользовалась им, так? — процедил Дэйв сквозь зубы. — Ударив в самое уязвимое место.

— Кстати, как поживает Алекс? — ехидно спросила Мэнди. — Бедняжка не догадывается, как быстро ты нашел замену получившей отставку Линде?

Достаточно. Алекс слышала вполне достаточно. Резко повернувшись, она посмотрела в лицо своей когда-то лучшей подруги. Под ее пристальным холодным взглядом Мэнди побледнела, затем, не сказав ни слова, развернулась и пошла прочь.

Настроение было испорчено. Вечер стал катастрофой. Они молча покинули клуб и направились к стоянке, где Дэйв припарковал машину.

— Как долго? — наконец решилась задать вопрос Алекс, когда Дэйв вывел машину на дорогу, ведущую из Лондона.

— Годы, — пожал он плечами, не сомневаясь, что правильно понял вопрос.

— Ты когда-нибудь давал ей повод?

Она увидела, как побелели костяшки его пальцев, сжимавших руль. Вопрос задевал его достоинство, но он должен был признать ее право задать его.

— Нет, — решительно заявил Дэйв. — Даже не помышлял об этом.

— Почему же нет?

— Она мне никогда не нравилась как женщина, — сказал он.

Наверное, это правда, подумала Алекс, судя по тому безразличию, с которым он произнес эти слова.

— Тогда почему ты не рассказал мне о ее притязаниях?

— Чтобы разрушить твою веру в ту, что была достаточно дорога тебе? — Дэйв бросил на нее угрюмый взгляд. — Я никогда не скрывал, что недолюбливаю ее, — напомнил он.

— Но ты никогда не пытался расстроить эту дружбу, — возразила она. — Одно твое слово, Дэйв, один лишь намек, что она использовала меня, чтобы попытаться заполучить тебя, и сегодняшней сцены могло бы не быть.

— Разве я мог сделать это, зная, как глубоко ранит тебя правда? — В полумраке машины его лицо выглядело суровым. — Надо быть сволочью, чтобы поступить так по отношению к тебе, Алекс.

— Правда, — согласилась она, и последнее слово будто повисло в воздухе между ними. Она поняла, что Дэйв прочел в ее ответе другой смысл, и знала, что ему нечего было возразить.

Алекс первая вошла в дом и направилась прямо наверх, желая уйти от разговора с Дженни.

— У меня болит голова, — пробормотала она, и это не было полной ложью. Внутри нее все отзывалось болью, и голова не была исключением. — Извинись, пожалуйста, за меня перед своей мамой, — попросила она мужа.

Когда Дейв вернулся после того, как отвез мать домой, Алекс еще не заснула, но притворилась спящей. Она замерла, напряженно прислушиваясь к его шагам. Наконец он лег в постель. Совершенно обнаженный, положив под голову руки, он лежал на спине и смотрел в темный потолок. Алекс замерла рядом и всем своим израненным сердцем молила только об одном: чтобы эти последние несколько недель исчезли из их жизни, как если бы их вовсе не было. Но, конечно же, судьба не была так великодушна, и они долго лежали рядом, физически ощущая, как сгущается напряжение в темной комнате, так что Алекс начала чувствовать удушье. Наконец Дэйв со вздохом повернулся и обнял ее. Она без сопротивления прильнула к нему, с каким-то отчаянием ища утешения в его объятиях. Они устремились навстречу друг другу в безмолвном неистовстве, почти столь же непереносимом, как и напряженная тишина.

Образ Линды опять предстал перед Алекс этой ночью, ввергнув в оцепенение ее охваченное страстью тело в тот самый момент, когда она начала верить, что сможет дать выход давно сдерживаемым эмоциям. Дэйв почувствовал перемену в ней и затих, быть может, догадываясь, с каким призраком она вела борьбу.

Слезы пробивались сквозь ее сомкнутые веки, губы дрожали, пальцы крепко вцепились в мускулистые плечи Дэйва. Еще одно препятствие преодолено, подумала Алекс, когда ей наконец удалось вытеснить Линду из сознания, и с судорожным вздохом она снова приникла к губам Дэйва.

— Алекс, — прошептал он, сливаясь с ней в новом страстном порыве, с дрожью повторяя ее имя снова и снова, как бы желая сказать, что понял, какую битву она только что выдержала ради него.

Но, хотя они вместе добрались до вершины и тела их одновременно затрепетали от наслаждения, в самое последнее мгновение Алекс опять постигла неудача. Неудача, которая означала так много, что она не смела об этом думать.

Дэйва снова захватили дела — приобретение очередной фирмы. Переговоры, которые он вел с небольшой инженерной компанией неподалеку от Хаддерсфилда, вынуждали его ночевать вне дома. Алекс приняла его объяснения, поджав губы и ничего не сказав в ответ, вызвав тем самым его явное неудовольствие. Он в раздражении уехал, а она осталась дома, терзаемая подозрениями. Понимая, что эти подозрения несправедливы, она все же не могла так легко их отбросить. Дэйв, по-видимому, решил не оправдываться перед ней, требуя, чтобы она доверяла ему. Ее сомнения только увеличивали напряженность их семейной жизни.

Так прошло несколько недель. Однажды, проглядывая местную газету, которую раз в неделю опускали в их почтовый ящик, Алекс прочитала нечто, что заставило ее встрепетаться. Местный колледж искусств устраивал творческую встречу с Заком Колэмом, которая должна была состояться сегодня вечером, приглашались все желающие.

Дэйва не было в Лондоне. Но если его мать сможет посидеть с детьми, то почему бы Алекс не пойти туда одной? Что в этом плохого? Ничего, ответила она себе, в глубине души понимая, что хотела пойти на встречу только из бунтарского желания задеть Дэйва за больное место.

Он сам виноват в этом, убеждала она себя, паркуясь на стоянке. Он не должен был показывать ей, что может ревновать к кому-нибудь вроде Зака Колэма. Именно его ревность стала

побудительной причиной, по которой она приехала сюда.

Проскользнув в небольшой зал, где должна была состояться лекция, она устроилась в одном из задних рядов, не рассчитывая, что Зак заметит ее, а если даже и заметит, то не узнает. В конце концов, их знакомство было очень кратким.

Однако Зак мгновенно узнал ее. Он взошел на сцену, с улыбкой оглядел на три четверти заполненный зал, увидел Алекс, задержал на ней взгляд и широко улыбнулся ей, так что все присутствующие обернулись, чтобы посмотреть, кого это он персонально поприветствовал.

Алекс, залившись краской, смущенно улыбнулась в ответ и глубже запахнула свою светло-голубую курточку, желая стать как можно менее заметной.

Но, как только он заговорил, ее смущение прошло. Его умная, быстрая, ироничная манера говорить захватила ее. Объясняя, как он выискивал слабости своих жертв, Зак держался свободно, не скупился на улыбки и умело руководил аудиторией. Он подмигнул ей пару раз, заметив, что она смеялась вместе с остальными. И Алекс почувствовала, что ей приятно его внимание.

После лекции, когда она направилась по проходу между рядами к двери, Зак подошел к ней, с легкостью отразив по дороге несколько обращенных к нему реплик.

— Александра, — его теплые пальцы сжали ее ладонь, — как хорошо, что вы пришли.

— Я рада, что смогла. — Она улыбнулась, снова почувствовав дурацкое смущение. — Вы рассказали много интересного.

— Вы учитесь в этом колледже?

Алекс удивленно раскрыла глаза.

— Нет! — ответила она, слегка вспыхнув.

Ей не приходило в голову, что он мог сделать такое предположение. Она вдруг сообразила, что на ней выцветшие джинсы и непритязательная спортивная курточка, а на лице нет никаких следов косметики. Ничего похожего на ту женщину, с которой он познакомился как с женой Дэйва Мастерсона. Действительно, она скорее выглядела как студентка.

— Мы живем недалеко отсюда. Я узнала о сегодняшнем вечере из местной газеты и решила прийти.

— Одна?

— Да.

Алекс смутилась еще больше, сама не понимая, почему. Этот человек не мог знать, насколько необычным было для нее такое решение.

— У Дэйва дела, — пояснила она.

— А-а, — понимающе сказал Зак, бросив на нее странный взгляд. — Интересуетесь политикой?

Алекс тряхнула светлыми волосами.

— Искусством, — поправила она. — Во всяком случае, карикатурой. Вы мне можете не верить, но когда-то у меня были неплохие способности к этому, — застенчиво призналась она, — до того, как обязанности жены и матери стали отнимать почти все мое время.

О черт. Ее сердце оборвалось, когда она поняла, что только что сказала. Зак Колэм, считавший, что она и Дэйв молодожены, нахмурился, глядя на нее в замешательстве. Алекс виновато прикусила нижнюю губу, чувствуя себя пойманной на лжи.

К счастью, их прервали: кто-то хотел задать Заку несколько вопросов. Алекс решила воспользоваться этой возможностью и незаметно ускользнуть, но Зак, заметив ее маневр, ухватил ее за руку.

— Не уходите, — сказал он. — Мне нужно попрощаться с людьми, которые организовали этот вечер, но, если вы меня подождете, мы могли бы зайти в паб, который я заметил на той стороне улицы, и выпить что-нибудь.

Алекс заколебалась. Идти в паб с мужчиной, который не был Дэйвом, означало для нее переступить невидимую линию, прочерченную ее замужеством. Но ведь Дэйв сам постоянно делал это! Кому будет плохо, если она примет приглашение? Кого это касается?

Алекс сама ответила на свой вопрос: это касается Дэйва, но проигнорировала ответ, так же, как и ясное понимание того, что ей хочется досадить Дэйву. Она стала убеждать себя, что Зак ей просто симпатичен и ей интересно то, чем он занимается.

— Спасибо, — услышала она свой голос. — Это было бы замечательно.

Странно, но теперь он заколебался и посмотрел на Алекс тем пронизательным взглядом, который она запомнила еще с их первой встречи. Затем кивнул и выпустил ее руку.

— Через пять минут, — пообещал он и ушел, оставив ее в раздумье.

Тем не менее она осталась довольна тем часом, который они провели в пабе. Там было многолюдно, так как многие из тех, кто был на лекции, тоже зашли в паб. Алекс и Зак встали рядом, держа в руках по бокалу светлого пива.

Как здесь хорошо! — подумала Алекс. Как хорошо чувствовать себя свободной и вести беседу, как разумное человеческое существо, а не только как домохозяйка и мать. Алекс понравилась непринужденность Зака и то, как внимательно он слушал, когда она сначала робко, а потом, ободренная тем, что он не обрывал ее, все более оживленно стала развивать собственные идеи, сама удивляясь, что еще сохранила что-то со школьных дней.

Имя Дэйва не упоминалось в их разговоре, и только когда Алекс уже собралась прощаться, Зак спокойно спросил:

— Алекс, как давно вы женаты с Дэйвом?

— Семь лет, — ответила она, чувствуя, как улетучивается приятное впечатление от вечера. И, вызываяще подняв подбородок, добавила: — У нас трое детей — два мальчика и девочка. Нет, не подумайте, что он все время держит меня беременной. Сэм и Кейт близнецы.

Зак слегка улыбнулся в ответ на ее слова, но тут же стал серьезным.

— Я должен извиниться перед вами за нашу первую встречу.

Он имел в виду свои слова насчет другой женщины. Алекс почувствовала, как в груди у нее что-то сжалось, но она отбросила это ощущение вместе с его извинениями.

— Не надо, — ответила она. — Вы просто были честны. Это мы с Дэйвом ввели вас в заблуждение. До свидания, Зак, — попрощалась она, прежде чем он успел сказать еще что-нибудь. — Мне очень понравился сегодняшней вечер. Спасибо.

Повернувшись, Алекс направилась к своей машине, но Зак остановил ее.

— Послушайте, — сказал он, — я намерен прочесть двенадцатинедельный курс карикатуры в этом колледже. Раз в неделю по вечерам. Вам было бы это интересно?

Было бы ей интересно? Алекс обернулась и посмотрела ему в лицо. У нее мелькнуло подозрение, что эта мысль только сейчас пришла ему в голову. А это означало... Что именно это означало?

— Не знаю, — осторожно ответила она. — Вызовет ли это достаточный интерес? Стоит ли тратить на то ваше время?

Его насмешливая улыбка дала ей понять, сколь она наивна. Зак был знаменитостью. Имени Зака Колэма было достаточно, чтобы привлечь внимание к его лекциям или занятиям.

— Вам это понравится, Алекс, — мягко сказал он. — Я могу определенно обещать вам это.

У Алекс засосало под ложечкой. Она почувствовала, что в его обещании прозвучало гораздо больше, чем он сказал. Она ему нравится. И он пытается скрыть это. Вопрос в том, хочет ли она поощрять его?

Нет, решительно ответила она себе. Все и так достаточно запутано, и дальнейшее усложнение ее жизни человеком типа Зака Колэма ей ни к чему. Однако если этот мужчина сам по себе и не притягивал ее, то идея снова взять в руки альбом и карандаш казалась очень привлекательной.

— Дайте мне знать, когда вы решите окончательно, — уклонилась она от прямого ответа, — и я подумаю об этом.

— Зак Колэм преподает в местном колледже? — пренебрежительно переспросил Дэйв. — С чего это он стал утраждать себя подобными мелочами?

— Может быть, ему это интересно, — сказала Алекс в защиту Зака.

Дэйву не понравилось, что она без его ведома ездила куда-то этим вечером, но, узнав, что причиной этого был не кто иной, как Зак Колэм, он буквально озверел.

— Откуда ты узнала об этой лекции? — не скрывая раздражения, спросил он.

— Из местной газеты, — ответила Алекс. — Ты уже ел? — Она дипломатично переменяла тему. — Может быть, хочешь, чтобы я приготовила что-нибудь?

— Нет! Я хочу услышать о том, как ты встречалась с Заком Колэмом! — рявкнул он.

— Я вовсе не встречалась с ним! — возразила Александра. — Я ходила послушать его! — уточнила она, желая подчеркнуть огромную разницу между тем, что подразумевал Дэйв, и тем,

что было на самом деле. — Черт возьми, что ты хочешь сказать? — спросила она, начиная терять терпение. — Что мы разработали некий тайный план, чтобы иметь возможность видеться друг с другом?

По его внезапно вспыхнувшему лицу она догадалась, что именно это и пришло ему в голову.

— Зак вполне способен на такое, — проворчал он. — Он положил на тебя глаз сразу, как только увидел!

Боже мой, подумала Алекс, когда чувство злости пополам с удовлетворением охватило ее: несгибаемый Дэйв Мастерсон боится, как бы у его жены не появился другой мужчина!

— В нашем браке именно ты — не заслуживающая доверия сторона, а не я, — напомнила она ему.

— Но ты можешь взять реванш.

— А ты можешь стать параноиком с навязчивым бредом, — огрызнулась она. — Не надо причисывать меня под одну гребенку с собой.

И опять Алекс умышленно проигнорировала внутренний голос, еле слышно шепнувший, что она не до конца правдива.

— Я этого и не делаю, — вздохнул Дэйв, направляясь в другой конец комнаты, чтобы налить себе виски.

— Тогда что ты делаешь? — резко спросила она.

— На самом деле, — он опять вздохнул и устало тряхнул темноволосой головой, — на самом деле я сам не знаю, что делаю, — признался он. — Ты собираешься пройти этот курс?

— А ты хочешь сыграть роль деспотичного мужа и запретить мне, если я решу пойти туда? — ответила она вопросом на вопрос.

— А ты послушаешься меня, если я попытаюсь отговорить тебя от этого? — холодно парировал он.

— Нет.

Дэйв пожал плечами.

— Тогда зачем пытаться? — сказал он и вышел из комнаты.

Алекс осталась сидеть, охваченная раздражением и обидой. Каждый раз, когда он уходил, она чувствовала себя, как покинутый, лишенный любви ребенок.

Проблема в тебе самой Алекс, сказала она себе.

Ты все время старалась жить для него, не имея ни малейшего представления, как жить для себя. Именно поэтому, когда Зак позвонил и сказал, что все устроилось, она приняла решение посещать этот курс.

Дэйв не сказал ни слова. Но Алекс прекрасно знала, что он думал по этому поводу, когда две недели спустя отправилась на первое занятие. Едва она вернулась, Дэйв, не дожидаясь, пока

темнота окутает их супружескую спальню, схватил ее за руку и потащил в постель, как бы спеша подтвердить свои права на нее. И, хотя ее чувства откликнулись на его порыв, он опять в одиночестве достиг вершины, что, в конечном итоге, оставило неудовлетворенными их обоих.

Зато ее способности в области карикатуры расцвели всего лишь за несколько недель занятий. Даже Дэйв не мог сдержать улыбки, глядя на ее рисунки. Зак был воодушевлен. Он никогда не делал персональных замечаний в классе, но, когда после занятий, перед тем как разойтись по домам, они всей компанией шли в паб через дорогу, он неизменно садился рядом с Алекс, не скрывая своего интереса к ней. Она старалась не обращать на это внимания, желая усвоить все его уроки по рисунку, и ужасно боялась, что, если он начнет действовать более активно, ей придется бросить занятия.

Рождество было не за горами, и Алекс захватили предпраздничные хлопоты: приобретение подарков, приготовления к праздничному столу.

Дэйв выглядел еще более занятым и озабоченным. Его единственная реальная уступка мятежному желанию Алекс быть признанной как личность заключалась в том, что он регулярно стал вывозить ее куда-нибудь. Они бывали в театрах, кино, клубах и ресторанах. Ее гардероб по необходимости пополнился более элегантными туалетами, хотя в повседневной жизни она вернулась к прежнему стилю одежды. Однако она сохранила новую прическу, потому что она ей нравилась, и за ней было легче ухаживать, чем за длинными волосами.

Напряженность их семейной жизни стала проявляться в другом. Александра быстро уставала, раздражалась по глупейшим поводам и без видимой причины заливалась слезами. Это беспокоило ее семью, все тосковали по прежней жизнерадостной и милой Алекс.

Болезнь роста — поставила она себе безжалостный диагноз после очередного ничем не спровоцированного срыва, увидев, как дети осторожно обходили ее стороной, а Дэйв косился исподлобья и избегал смотреть в глаза.

Как-то вечером, собираясь ехать на занятия, Алекс не смогла завести машину. Дэйв был в Хаддерсфилде и должен был вернуться очень поздно. Дженни осталась с детьми. Шел дождь со снегом. Алекс тоскливо взглянула на дом, понимая, что надо бы вернуться и вызвать такси, но странным образом не захотела этого делать после того, как благополучно ускользнула.

Ускользнула! Она поймала себя на том, что смотрит на свой дом как на эмоциональную тюрьму. С тяжелым вздохом она подняла воротник куртки и пошла на остановку автобуса.

Алекс добралась до колледжа, промокшая до нитки, со слипшимися мокрыми волосами и с побелевшим от холода лицом. С возгласами сочувствия все бросились к ней, когда она вошла в класс. Кто-то принялся вытирать бумажным полотенцем ее волосы, кто-то стащил с нее сапоги и мокрые шерстяные носки.

— Носки! — притворно ужасаясь, вскричал этот кто-то. — Посмотрите, у леди под изящными сапожками — мужские шерстяные носки!

Все вокруг засмеялась, и Алекс тоже, внезапно почувствовав себя легко и свободно. Ее блузка тоже промокла, и Зак, стянув с себя, предложил ей черный шерстяной свитер. Подруги по классу загородили ее от любопытных мужских глаз, и она смогла переодеться.

Ее мокрую одежду положили сушиться на теплую батарею. На Алекс не осталось ничего, кроме белья и длинного свитера Зака, который доходил ей до колен.

К концу занятий ее одежда еще не высохла, и Алекс без всякого удовольствия сменила теплый свитер на влажные блузку и джинсы. Когда Зак предложил отвезти ее домой, вместо того чтобы идти со всеми в паб, она заметила особое выражение его глаз, но все-таки согласилась, упрямо игнорируя тревожные сигналы, звучавшие в ее мозгу.

У Колэма была последняя модель «порше», которая с легкостью мчалась по мокрой и обледенелой дороге.

— М-м, — блаженно промурлыкала Алекс, отогреваясь в тепле машины.

Зак взглянул на нее и улыбнулся. Глаза Алекс были закрыты, довольная улыбка блуждала на ее губах.

— Как, лучше? — спросил он.

— М-м, — снова промурлыкала она. — Жаль, что вы остались без вашей пинты пива.

— Не стоит беспокоиться, — ответил он и мягко добавил: — Мне больше нравится быть с вами.

Алекс открыла глаза и тревожно встрепенулась.

— Поворот налево, — сказала она.

Зак послушно повернул.

— А что думает Дэйв насчет того, что вы каждую среду проводите вечер со мной? — спокойно поинтересовался он.

Алекс пожала плечами.

— Он вдохновлен моими успехами, — сказала она, не желая говорить о Дэйве.

Он ненавидел эти занятия, но именно поэтому Алекс при любом удобном случае старалась подчеркивать свои достижения. Она почти не расставалась с карандашом и блокнотом, напоминая ему о том, кто помог ей возродить любовь к рисованию.

— Вы никогда не рисуете его, почему? — с любопытством спросил Зак. — Вы находите смешные стороны у всех членов вашей семьи, но никогда — у мужа.

— Он не очень подходящий объект, — ответила она. — Поверните направо у следующего перекрестка.

— Дэйв? — насмешливо переспросил Зак. — Мне всегда казалось, что он просто идеальный объект. Беспощадный, не знающий жалости, настоящий дьявол в делах и заурядный семьянин дома. В этом сочетании двух противоположностей нетрудно найти смешное.

Но Алекс не была согласна с этим. Она не видела в Дэйве ничего забавного. В прежние времена она, возможно, охотно нарисовала бы на него шарж. Но не теперь.

— Тогда я, может, рискну когда-нибудь, — небрежно сказала она вслух, зная, что не сделает этого. — Вот здесь, — указала она на свой дом, — где стоит черный «БМВ».

Значит, Дэйв дома. Алекс слегка вздрогнула, на этот раз не от холода.

Машина остановилась. Мотор умолк, и остался только шум дождя, барабанившего по стеклу. Зак повернулся и посмотрел на нее.

— Ну, спасибо, что подвезли, — сказала она, но не пошевелинулась, чтобы выйти из машины.

У нее было такое чувство, словно она попала в ловушку: ее удерживали уютное тепло машины, выражение лица Зака и ее собственное оцепенение под взглядом его потемневших глаз.

— Пожалуйста, — рассеянно проговорил Колэм. Он пытался найти в выражении ее лица нечто другое.

И, видимо, нашел, потому что наклонился к ней и нежно поцеловал в губы. Алекс не ответила, но и не отпрянула. Ее сердце подпрыгнуло и громко забилось в груди, но она не смогла бы сказать определенно, из-за чего — то ли из-за того, что она играла с огнем, то ли потому, что ее на самом деле влекло к Заку.

Не прерывая поцелуя, он коснулся ладонью ее щеки, перебирая длинными, аристократическими пальцами ее волосы. Потом начал нежно поглаживать большим пальцем кожу в уголке ее рта, вынуждая ответить на поцелуй. Но вместо этого она отпрянула прочь, вдруг осознав, что делает что-то не то. Зак не стал удерживать ее и, откинувшись на сиденье, посмотрел на нее ленивым изучающим взглядом.

— Извините, — неуклюже пробормотала Алекс.

— За что?

Она не ответила. У нее было только одно желание — выбраться из машины. Дрожащей рукой она торопливо нащупывала ручку двери.

— Ты хотела, чтобы я поцеловал тебя, Алекс, — мягко сказал Зак. — Что бы ни творилось в твоей душе сейчас, помни, что ты хотела этого так же, как и я.

Ее щеки виновато вспыхнули. Она действительно хотела, чтобы он поцеловал ее, хотела узнать, что она почувствует, когда ее губ коснутся губы другого мужчины, не Дэйва. Но теперь она ужасно разозлилась на себя за то, что позволила всему этому произойти. Зак мог подумать, что в ее жизни есть для него место, а это было совсем не так. Ей нужен был только Дэйв, будь он проклят!

Мысль о том, что муж мог слышать, как они подъехали, пришла ей в голову, когда она побежала по дорожке к дому. Алекс бросила быстрый взгляд на занавешенные окна, но ничего не заметила и с облегчением решила, что он не видел, как Зак поцеловал ее. Он должен был ожидать, что она вернется на автобусе, так что даже если и слышал, как подъехала машина, то вряд ли связал низкий звук мотора «порше» с ее возвращением домой.

Дэйва не было в гостиной. Дверь его кабинета была приоткрыта, и Алекс заглянула внутрь, но его не было и там.

— Ты вернулся раньше, чем я думала, — небрежно заметила она, войдя в кухню.

Дэйв стоял к ней спиной, ожидая, когда закипит чайник. Он выглядел очень привлекательно в джинсах и тонком черном свитере.

— Я отпустил мать домой, — сказал он, оставив без внимания ее замечание. Его рука слегка

дрожала, когда он заливал кипятком пакетик с чаем. — Она заволновалась, когда увидела, что твоя машина здесь, а тебя нигде нет. Тебе стоило предупредить ее, что ты решила не брать свою машину.

— Она никак не заводилась, — объяснила Алекс, — поэтому я поехала на автобусе, не подумав, что Дженни будет беспокоиться. Я извинюсь перед ней завтра...

Дэйв промолчал. Он так ни разу и не взглянул на нее, делая вид, что полностью поглощен приготовлением чая. Внезапно она поняла, что Дейв страшно чем-то разозлен; Это было видно по тому, как напряглись мышцы на его шее, как он передвигался, нарочито избегая смотреть на нее.

Быть может, он видел? У Алекс вырвался нервный смешок.

— Я промокла насквозь! — сказала она, стараясь говорить нормально, но получилось как-то жалобно. Она виновато покраснела. Если бы Дэйв взглянул сейчас на нее, он бы мгновенно понял, что она сделала что-то нехорошее. — Пожалуй, я приму горячую ванну, — нервно проговорила она. Затем запинаясь спросила: — Ты уже ел? Приготовить что-нибудь?

— Нет! — рявкнул он с такой яростью, что Алекс подпрыгнула.

Закусив нижнюю губу, она наблюдала, как он пытался взять себя в руки. Сделав глубокий вдох, от которого содрогнулись плечи, и оторвав взгляд от заварного чайника, Дэйв уставился в плотно зашторенное окно кухни.

— Нет, — повторил он более спокойно. — Я уже ел. Спасибо.

— Тогда я... — Она запнулась, беспомощно глядя ему в спину, и выбежала прочь.

Отрешенным взглядом Алекс следила за тем, как ванна наполнялась водой. Он видел! Она ощутила, как по спине пробежал тревожный холодок. Что это — страх, сознание вины или нервная дрожь по поводу взятого, пусть и не полностью, реванша?

Она легла в постель в нервном ожидании, готовая постоять за себя, когда Дэйв наконец придет в спальню.

Но он так и не пришел.

8

Несколько следующих недель были ужасны. Дэйв превратился в мрачного, необщительного, почти чужого человека. Их ночи были темны и холодны, он даже не пытался прикоснуться к ней. Дети стали капризничать. Александра объясняла это волнением по поводу наступающего Рождества, но в глубине души понимала, что на самом деле виноваты она и Дэйв. Напряженность в их супружеских отношениях сказывалась на детях почти так же плохо, как и на них самих.

Алекс не знала, что делать. Признаться Дэйву во всем, что произошло между ней и Заком, а потом смиренно попросить прощения? Нет, это невозможно. Пусть он не думает, что ее заботят его мысли и чувства, решила она.

В один из дней Алекс почувствовала себя плохо. С тупой головной болью, на подкашивающихся ногах она бестолково бродила по дому. Близнецы, вернувшиеся из школы, как назло, затеяли

шумную игру с беготней по всем комнатам. К вечеру ее голова уже гудела, как от удара кувалдой. Алекс почувствовала огромное облегчение, когда наконец вернулся Дэйв, и она смогла переложить на него все обязанности.

— Почему ты не позвонила мне? — мягко упрекнул он ее, увидев, как она с трудом поднимается по лестнице. — Я бы сразу приехал домой, если бы знал, что тебе плохо!

В ответ Алекс лишь пожала плечами. Ей даже не пришло это в голову. Забравшись под одеяло, она вдруг поняла, что ни разу не звонила ему на работу — ни разу за все годы, что они были женаты. Дэйв довольно часто звонил домой, и это было естественно, но она ему — никогда. И опять ее поразил невидимый барьер между Дэйвом — мужем и отцом и Дэйвом — преуспевающим бизнесменом. Алекс не могла припомнить ни одного раза, когда бы она сама переступила через эту преграду.

Впрочем, кем бы он ни был в данный момент, подумала Александра, устраиваясь поудобнее под одеялом, ему удалось быстро уgomонить детей. Через несколько мгновений она погрузилась в блаженный сон.

Проснувшись, Алекс с некоторым неудовольствием обнаружила, что уже давно утро, и что Дэйв стоит перед ней с кружкой в руке.

— Я подумал, что ты, наверное, хочешь пить... — Он поставил кружку на столик рядом с кроватью и сдержанно поинтересовался: — Как ты себя чувствуешь?

— Лучше, — сказала Алекс и осторожно приподнялась на постели, стараясь не разбередить резкими движениями неприятные ощущения в желудке. Откинув с бледного лица светлые волосы, она дотянулась до кружки. — Спасибо.

Дэйв отошел в сторону, мрачно глядя на нее.

— Я могу взять свободный день, — предложил он, — и побыть дома, если хочешь.

Алекс покачала головой.

— В этом нет необходимости. У меня небольшая слабость, но я справлюсь.

— И все же... — Он помедлил, Потом, поколебавшись, добавил: — Тебе лучше не ходить сегодня на свои занятия при таком самочувствии и по такой погоде...

Чай в кружке был горячим. Алекс рассеянно подула на него.

— Мы собирались провести сегодня рождественскую вечеринку, — сказала она настолько небрежно, насколько могла. — Зак пригласил нас в клуб после занятий. Я не хочу пропускать это.

В ее тоне прозвучал вызов, и боковым зрением она заметила сжавшиеся челюсти Дэйва. Она поняла, что он старался удержаться от резкого замечания, которое, видимо, так и вертелось у него на кончике языка.

— Посмотрим, как ты будешь себя чувствовать, — сказал он наконец и повернулся, чтобы уйти.

Алекс вдруг почувствовала настоятельную необходимость заставить его остаться.

— Мои родители собираются приехать на Рождество, как обычно, — выпалила она, чтобы

задержать его. Увидев, что он остановился в дверях спальни, она продолжила: — Но в этом году у нас будут проблемы... — Дэйв, стоя к ней спиной, ждал, что она скажет дальше. — В прошлом году у нас была свободная спальня, а теперь ее занимает Джеми. Не знаю, как разместить их на две ночи. Не могу даже представить, как отец устроится на стульях в твоём кабинете, а мать скрючится в гостиной.

Алекс хотела, чтобы это прозвучало как шутка. Но когда Дэйв обернулся и посмотрел на нее, она увидела, что он не улыбался. Ее сердце провалилось еще глубже в ту холодную, мрачную пропасть, в которой оно находилось все эти дни:

— Чего же ты хочешь от меня? — резко спросил он. — Я бесчисленное число раз пытался убедить тебя переехать в более просторный дом. Но ты и слышать об этом не желала. Ну, а теперь ты столкнулась с проблемой, и тебе придется решать ее самой, потому что, будь я проклят, если это имеет хоть какое-то отношение ко мне!

Алекс уставилась на него в гневном изумлении, а он повернулся и вышел, хлопнув дверью.

Вечером она отправилась на занятия. Не потому, что ей стало лучше, — нет, она все еще чувствовала себя недостаточно хорошо. И не потому, что хотела пойти, — она не хотела. А потому, что была так сердита на Дэйва, что не могла позволить ему испытать чувство удовлетворения по поводу того, что она осталась дома.

Занятие не доставило ей никакой радости. Ее ум был озабочен тысячью дел, которые остались несделанными дома. Желудок так и не успокоился. Она была бледной, напряженной, усталой. В довершение всего, Зак все время пристально наблюдал за ней.

Сегодня он впервые после той встречи в ресторане увидел ее не в джинсах. Алекс должна была признать, что и он выглядел довольно привлекательно в темном костюме и кремовой рубашке. Сама она надела маленькое черное платье, купленное во время того вояжа по магазинам, когда она отправилась в Лондон создавать свой новый образ. Это было короткое облегающее платье с открытыми плечами, и Алекс уже услышала несколько провокационных комментариев от присутствующих в классе молодых людей.

Но то, как смотрел на нее Зак, вызывало у нее отчетливое чувство неловкости. Его взгляд ясно давал понять, что он помнил о том поцелуе в машине, хотя за последние недели Алекс почти удалось забыть об этом. Изгнать воспоминание о поцелуе было нетрудно, гораздо труднее было избавиться от чувства вины, с ним связанного.

После занятий они пошли в местный ночной клуб, переоборудованный из старого кинотеатра. Они заказали столик в ресторане, расположенном в бельэтаже над бывшим партером, превращенным теперь в танцплощадку. Внизу вспыхивали разноцветные огни, и музыка играла так громко, что почти невозможно было разговаривать. В другое время Алекс, безусловно, предалась бы веселью. Те места, куда стал водить ее Дэйв в последнее время, были более изысканными и спокойными, с негромкой музыкой, отвечающей умеренным вкусам. Но до этого она всегда была готова, распустив волосы, прыгать под забойные ритмы всю ночь напролет.

Сейчас она не могла даже есть из-за неприятных ощущений в желудке, а музыка только усиливала головную боль. Зак придвинул свой стул почти вплотную к ее стулу, явно пытаясь монополизировать ее внимание, и стал что-то негромко рассказывать. Чтобы расслышать его слова, ей пришлось наклониться к нему. И у нее возникло чувство неловкости от близости его тела.

Воспользовавшись этим, Зак начал то и дело слегка дотрагиваться до нее, как бы нечаянно касаясь своими длинными пальцами ее руки, плеча, волос. Алекс охватило чувство раздражения и беспомощности. Она не знала, как выйти из этой ситуации, не привлекая внимания других, и потому обрадовалась, когда Зак неожиданно предложил ей потанцевать.

По крайней мере, те танцы, которые танцуют здесь, не подразумевают физического контакта, решила она и позволила ему свести себя вниз в танцевальный зал. Она недовольно зароптала, когда он решительно обнял ее.

— Нет, Зак, — возразила она, пытаясь отстраниться.

— Что за глупости, Алекс, — проговорил он. — Это всего лишь танец.

Это не был просто танец, и Зак знал это. После нескольких недель относительной сдержанности он перешел в решительное наступление. И если она сейчас не остановит его, это действительно будет предательством по отношению к Дэйву.

— Нет, — твердо повторила она, оттолкнув его руки, и пошла прочь.

Ей вообще не нужно было приходить после того поцелуя в машине. Еще на его первой лекции, когда их взгляды встретились, она поняла, что ей не следует иметь дело с Заком.

Он хотел ее, но она его — нет.

Ей нужен был Дэйв. Только Дэйв. Она так остро ощутила это, что едва не разрыдалась.

Направившись в фойе, она почувствовала, что Зак пошел за ней, но не стала оборачиваться, а прошла к ряду телефонов-автоматов и начала обзванивать конторы по заказу такси, номера которых были нацарапаны рядом с телефонными аппаратами.

Безрезультатно. Свободных машин не было. Уже началась предрождественская суматоха, и все машины были заказаны заранее. В полном отчаянии Алекс позвонила домой.

— Это я, — хрипло сказала она, услышав в трубке глубокий голос Дэйва.

Наступила долгая пауза, во время которой она отчетливо слышала его дыхание.

— В чем дело? — спросил он наконец.

— Я не могу добраться домой, — призналась она. — Пыталась вызвать такси, но все машины заняты... Что мне делать?

Вот так. Как будто она стала прежней Алекс. Тогда она с любой проблемой обращалась к Дэйву. Он знал, что делать, во всем мог разобраться. А ей оставалось только стоять и ждать решения от мужчины, который никогда не подводил ее. Во всяком случае, в таком смысле.

Снова последовало молчание, и Алекс наклонила голову, прижимая к уху темно-серую пластмассовую трубку, как будто таким способом она могла приблизиться к Дэйву.

— Разве твой Ромео не может привезти тебя? — насмешливо спросил он наконец.

— Он вовсе не мой Ромео! И потом, я... — Она хотела добавить, что вообще не хочет иметь дело с Заком, но передумала, не желая доставлять Дэйву такого удовольствия. — Я не могу отрывать его от компании так рано только потому, что мне пора домой. Может быть, ты приедешь за

мною, Дэйв? — почти взмолилась она.

— А как же дети? — язвительно отреагировал он. — Я что — должен оставить их одних?

— О-о.

Какая она идиотка! Она даже не подумала об этом.

— Сейчас очень кстати была бы няня, не так ли? — поддразнил он.

— Хорошо, я попрошу Зака привезти меня, — нанесла она ответный удар.

Вопрос о няне был давним предметом трений между ними. Дэйв хотел иметь просторный дом, прислугу, няню для присмотра за детьми. А Алекс казалось, что тогда она будет просто лишней в их жизни.

— Я позвоню своей матери, она приедет и посидит с детьми, пока я езжу за тобой. — Дэйв, как моряк, умело сменил галс. Его голос звучал предостерегающе, как потрескивание хвоста гремучей змеи. — Думаю, мне придется поднять ее с постели. Вряд ли ей это понравится, но я сделаю это...

— О нет, — с вызовом процедила она. — Я не хочу причинять тебе столько неудобств. Зак справится с этим гораздо лучше! — закончила она и повесила трубку прежде, чем Дэйв смог что-либо сказать в ответ.

— Безуспешно?

Алекс обернулась и увидела Зака, который стоял, опершись о стену, не более чем в трех футах от нее. Он с любопытством всматривался в ее пылающее от гнева лицо. Интересно, что он понял из ее разговора с Дэйвом? Впрочем, в данный момент ей было все равно.

— Да, — признала она. — Придется позвонить снова и сделать заказ на ближайшее свободное такси и... смириться с необходимостью долгого ожидания.

— Я отвезу тебя, — предложил Зак.

Алекс с сомнением уставилась на него. Ей не очень-то хотелось находиться еще полчаса в его компании. Однако перспектива ожидания такси в течение часа или более, как ей сказали по телефону, была тоже не слишком привлекательной. Зак принял решение за нее.

— Пойдем, — спокойно сказал он, взяв ее за руку.

Зеленые глаза Зака насмехались над ее дурацкой нерешительностью. И, чувствуя страшную усталость, измученная эмоциональной борьбой, которую она, видимо, была обречена вести со всеми, включая саму себя, Алекс сдалась.

Они вышли наружу, чтобы, преодолев колючий декабрьский ветер, забраться внутрь ярко-красного «порше». Вырулив со стоянки, они выехали на шоссе. Алекс сидела, закутавшись в пальто, и безучастно смотрела на дорогу.

— Почему ты терпишь этого себялюбивого ублюдка? — вдруг спросил Зак.

— Разве не все мужчины таковы? — язвительно возразила она.

— Не в такой степени, как Дэйв, — пробормотал он. — Мне все еще трудно поверить, что он женат на такой женщине, как ты. — Зак бросил на Алекс быстрый взгляд. — Знаешь, Линда Марсден больше ему подходит.

Это был безжалостный удар, который попал прямо в цель. Алекс сжалась и побледнела. Она не могла ничего сказать в ответ. Возможно, Линда Марсден больше подходила Дэйву, но она никогда не видела и не хотела видеть эту женщину. Линда Марсден была безликим призраком, который посещал ее по ночам. Этого было более чем достаточно.

У Алекс перехватило дыхание.

— Вы видели ту сцену в ресторане с Аmandой?

— Половина зала видела все это, милая моя, — протяжно произнес Зак. — Все были просто ошеломлены. У Дэйва Мастерсона, — он сдержанно усмехнулся, — этого вундеркинда среди деловых магнатов нового поколения, оказывается, есть жена и трое детей, которых он так заботливо прятал, что о них никто и не знал. Готов спорить, что, когда эта новость распространилась, она сразила Линду наповал. Ты знаешь, она была бы не прочь выйти за него замуж. Дэйв был бы идеальной парой для такого подающего надежды юриста, как она.

Значит, Линда юрист, а вовсе не секретарша Дэйва, как она думала. Эта новость шокировала Алекс. Что ж, состязайся с ней, если сможешь, горько усмехнулась она. Одно дело — думать, что ты борешься с обыкновенной секретаршей, и совсем другое — с энергичной женщиной-юристом.

Как будто угадывая ее мысли, Зак с любопытством спросил:

— Если вы женаты семь лет, значит, ты подцепила его до того, как он совершил свой стремительный прыжок наверх. Как это тебе удалось, Алекс? Ты была подружкой его беззаботной юности?

Это было невыносимо. Последние слова Зака пронзили ее насквозь. Он сказал то, во что она уже начала верить сама.

— Вам лучше замолчать и остановить машину, чтобы я могла выйти, пока вы не сказали чего-нибудь такого, что я действительно сочту за оскорбление, — отрезала она.

К ее ужасу, именно это он и сделал — съехал на обочину и резко затормозил. Затем рассерженно обернулся к ней.

— Я уже оскорблен, — сказал он, — тем, как ты играла со мной все это время. Боже мой! У меня ведь с самого начала не было никаких шансов, так?

— Так, — честно призналась она.

— Тогда какого черта ты не остановила меня, пока мы не зашли так далеко?

— Так далеко? Что значит — далеко? — переспросила Алекс, повернувшись к нему с удивленно-насмешливым видом. — Между нами не было ничего, кроме неловкого поцелуя ненастным вечером!

— Между нами было гораздо больше, Алекс, и ты знаешь это, — отверг он насмешку. — Но для тебя это было просто развлечение, ведь так? Ты увидела, что я увлечен тобой, и решила

поиграть со мной немного. Зачем? — с горечью спросил он. — Это льстило твоему уязвленному самолюбию? Или до тебя наконец дошло, что твой муж получал больше удовольствия в постели своего юрисконсульта, чем в постели своей жены?

Алекс побледнела и с размаху ударила его по щеке. Затем схватилась одной рукой за дверную ручку, другой — судорожно попыталась отстегнуть ремень безопасности, чтобы выйти из машины. Но Зак вцепился в ее руку.

— Ну, нет, — пробормотал он, — ты так легко не отделаешься.

Рывком он притянул ее к себе и впился ртом в ее губы. Это было насилие, грубое насилие над ее беспомощным ртом. Она задыхалась, чувствуя стыд и отвращение. Наконец он отпустил ее. Она выскочила из машины и захлопнула дверь перед его разгневанным лицом.

Зак не бросился за ней. Он завел мотор, и «порше» с визгом рванул с места, а она осталась стоять на колючем зимнем ветру, глядя вслед, пока красные сигнальные огни не скрылись из виду.

Алекс провела рукой по губам, и лицо ее скривилось, когда она обнаружила основательную припухлость: Зак поранил ей губу. Будь он проклят! Ах, если бы можно было вернуться в тот старый сказочный мир, в котором она жила раньше, где не случалось никаких гадостей! Будь проклята Мэнди, которая разбудила ее от этого сна! Будь проклят Дэйв со своей неверностью! Будь проклята Линда! Но прежде всех — будь проклята она сама!

По счастью, до дома было не очень далеко, но к тому моменту, когда Алекс прихрамывая добралась туда, ее ноги совершенно окоченели, и она сбросила ненавистные туфли на высоких каблуках у порога, едва закрыв за собой дверь. После обжигающего ночного холода на улице, внутри оказалось особенно тепло.

Час ночи, с неудовольствием отметила она, поднимаясь по лестнице. Она чувствовала себя совершенно разбитой. Отвратительная сцена с Заком снова и снова прокручивалась в ее сознании.

Алекс не стала интересоваться, где Дэйв. Хоть в аду — ей все равно. Она была не в силах вынести еще один скандал. Видимо, Дэйв тоже решил, что разговора по телефону вполне достаточно, раз не встретил ее с воплями у порога.

Но она ошиблась, думая, что Дэйв собирался полностью проигнорировать ее возвращение. Она успела лишь стянуть с себя платье и надеть халат, когда он вошел в спальню, пренебрежительно держа ее туфли кончиками пальцев.

— Ты забыла это.

Он бросил туфли у двери.

— Я не забыла их, — огрызнулась Алекс, — а просто оставила там, где сняла.

Она сидела на краю кровати, наклонив голову так, что пышное облако волос закрывало ее лицо, и массировала онемевшие пальцы ног.

— Он не довез тебя до дома, — насмешливо констатировал Дэйв.

Он что, подглядывал сквозь щели в оконных занавесках? — с горечью подумала Алекс.

— Может быть, он вообще не вез меня, — произнесла она в ответ.

— Тебе бы не хватило времени, чтобы пройти весь путь пешком, — заметил он.

Я прошла достаточно, сердито подумала она, поглаживая ноющие ступни.

— Любовная ссора? — В его голосе появились угрожающие нотки.

— Что-то вроде этого, пожала плечами Алекс, поднялась с кровати и направилась в ванную. Но не успела она сделать и двух шагов, как Дэйв схватил ее за плечи и повернул лицом к себе. Он был не просто рассержен, заметила она с некоторым беспокойством, он был в ярости.

— И из-за чего же произошла эта ссора? — требовательно спросил он. — Ты не поехала к нему домой? Так? В чем было дело, Алекс, ты была не в настроении?

Ее глаза вспыхнули в ответ. То горькое разочарование в мужчинах вообще, которое она испытала сегодня, пробудило в ней мстительное чувство.

— А почему ты так уверен, что я не провела у него весь вечер? — с издевкой спросила она. — Я могла позвонить тебе и оттуда. Откуда тебе знать, где я была?

Дэйв побледнел, его пальцы с силой сжали руки Алекс выше локтя, в то время как он сурово вглядывался в ее лицо в поисках подтверждения ее слов.

— Твоя губа, — зарычал он. — Он оставил синяк на твоей губе!

— А ты оставляешь синяки на моих руках! — крикнула Алекс. — Отпусти меня!

Она попыталась вырваться, но он только усилил хватку, пока она не сморщилась от боли.

— Как ты могла? — прохрипел он. — Как ты могла сделать это, Алекс? Как ты могла?

Котел с их давно сдерживаемыми эмоциями начал закипать, угрожая взрывом.

— Вот что я скажу тебе, Дэйв, — вспыхнула она. — Давай обменяемся сведениями, которые так тебя интересуют! Ты расскажешь мне о Линде, а я расскажу тебе о Заке!

— Ради бога, прекрати!

Он закрыл глаза, скривившись как от боли. Почувствовав, что ее глаза стали наполняться слезами, Алекс в бессилии принялась колотить мужа сжатыми кулаками, пока он не отпустил ее. Во второй раз за эту ночь она ударила мужчину.

— Ты мне противен, — прошептала она и бросилась в ванную.

Дрожащими пальцами она закрыла дверь на задвижку, которой обычно не пользовалась.

Когда, немного успокоившись, она вышла из ванной, то увидела Дэйва, который сидел на кровати, уронив голову на руки. У Алекс защемило сердце. Ей было нестерпимо тяжело увидеть мужа таким. Все, что происходило в последнее время, причиняло только боль. Она не могла вспомнить, когда в последний раз смеялась в этом доме.

— Я хочу лечь, — сказала она, решительно отменяя чувство жалости, которое вызвала в ней его унылая поза.

Он не шевельнулся. С минуту она стояла в нерешительности, не зная, то ли снова ударить его, то ли подойти и обнять. Он так страдал, а она любила его больше всех на свете — независимо от того, что он говорил и что делал! Внезапно что-то надломилось у нее внутри, и со стоном, похожим на сдержанное рыдание, она упала перед ним на колени и, ухватившись руками за его запястья, отвела его ладони от лица.

— Ты действительно хочешь знать, что случилось сегодня? — резко спросила она. — Он стал приставать ко мне, я его оттолкнула, а он в отместку начал поддразнивать меня насчет Линды!

Глаза Алекс излучали обиду. Дейв опустил веки, будто желая защититься.

— Линда, — низким голосом повторила Алекс, передразнивая Зака, — видный юрист, женщина, которая гораздо больше подходит для Дэйва Мастерсона, чем жалкая маленькая Алекс!

— Это неправда, — с трудом выдавил он.

— Нет? — переспросила она, едва сдерживая слезы. — Я... я думаю, это правда. Мы отделились друг от друга, мы разошлись, Дэйв! Ты идешь своим путем, а я стою на месте. И Линда Марсден, которая принадлежит твоему миру, подходит теперь тебе гораздо больше!

К ее удивлению, он расхохотался, отрицательно мотая головой, как будто не веря, что она в самом деле могла сказать такое.

— С чего ты это взяла? — серьезно спросил он, успокоившись. — Я что, горю желанием бросить тебя? Может, мои чемоданы уже упакованы и стоят у дверей? Если я такая сволочь, то почему ты думаешь, что я не в состоянии уйти, если хочу?

Алекс вдруг обнаружила, что это Дейв держал ее за запястья, а не наоборот.

— Линда, — пробормотала Алекс, — она...

— Черт с ней, с этой Линдой, — нарочито резко оборвал ее Дэйв. — Речь идет вовсе не о ней. Речь о тебе и обо мне, можем ли мы еще выносить друг друга.

— Это просто твоя нечистая совесть, — вздохнула она. — Ты не уходишь, потому что чувствуешь себя виноватым!

— Какая-то совесть у меня, конечно, есть, — согласился Дэйв, — но не стоит приписывать мне незаслуженные качества, — предостерег он. — Я не стал бы делать из себя мученика, Алекс. Если бы я считал, что наш брак — это потеря времени, то давно бы ушел. Можешь быть уверена. Сейчас браки распадаются сплошь и рядом. Нет, я остаюсь с тобой совсем по другой причине.

Он притянул ее к себе и крепко поцеловал.

— Я хочу тебя, — пробормотал Дэйв, — я не могу насытиться тобой! Даже семь лет спустя меня бросает в жар от одного взгляда на тебя! Боже мой! Я не могу отказаться от тебя, хотя чувствую, что тебе со мной плохо. — Он потрянул головой. — Но все это не объясняет, почему ты не бросила меня, — хмуро продолжил он. — Почему терпишь меня, когда я так тебя обидел, разрушил твою веру, сделал тебя несчастной? Почему? — Он сжал ее руки. — Почему ты не прогнала меня?

— Я...

Нет. Алекс качнула головой, отказываясь отвечать, потому что ответ стал бы новым, унижением для ее и без того измученной души.

— Хочешь ли ты покончить с этим? Хочешь, чтобы я ушел из твоей жизни?

Она вздрогнула.

— Нет, — прошептала она, чувствуя, что готова разрыдаться.

— Почему нет? — безжалостно допытывался он. — Как ты можешь выносить то, что я живу в одном доме с тобой, сплю в одной постели, дотрагиваюсь до тебя, обнимаю тебя? Как ты терпишь все это, Алекс?

Потому что я люблю тебя, мерзкий ублюдок! Она беспомощно всхлипнула.

Дэйв глубоко вздохнул и разжал пальцы, сжимающие ее запястья. В следующую секунду его руки обвилились вокруг нее, и он откинулся назад, увлекая ее за собой, прижимая к себе так крепко, что она едва могла дышать.

— Тебе все еще кажется, что мы отделились? — спросил он.

— Нет, — пробормотала она.

— Тогда не говори мне об этом больше, — хрипло сказал он и, не давая ей опомниться, стал целовать ее горячо и страстно, пока она не начала томно погружаться в теплую негу его ласк.

— И как это ты позволяешь этому подонку прикасаться к тебе, Алекс? — Грубый вопрос заставил ее очнуться.

Синие глаза широко распахнулись и недоуменно уставились в пытливые серые, отказываясь поверить в реальность вопроса. Но вопрос действительно прозвучал.

— Как, Алекс? — продолжал настаивать Дэйв, не услышав ответа. — Я хочу знать, мне нужно знать это! Боже, — выдохнул он. — Я должен знать!

Алекс еще мгновение смотрела на него, затем процедила сквозь зубы.

— Иди к черту.

Он готов был идти к черту, в ад, куда угодно — поняла она позже, — но только вместе с ней. С неудержимой страстью он рывком распахнул на ней халат, затем освободился от той одежды, что была на нем, и набросился на нее с такой яростью, что она почти не могла вздохнуть, пока все не кончилось.

Потом она перекатилась на свою половину кровати, а Дэйв отправился в ванную. Он был там так долго, что к тому времени, когда он вышел, Алекс уже успела свернуться калачиком под одеялом и заснуть.

Вечером следующего дня, когда она, покормив детей, как раз закончила убирать со стола, раздался телефонный звонок. Она вышла в холл и сняла трубку, раздражаясь из-за слишком большой громкости телевизора, который включили дети.

— Александра Мастерсон, — рассеянно сказала она, до предела натягивая телефонный провод в попытке дотянуться до двери гостиной и закрыть ее.

После небольшой паузы невозмутимый женский голос попросил к телефону Дэйва.

— Его еще нет, — ответила Алекс. — Передать ему что-нибудь или попросить позвонить вам, когда он вернется?

Вновь наступила пауза. Александра нетерпеливо взглянула на часы. На кухне поджаривалась на гриле пара бифштексов, если эта женщина не спешит...

— Это Линда Марсден, — объяснил голос, и Алекс застыла на месте.

9

Алекс все еще не могла оторвать глаз от телефонной трубки, которую только что осторожно положила на место, когда в дом вошел Дэйв. Увидев ее, он остановился у дверей. Ему хватило беглого взгляда, чтобы понять, что она в шоке.

— Что случилось? — резко спросил он.

— Только что звонила Линда, — безучастно сказала она. — Она хочет, чтобы ты перезвонил ей.

Не моргая, она смотрела перед собой, охваченная странным ощущением, что сейчас или потеряет сознание, или вообще рассыплется на части.

Лицо Дэйва залилось краской. Его дыхание стало прерывистым, ноздри раздулись, как у дикого животного, готового к бою. Алекс еще не видела его таким. Он бросил на пол свой кейс и, направившись к застывшей в оцепенении Алекс, отодвинул ее в сторону и прошел к себе в кабинет. А она все стояла, пытаясь понять, что произошло. Неужели упоминание о Линде могло привести Дэйва в подобное состояние? Такое состояние, что он просто взял и сдвинул жену в сторону, как физическое препятствие, как бревно, оказавшееся у него на пути. Усилием воли она подавила подступившее к горлу рыдание. Линда позвонила — и Дэйв, как одержимый, помчался на ее зов!

Алекс с детьми была в гостиной, когда туда вошел Дэйв. Он выглядел спокойным, но остатки возбуждения все еще были заметны в его глазах. Кейт подбежала к отцу, чтобы, по обыкновению, обнять его, но он лишь символически погладил ее по золотистой головке. Сэм в знак приветствия помахал ногой — он лежал, растянувшись на ковре перед телевизором, полностью поглощенный старым черно-белым фильмом. Полусонный Джеми, уютно устроившийся на руках у Алекс, милостиво посмотрел на отца и снова прижался к матери.

Дэйв, глядя только на жену, сказал:

— Извини. Она не должна была звонить сюда.

— Это не имеет значения.

— Разумеется, имеет, черт возьми! — рявкнул он, и дети дружно обернулись, в изумлении уставившись на него.

Дэйв нервно провел рукой по волосам, пытаясь взять себя в руки.

— Сэмми, Кейт. Поиграйте немного с Джеми. Мне надо поговорить с мамой.

Не дожидаясь возражений, он взял недовольного Джеми из рук Алекс, посадил на ковер рядом с Сэмом и придвинул к нему разбросанные вокруг игрушки. Затем он улыбнулся всем троим,

что, как поняла Алекс, было попыткой успокоить детей, поскольку они смотрели на него в полном замешательстве. После этого он схватил Алекс за руку, заставив ее подняться на ноги, и потащил следом за собой в кабинет, отпустив только тогда, когда за ними закрылась дверь.

— Я предупреждал ее, чтобы она никогда не звонила сюда, — сказал Дэйв. — Я говорил ей, что в случае срочной необходимости она должна попросить уборщицу сделать это! Но никогда не звонить самой!

— Как я сказала, это не имеет значения.

— Имеет! — в ярости взорвался он. — Она только что расстроила тебя, а я стремился избежать этого.

— Тогда ты должен был... — Алекс замолчала, не позволив обвиняющим словам сорваться с губ. Дернув плечом, она повернулась к его письменному столу с разбросанными на нем бумагами, ощутив неожиданную потребность навести порядок. — Как получилось, что она все еще работает на тебя? — спросила она. — Если ты говоришь, что все кончено.

— Она не работает на меня. Она работает в юридической фирме, услугами которой я пользуюсь, — объяснил Дэйв. — Я еще несколько недель назад передал свои дела одному из ее коллег.

Алекс отказывалась верить, все еще помня выражение, появившееся на его лице, когда она сообщила ему о звонке Линды, и то, как он отодвинул ее, спеша к телефону.

— Тогда зачем она звонила сюда?

Дэйв сделал короткий вдох. Алекс была уверена, что он все еще боролся с теми чувствами, которые всколыхнулись в нем из-за звонка Линды.

— Так случилось, что она оставалась одна в офисе, когда пришло срочное сообщение, — объяснил он. — Оно было важным, поэтому возникла необходимость как можно скорее передать его мне. А она единственная, кто мог это сделать!

— О-о. — Это было все, что смогла выговорить Алекс. Затем тоном, решительно закрывавшим эту тему, добавила: — Позаботься, чтобы она больше не звонила сюда.

Неловкое молчание, наступившее вслед за этим, подсказало ей, что это еще не все. Она оказалась права.

— Дело в том, — осторожно начал Дейв, — что я должен уйти, причем немедленно. Возникли юридические проблемы с этим делом в Хаддерсфилде, и я должен вернуться в офис и лично во всем разобраться.

Харви, Хаддерсфилд — какая разница?

— Разумеется, — согласилась она с таким выражением лица, как будто ее ударили. — Мне нужно укладывать детей спать.

Она протиснулась мимо него и направилась к двери. Но Дэйв остановил ее.

— Нет, — сказал он, удерживая ее за руку и глядя на нее спокойными, холодными, честными глазами. — Я должен объяснить. Я собираюсь в свой офис, Алекс. Не в офис Линды. Она уже

переслала с курьером всю необходимую информацию для меня в мой офис, — подчеркнул он. — Я не увижусь с ней. Между нами будет целый Лондон, ты понимаешь это?

Понимала ли она? Да, она понимала. Дэйв требовал, чтобы она поверила его слову. Он настаивал на доверии, которого она не чувствовала и, может быть, никогда не почувствует.

— Мне надо к Джеми, — проговорила она, вырвав руку, и вышла из комнаты.

Это было в пятницу. В понедельник Дэйв собирался в Хаддерсфилд, чтобы связать развязавшиеся концы этого дела до рождественских каникул. И после ужасного, подчеркнуто холодно-вежливого уикэнда Алекс почувствовала облегчение, когда он наконец уехал.

Но перед этим была ночь. И во время очередной попытки достичь взаимного удовлетворения в страстном порыве, Дэйв нарушил один из ее строжайших запретов — он заговорил с ней. Стал просить прощения. Алекс громко запротестовала, даже не вдумываясь в смысл того, что он пытался сказать. Он замолчал, но в его движениях появилось какое-то отчаяние, граничащее с мукой. Потом он лежал, отвернувшись, уткнувшись лицом в подушку. И у Алекса возникло непреодолимое желание утешить его. Но мысль, что это будет слишком большой для него уступкой, остановила ее.

Поймав себя на том, что она уже перестала понимать, что на самом деле явилось причиной разлада их отношений, Алекс напомнила себе: Линда.

Но даже это имя уже не ранило ее чувства так глубоко, как прежде.

Все следующие дни Алекс была охвачена суматохой последних приготовлений к Рождеству. Она торопилась закончить переустройство спален и упрямо не обращала внимания на свое не очень хорошее самочувствие. Вечером накануне возвращения Дэйва она почувствовала такую слабость, что была почти готова бросить все и лечь в постель.

Она была с детьми в гостиной, пытаясь установить огромную елку, которую только что привезли, когда открылась дверь и вошел Дэйв. Сочувственная улыбка смягчила резкие складки на его лице, когда он увидел их всех в противоборстве с колючими ветками непокорного дерева.

— Вижу, что здесь еще остались кое-какие дела и для меня, — пошутил он.

Дети, оставив Алекса одну у елки, бросились к отцу, и он с воплем притворного ужаса повалился на ковер. Близнецы с хохотом и криками упали на него сверху, а третьему члену их маленького трио пришлось добираться ползком, чтобы принять участие в веселой свалке.

Алекс наблюдала за ними с глупой улыбкой на лице, не обращая внимания на колючие иголки, впившиеся в ладони. И внезапно на нее нахлынуло озарение. Она отчетливо поняла, ради чего стоило сохранять свою жизнь такой, какая она есть, — ради семьи. Простое, но в то же время запутанное переплетение нитей любви, которые протянулись от одного к другому, от другого к третьему и соединили всех их вместе так прочно, что, даже когда одна нить рвалась, они все равно оставались вместе в одной семье, потому что были крепко связаны.

И Дэйв сейчас был прежним. Он наслаждался этой шуточной борьбой с детьми, а они щекотали его, заставляя просить пощады. Джеми уселся на него сверху и принялся колотить его ручонками в грудь.

— Сдаюсь! Сдаюсь! — закричал Дэйв, когда Сэм прижал к коврику его руки, так что Кейт могла

беспрепятственно щекотать отца. Хитрецы знали, что он ничего не сможет сделать, пока Джеми у него на животе. — Помоги мне, Алекс! — взмолился он. — На помощь!

Алекс отпустила елку, тревожно понаблюдав за ней несколько мгновений, желая увериться в том, что дерево не упадет на них сверху, потом подошла и подняла Джеми. Взяв его под мышку, она немного поддразнила Кейт ее же средствами, предоставив Дэйву разбираться с Сэмом. Дэйв моментально вскочил на ноги, и, схватив Сэма в охапку, начал покрывать звонкими поцелуями его скривившееся лицо.

Сэмми извивался, как угорь, протестуя и наслаждаясь одновременно. Не так много способов дать шестилетним мальчикам то необходимое количество ласки, поцелуев и объятий, в которых они нуждались, хотя и не признавались в этом. Дэйв сейчас избрал лучший путь, превратив это в игру. И к тому времени, когда он отпустил сына, тот сиял от счастья, пытаясь изобразить высшую степень отвращения. Затем он залиvisto засмеялся, когда Дэйв погнался за визжащей Кейт. Ее было легко поймать, трудно убежать и уворачиваться, когда на самом деле хочешь, чтобы тебя схватили и обняли эти сильные руки.

Джеми наблюдал за всем этим с радостным оживлением на лице. Алекс прижимала его к себе, чувствуя уютное тепло маленького тельца, и откровенно желала, чтобы настала и ее очередь получить немножечко счастья.

Наверное, Дэйв подумал о том же, потому что поставил Кейт на ноги и устремил свой взгляд на Алекс. Внезапно почувствовав смущение, она протянула ему Джеми и опустила глаза. Поняв намек, Дэйв снова опустился на пол и принялся щекотать младшего сына, который смеялся в ответ заразительным младенческим смехом.

В этот момент елка угрожающе заскрипела. Алекс вовремя бросилась в гущу колючих ветвей и схватилась за ствол, с трудом удерживая тяжелое дерево. Другая рука, более сильная, пришла ей на помощь: Дейв молниеносно вскочил с пола и, протянув руку, принял вес дерева на себя. Легким толчком он вернул елку в прежнее положение. Крепкие, но нежные руки помогли Алекс выбраться из колючих ветвей.

— Ты оцарапала щеку, — хрипло сказал Дейв и, наклонившись, коснулся губами крошечной царапины в уголке ее рта. Он провел по чувствительному месту кончиком языка, и Алекс внутренне затрепетала.

— Здравствуй, — нежно сказал он.

— Здравствуй, — ответила она, смущенно глядя ему в глаза.

Дэйв снова наклонился к ней с поцелуем, более долгим, гораздо более интимным, чем в первый раз. От него исходило тепло и какая-то живительная сила. Алекс закрыла глаза и позволила себе забыться в простой радости объятия.

Раздался звонок в дверь, и они неохотно оторвались друг от друга. Близнецы с визгом бросились в прихожую, чтобы впустить мать Дэйва: ее ожидали к этому времени.

— Бабушка поведет их на рождественскую службу, — слегка задыхаясь, объяснила Алекс.

— Да? — рассеянно откликнулся Дэйв, скользя затуманенным взглядом по ее зардевавшемуся лицу. — Замечательно, — пробормотал он и снова поцеловал ее, томно и нежно, не отрываясь от ее губ даже тогда, когда Дженни Мастерсон вошла в комнату и, увидев их, остановилась в дверях.

Алекс не услышала, как вошла свекровь. Любовь, которая, как она думала, ушла навсегда, вновь наполнила чудесным теплом каждую клеточку ее тела. С легким вздохом, похожим на нежное дуновение бриза, она скользнула ладонями вверх, и ее пальцы погрузились в шелк темных волос мужа.

Наконец, едва дыша, они отстранились друг от друга. Дэйв повернулся и посмотрел на мать. Дженни Мастерсон стояла и улыбалась, глядя на них, в ее глазах сияла надежда.

Пока Дэйв укреплял елку, Алекс помогала детям одеться. Только сейчас вспомнив о тех перестановках, которые она сделала наверху, пока муж был в отъезде, Алекс прикусила нижнюю губу, обдумывая, как бы сообщить ему об этом. И малодушно отложила объяснения до того момента, когда у нее уже не будет выбора.

Они вместе вышли проводить детей и бабушку. Дэйв по-хозяйски обнимал Алекс за талию. Они помахали рукой Дженни, которая толкала перед собой прогулочную коляску с тепло укутанным Джеми, и близнецам, которые, без умолку тараторя, вприпрыжку бежали следом.

Дэйв закрыл дверь. Тишина в доме показалась странной после шума, наполнявшего его всего минуту назад.

— Пойдем со мной, я переоденусь, — предложил Дейв, взяв ее за руку.

Алекс кротко согласилась. Держась за руки, они поднялись в спальню. Дэйв удовлетворенно вздохнул и, выпустив ее руку, начал растягивать узел галстука. Алекс смотрела на него, стоя у дверей и нервно сжимая пальцы.

— Э-э... — попыталась она привлечь его внимание.

Он, видимо, не услышал и направился прямо в ванную. Через мгновение он вылетел оттуда, раздраженно глядя на нее:

— Что за черт?

— Мне нужно было разместить где-то моих родителей! — защищаясь, выпалила она. — Это единственно возможное решение!

Ванная сияла чистотой. Все личные принадлежности ее и Дэйва были убраны оттуда. Алекс также освободила один из своих шкафов в спальне, перевесив одежду в шкаф Дэйва. Теперь его шкаф был набит очень плотно, и она со вздохом подумала, что все вещи придется заново гладить, прежде чем их можно будет снова надеть.

— А где, — проскрежетал Дэйв, — мы будем с тобой спать?

Алекс махнула рукой в сторону других спален.

— Все устроилось вполне хорошо, — торопливо принялась объяснять она. — Я заказала две новые кровати, и их уже доставили. Одна — в комнату Сэма, другая — в комнату Кейт. Твоя мама может спать в комнате Кейт. — Мать Дэйва всегда ночевала у них на Рождество, она любила присутствовать при том, как дети распаковывают рождественские подарки. — Я буду спать в комнате Джеми, а ты — в комнате Сэма. Это всего на две ночи, Дэйв! — Она пыталась обратиться к его разуму, чувствуя, что он готов взорваться. — Ты знаешь, что мы не можем поместить близнецов вместе, они тогда вообще не уснут! Дети очень возбуждаются от этого.

— Проклятье! — все-таки взорвался он. — В чем дело, Алекс? Почему я, черт возьми, должен уступать свою кровать твоим родителям? Почему они не могут спать в других комнатах? Или ты сделала это, чтобы еще раз уколоть меня? Если так, то я тебя предупреждаю: с меня достаточно!

Алекс расвирипела от такой несправедливости.

— С каких это пор мои родители стали для тебя обузой? Ты видишь их раз в год! Прояви к ним уважение, ради бога! Им предстоит завтра долгий путь, они не будут нигде останавливаться по дороге. И потом, они уже в солидном возрасте. Они не будут чувствовать себя удобно, если им придется спать в комнатах близнецов!

— Не могу поверить, что ты действительно сделала это! — отрезал Дэйв, слишком разъяренный для того, чтобы вслушиваться в то, что она говорила. — Я возвращаюсь домой после кошмарной недели в Хаддерсфилде, — воскликнул он с таким пафосом, как будто Хаддерсфилд был на краю света, — в предвкушении мирного Рождества в своем собственном доме! И узнаю, что вышвырнут из своей спальни мстительной женой, которая находит любые способы, чтобы... — Он остановился и сердито взъерошил волосы. Потом продолжил, сменив курс: — Все это не было бы так ужасно, если бы этот чертов дом был достаточно велик. Но из-за того, что ты отказываешься переезжать, я должен жертвовать своими удобствами! Чертов миллионер живет в убогом домишке с тремя надоедливыми отпрысками и женой, которая...

Внезапно он замолчал и посмотрел на побледневшую Алекс.

— Проклятье, — вздохнул он. — Проклятье, проклятье, проклятье...

— П-почему бы тебе не поехать к Линде, в таком случае? — предложила она с дрожью в голосе. — М-может быть, там тебе будет лучше!

Повернувшись, она выбежала из комнаты, не желая слушать, что еще он может сказать. Он считает ее мстительной! Он считает их дом убогим! А его дети — эти милые малыши, которые так его любят, оказывается, его раздражают.

Алекс бросилась на кухню и с грохотом принялась мыть тарелки. Она могла бы загрузить их в посудомоечную машину, но не стала делать этого: ей надо было дать выход эмоциям.

Руки Дэйва протянулись с двух сторон, поймав ее в ловушку у кухонной раковины, теплые губы коснулись ее затылка.

— Прости, — проговорил он. — Я вовсе не имел в виду того, что сказал.

Она фыркнула, продолжая яростно тереть тарелку.

— Тогда почему ты это сказал?

— Потому что... — Он не закончил фразу, предпочитая прильнуть губами к ее шее.

— Потому — что? — Она выгнула плечо, чтобы как-то остановить его.

— Потому что я был разочарован, — заявил он. — Потому что всю неделю я не мог ни о чем думать, кроме как об этой чертовой кровати, с тобой в ней. Потому что я забыл об этих проблемах с твоими родителями. Потому что, — он тяжело вздохнул, — я не хочу спать в комнате Сэма. Я хочу спать с тобой. Я хочу проснуться рождественским утром и увидеть на

подушке рядом со мной твоё лицо. Потому что... Есть ещё тысяча этих проклятых «потому что». Но в конце концов они сложились в одно. Я вышел из себя, потому что ты отняла у меня единственное место, где я чувствовал близость к тебе. Мне нужна эта кровать, Алекс.

С неожиданным рыданием она уронила тарелку обратно в раковину и, повернувшись, спрятала лицо на его груди так же, как когда-то, когда искала — и всегда находила — утешение.

— О, Дэйв, — прошептала она, давая выход слезам, — я так несчастна!

— Знаю, — вздохнул он, прижимая её к себе и нежно поглаживая по спине.

Наконец, всхлипнув последний раз, она затихла. Дэйв взял её за подбородок и заглянул в лицо. Она безропотно подчинилась.

— Моя мать убьёт меня, если увидит тебя в таком виде, — сокрушенно сказал он. — Один взгляд на твоё лицо — и она обвинит во всем меня, даже не выслушав.

Алекс невольно улыбнулась: во всех спорах Дженни неизменно принимала сторону Алекса независимо от того, была та права или нет.

— Прощаешь меня? — спросил Дэйв, нежно отодвигая светлый завиток от её мокрой щеки. — Давай заключим мир, Алекс, — торопил он. — Пусть это Рождество будет добрым. Черт, я даже готов уступить эту проклятую кровать твоим родителям, если это сделает тебя счастливой!

— Кто сказал, что это сделает меня счастливой? — возразила она, залезая в карман его брюк за носовым платком. Её рука в поисках платка скользнула вниз вдоль его бедра, и Алекс почувствовала, как он вздрогнул от легкого прикосновения её пальцев.

— Ах ты, дерзкая плутовка! — воскликнул Дэйв. Эта позабавившая его случайность напомнила ему о прежней проказнице Алекс, которую, как ему казалось, он потерял навсегда. — Мир, Алекс, — взмолился он. — Пожалуйста!

— Ты назвал детей надоедливými отпрысками! — сурово напомнила она.

— Неужели я такое сказал? — очень правдоподобно ужаснулся он.

— И не только!

— Не понимаю, как это ты не запустила в меня чем-нибудь, — сокрушенно пробормотал он. — Ну прости меня, и заключим мир?

Алекс обдумывала это предложение, наслаждаясь тем, что пальцы Дэйва нежно ласкали её лицо и шею.

— Ты действительно миллионер? — с любопытством спросила она.

— А что, я и это сказал? — Он поднял брови. — Я, должно быть, на время потерял рассудок.

— И все-таки? — настаивала Алекс.

— Если я скажу «да», это добавит мне немножко уважения? — с иронией поинтересовался он.

— Возможно.

— Тогда да, — кивнул он. — Ты видишь перед собой миллионера. С несколькими миллионами. Я добавил это только для того, чтобы повысить свой рейтинг, как ты понимаешь.

Это было сказано легко и небрежно, почти шутя, но тем не менее задело что-то в глубине души Алекс. Она знала, что это было правдой, что ее муж действительно очень богат, но никогда не осознавала этого. Для нее он был просто Дэйв — мужчина, которого она любила.

— Мир? — спросил он, наклоняясь и нежно касаясь губами уголка ее рта.

— Да, — пробормотала она, закрыв от удовольствия глаза.

Дэйв поднял голову.

— Из-за моих миллионов?

— Конечно, — улыбнулась она. — Какие у меня еще могут быть причины для примирения?

Он засмеялся. Если он хоть что-нибудь знал наверняка об Алекс, то это то, что она лишена корысти. Он запечатлел поцелуй у нее на макушке и потянул за собой к двери.

— Пойдем, поговорим, пока я буду переодеваться, — предложил он, и они пошли наверх.

Спальня была залита теплым светом. Дэйв бросил тоскливый взгляд в сторону кровати.

— Мы можем остаться здесь на эту ночь, — небрежно заметила Алекс, получив в ответ легкий шлепок, и, смеясь, они оба прошли в ванную.

Это было чудесное Рождество, счастливое, веселое и беззаботное, но оно быстро прошло. Пришло время решать, будет ли Алекс продолжать занятия в классе Зака. Дэйв ничего не говорил, но его мнение об этом было легко прочесть по его лицу каждый раз, когда он заставлял ее с альбомом в руках. Алекс не заводила разговор на эту тему просто потому, что хотела принять решение самостоятельно.

Постепенно между ней и Дэйвом снова стал возникать барьер: они опять превратились в двух осмотрительных незнакомцев, живущих под одной крышей. Алекс не могла не признать, что на девяносто девять процентов это связано с их неудовлетворенностью в постели. Дэйв был очень чувственным мужчиной, и ее неспособность отдать ему всю себя задевала его мужское самолюбие. Он ненавидел те ограничения, на которых она настаивала, — темнота, тишина и ее нежелание без оглядки следовать инстинктам. Алекс опасалась, что, если ничего не изменится, он отправится искать удовлетворения где-нибудь еще.

Избавится ли она когда-нибудь от этого страха? Дэйв сожалел о своем увлечении так же, как и она. Но боязнь того, что он действительно может уйти, лишала ее той уверенности, в которой она так нуждалась. Она жила в постоянной тревоге, почти ощущая ее физически. Все это отражалось на ее нервной системе и даже на желудке, который продолжал беспокоить Алекс все последние месяцы. Месяцы, которые так изменили ее жизнь...

10

Была среда, два часа дня. Дэйв складывал в стопку документы, которые он подготовил для совещания, когда зазвонил телефон на его столе.

— Мистер Мастерсон, вам звонит леди, которая представилась как миссис Мастерсон.

Неприятный холодок пробежал по его спине. Алекс никогда не звонила сюда. Несчастный случай? С кем-то из детей?

— Соедините, — скомандовал он.

Десятки мрачных предположений пронесли в его голове. Но взволнованный голос, раздавшийся в трубке, не был голосом Алекс. Дэйв тряхнул головой, чтобы прийти в себя.

— Повтори все сначала, мама, — попросил он эту другую миссис Мастерсон. — Я ничего не понимаю.

Через несколько минут он уже был в машине и на огромной скорости мчался домой. Мать открыла дверь, как только он подъехал.

— Она там, — встревоженная Дженни указала сыну на гостиную. — Она так расстроена, Дэйв!

Дэйв подошел к двери, открыл ее и увидел Алекс, съезжившуюся на уголке дивана. Она сидела, уткнувшись лицом в диванную подушку, ее хрупкая фигурка сотрясалась от рыданий. Он осторожно приблизился к ней, сбросив пиджак и ослабив узел галстука, его руки слегка дрожали.

— Алекс? — негромко окликнул он, присев перед ней и нежно дотронувшись до вздрагивающего плеча.

— У-уходи-и, — прорыдала она в подушку.

Дэйв нахмурился, озадаченный и слегка испуганный. Он никогда не видел ее в таком состоянии. Поглаживая ее плечо, он пытался сообразить, что же могло так ее расстроить? Зак Колэм! Догадка переполнила его гневом. Если этот ублюдок довел ее до такого состояния, если эта свинья посмела так обидеть ее, когда она только-только оправилась от обиды, которую нанес ей он сам...

— Алекс... — Дэйв придвинулась ближе, провел дрожащими пальцами по ее волосам и почувствовал, что она пышет жаром. Интересно, сколько времени она сидит здесь и плачет? — Ради всего святого, — взмолился он, — ответь мне! Скажи, что случилось?

Алекс затрясла растрепанной головой. Дэйв напряженно сглотнул, не зная, что делать. Затем с мрачной решимостью поднял ее и устроил у себя на коленях вместе с подушкой. Она не оттолкнула его, а прижалась к его груди, по-прежнему прижимая к лицу подушку и продолжая плакать.

— Э-это твоя ошибка-а... — неожиданно донеслось сквозь рыдания.

Его ошибка? Дэйв вздохнул, возвращаясь мысленно на несколько дней назад и пытаясь понять, что такого он сделал на этот раз, что могло вызвать такой стресс. Ему казалось, что он был особенно дипломатичен в последнюю неделю. Он не сказал ни слова по поводу этих дурацких занятий! Он не давил на нее и старался держаться в стороне, насколько мог...

— Т-ты должен бы-ыл позаботиться об э-этом...

— Позаботиться о чем? — спросил он.

Рыдания усилились, угрожая задушить ее, если она не успокоится. Дэйв вздохнул и решил

взять контроль над ситуацией в свои руки. Он усадил Алекс прямо и решительно отнял подушку от ее разгоряченного лица. Место подушки немедленно заняли ее ладони.

— Успокойся, — твердо скомандовал он.

Послушно подчиняясь суровому тону, Алекс попыталась взять себя в руки. Дэйв достал носовой платок и, убрав ее ладони от лица, аккуратно промокнул опухшее от слез лицо. Он стянул с нее теплый шерстяной джемпер, и она поежилась, почувствовав сквозь тонкую блузку прохладный воздух.

— Теперь давай поговорим, — предложил Дэйв. — Если я правильно понял, я сделал что-то не так?

Она посмотрела на него глазами, полными слез. Ее губы дрожали, и Дэйв едва сдержал улыбку, потому что она смотрела на него совсем как его дочь, когда ей не удавалось заставить его сделать то, что она хотела. Но это вовсе не Кейт, напомнил он себе, это Алекс, которая никогда не вела себя как капризный ребенок. Она всегда была сильной и храброй, несмотря на свой хрупкий вид.

— Только не надо больше плакать, — нетерпеливо произнес он, увидев, что слезы снова потекли у нее из глаз. — Алекс, ради бога, ты должна сказать, что случилось, и чем я могу помочь?

— Ты не сможешь помочь! Никто не может помочь! Я беременна, Дэйв! Беременна! — выкрикнула она и, прислонившись к его плечу, снова начала плакать. Потом стукнула его в грудь сжатым кулаком. — Это твоя ошибка! Ты говорил, что позаботишься об этом!

Именно он должен был позаботиться об этом в тот первый раз, когда она забеременела близнецами! После этого она взяла эту заботу на себя — до тех пор, пока у нее не развилась аллергия на таблетки. Она перестала принимать их, ответственность снова была возложена на Дэйва, и в результате на свет появился Джеми!

— Ты ни на что не способен! — набросилась она на Дэйва. — Ты можешь руководить миллионом этих чертовых компаний, но больше ты ни на что не годишься! Мне только двадцать пять лет! — Ее голос снова задрожал. — При таких темпах ты забьешь гвозди в крышку моего гроба к тому времени, когда мне будет тридцать!

Дэйв не смог удержаться от улыбки. Он крепче прижал лицо Алекс к своему плечу, чтобы она не заметила этого.

— Тс-с! — остановил он ее. — Я пытаюсь разобраться в этом.

Но Алекс охватила ярость. Она выпрямилась и принялась выплескивать на него все то, что вызывало ее жалость к самой себе и так долго поддерживало в ней слезы.

— Я превратилась в настоящую фабрику по производству младенцев! — с обидой заявила она. — Неудивительно, что ты прячешь меня, Дэйв! Твои коллеги по большому бизнесу были бы шокированы, узнав, какую эффективную производственную линию ты наладил у себя дома! Держу пари, что эксперты по контролю за рабочим временем могли бы привлечь тебя к ответственности за злоупотребления!

— Замолчи, Алекс! — не выдержал Дейв. На этот раз у него не было желания смеяться. — Я не могу ни о чем думать, когда ты забрасываешь меня этими безумными обвинениями!

— Хорошо! — отрезала она. — Думай только об одном! О том, что я беременна и не хочу быть беременной!

— Как давно ты беременна? — спросил он после паузы.

Вопрос прозвучал натянуто. Алекс увидела, что Дэйв побледнел, и тот самый нерв снова задергался у него на щеке.

— Три месяца, — ответила она, чувствуя себя полной идиоткой. Так долго не понимать, что с ней происходит, при ее-то опыте!

— Три месяца, — повторил он, и напряжение сошло с его лица. — Это значит...

Он все понял, как поняла и Алекс, когда доктор сообщил ей сегодня утром эту новость.

— Да, — подтвердила она его невысказанную догадку.

Простой арифметический подсчет. Это произошло в тот вечер, когда они впервые были вместе после того, как она узнала о Линде. Тогда они оба были немного не в себе.

— Боже. Теперь я припоминаю, я даже не подумал об этом...

Они оба молчали, поглощенные каждый своими мыслями. Она все еще сидела, свернувшись у его груди, а он машинально поглаживал ее волосы. Алекс вдруг вспомнила, что когда-то уже сидела вот так у него на коленях, и он точно так же гладил ее по волосам, переваривая новость. Он не был раздражен тогда. И не был раздражен сейчас.

— Ну что ж, — неожиданно нарушил он молчание, — теперь нам придется купить более просторный дом. В этом нет свободных спален!

С близнецами — конечно, тогда они с Дэйвом не знали, что будет двойня, эта новость поразила их позже, когда Алекс была уже на шестом месяце, — так вот, с близнецами он использовал тот же прием, чтобы объявить, что покоряется судьбе. Нам придется пожениться, сказал он тогда. Вот и вся разница. Дэйв умел спокойно принимать неизбежное.

Алекс не стала больше ходить на занятия в колледж. Это было ее собственное решение. Ей по-прежнему нравилось рисовать, но здравый смысл подсказывал, что не стоило возвращаться в класс, где преподавал Зак. И хотя между ней и Дэйвом не было сказано ни слова об этом, он начал вывозить ее куда-либо каждую среду вечером, как бы компенсируя то, что она потеряла. Но Алекс не бросила рисовать. То там, то здесь на глаза Дэйву попадались ее альбомы с беглыми зарисовками. Они начали поиски дома, но задача оказалась непростой.

— Это тот самый случай, когда каждый тянет в свою сторону и ничего хорошего из этого не выходит, — недовольно сказала Алекс Дэйву после уикэнда, проведенного в поездках по окрестностям. Каждый из предлагаемых для продажи домов чем-нибудь не устраивал одного из них.

— Ты непременно хочешь что-то очень большое! — упрекнула она его в другой раз, когда они вернулись после осмотра целого дворца, слишком величественного для того, чтобы быть удобным. — Нам, конечно, нужен дом побольше, но не такой огромный! Зачем нам все эти лишние комнаты? Чтобы принимать у себя твоих деловых партнеров?

Дэйв все еще сохранял разграничительную линию между домом и работой, и это задевало

Алекс.

— Принимать кого-то у себя — трудное и неблагодарное дело, — усмехнулся он. — Но, Алекс, после всех моих тяжких трудов, в результате которых мы теперь можем приобрести практически все, что пожелаем, позволь мне подобрать нечто особенное!

Наконец они нашли идеальный вариант: старинный дом, построенный из темного красного кирпича с высокими окнами и высокими потолками. При доме был участок земли, огороженный шестифутовой кирпичной стеной и обсаженный высокими деревьями. Дом удовлетворял представлениям Дэйва о престиже и представлениям Алекс об удобствах и уюте. Близнецам он тоже понравился, потому что за домом располагался бассейн под стеклянной крышей и конюшни. И, в довершение всего, рядом с воротами стоял отдельный коттедж, который сразу пришелся по вкусу матери Дэйва.

Супруги, пожилая чета, присматривавшие за домом более двадцати лет, были обеспокоены своей дальнейшей судьбой в связи с продажей владения. Мягкое сердце Алекс не выдержало, и она предложила им остаться жить в доме. Дэйв был доволен этим: они получили экономку, которая сняла с Алекс часть забот, и садовника, по совместительству шофера, который мог отвозить детей в школу и забирать их оттуда, избавив от этой обязанности самого Дэйва, Алекс и местную службу такси.

Алекс погрузилась в приятные хлопоты по ремонту и обустройству нового жилища и с удивлением обнаружила у себя вкус к этому. Она носила будущего ребенка легче, чем Джеми, и к весне новый дом был уже почти готов для переезда.

Дэйв был занят по горло делом по поглощению еще одной компании — небольшой инженерной фирмы в Манчестере, увязшей в финансовых трудностях, в которой он когда-то работал сам, и поэтому проводил гораздо больше времени на севере Англии, чем дома.

Образ Линды почти стерся из памяти Алекс за последние месяцы. Он больше не являлся к ней ночным призраком. Алекс почти примирилась с изменой Дэйва, которая чуть не разрушила ее семью. Она поняла, что не сможет расстаться с ним. Их жизни прочно связаны одна с другой, объединенные общей любовью к детям и их ответной любовью. И ожидающимся прибавлением в семье — тоже. А как же с их любовью? Алекс отбросила мысли об этом. Любовь была мечтой романтической девочки — Алекс. Новая, взрослая, Алекс научилась управлять своими чувствами и принимать отношения с Дэйвом такими, как есть.

Как-то после обеда Алекс сидела на полу в спальне, разбирая ворох старой одежды, когда вошел Дэйв, неожиданно рано вернувшийся из поездки в Манчестер. Он выглядел усталым. По его раздраженному взгляду, которым он окинул беспорядочную кучу, Алекс поняла, что затянувшиеся сборы начали выводить его из терпения.

— Почему ты не наймешь кого-нибудь, кто бы сделал это вместо тебя? — недовольно бросил он, снимая пиджак и галстук и осторожно перешагивая через разбросанные вещи.

— Я не хочу, чтобы посторонние занимались нашими личными вещами! — возразила Алекс. — И потом, кто, кроме меня, может знать, что оставить, а что выбросить? Я должна сделать это сама!

Вместо ответа он громко хлопнул дверью ванной комнаты. В следующую секунду Алекс вскочила на ноги в поисках своего альбома. Когда Дэйв вышел из ванной с капельками воды на коже, оставшимися после душа, с обернутым вокруг бедер полотенцем, Алекс, растянувшись поперек кровати, деловито рисовала.

— Что ты делаешь? — спросил он, устраиваясь рядом с ней. — Ах ты, нахалка!

Он рассмеялся, без труда узнав себя в обнаженном черте с рогами и с раздвоенным хвостом. Черт стоял под душем, но вместо воды его охватывали языки пламени. Его лицо выражало дьявольское блаженство.

— Дерзкая девчонка! — проговорил Дэйв и выхватил у нее альбом.

Алекс потянулась за ним, но Дэйв увернулся, захлопнул альбом, затем снова открыл его на первой странице и начал медленно просматривать рисунки. Алекс притихла, напряженно наблюдая, как он перелистывал страницы. Он не смеялся, но она и не ожидала смеха. Это не был альбом с карикатурами. Единственным забавным рисунком в нем был тот, который был сделан только что. Нет, здесь были более серьезные работы, которые она до этого момента держала подальше от любопытных глаз.

На одном из рисунков был изображен Сэм, серьезно смотревший на них из-под слегка нахмуренных бровей. Тщательно приглаженные волосы и упрямый подбородок делали его похожим на Дэйва. Глядя на рисунок, Алекс почувствовала, как у нее защемило сердце.

На другом — хорошенькое личико Кейт в обрамлении шелковистых волос. Своим довольным выражением лица она напоминала кошку, только что стянувшую сметану. Собственно, так оно и было, потому что Алекс изобразила ее в тот момент, когда ей удалось вытянуть из Дэйва обещание завести для нее на новом месте маленького пони. Кейт была себе на уме — упрямая и практичная. Внешне очень похожая на Алекс, по характеру она была настоящей дочерью своего отца.

Изображений Джеми было больше всего, потому что именно с ним Алекс проводила все время. Вот он спит, выпятив круглую попку и подложив под круглую щечку старенького плюшевого мишку. А здесь он смеется: его круглое лицо радостно светится. А вот серьезный, сосредоточенный Джеми делает свои первые неуверенные шаги.

— Хорошо, — тихо сказал Дэйв.

Алекс почувствовала сердцебиение, зная, какой будет следующий рисунок.

— Спасибо. Я делала это ради своего удовольствия, — ответила она и небрежно протянула руку за альбомом.

Но Дэйв уже успел перевернуть следующую страницу — и замер.

Уже потом Алекс поняла, что он ожидал увидеть себя. Это казалось логичным, раз альбом был заполнен изображениями членов семьи. Но он ошибся. На листе было ее собственное изображение — лицо юной Алекс, отмеченное лишь несколькими морщинками, с мягкими линиями рта и маленьким прямым носом, почти не изменившееся за прошедшие годы. Но глаза — эти широко расставленные выразительные глаза — смотрели с разрывающей душу грустью. Алекс эта женщина показалась незнакомкой. Не сумев оценить, как точно удалось ей схватить то выражение, которое появилось теперь в ее глазах и было понятно каждому, кто смотрел на нее, Алекс крест-накрест перечеркнула рисунок.

— Зачем ты сделала это? — хмуро спросил Дэйв, проведя пальцем вдоль одной из перечеркивающих линий.

— Это не я, — сказала Алекс. — Она мне не нравится.

Не говоря ни слова, Дэйв продолжал смотреть на рисунок. Алекс встала с кровати, намереваясь вернуться к груде одежды на полу.

— А меня нет, — подытожил Дэйв, перевернув страницу и обнаружив на следующей глядящего на него черта.

Алекс натянуто улыбнулась.

— Как ты можешь так говорить? Вот ты, каким я тебя вижу! — попыталась пошутить она, показав на черта.

Она не смогла бы объяснить, почему никогда не пыталась нарисовать его, хотя интуитивно понимала это. Дэйв был членом ее семьи — и в то же время как бы не был. Другие, чьи портреты находились в альбоме, были частью Алекс. Дэйв тоже был когда-то ее частью — самой главной, но теперь он отдалился от нее, и в том месте ее души, где рождались эти рисунки, остался лишь стертый отпечаток. Он не любил ее так, как любили другие. Дэйв стал оборвавшейся нитью.

Алекс протянула руку и взяла альбом. Она убрала его на дно гардероба, закрыла дверцу и только после этого обернулась к Дэйву.

Все еще лежа на постели с накинутым на бедра полотенцем, он мягко спросил:

— Где Джеми?

— Твоя мать взяла его на весь день.

Дэйв неотрывно смотрел на нее и чего-то ждал. Алекс увидела в его глазах проблеск разгорающегося желания и почувствовала, как внутри нее стала разливаться ответная теплая волна, вызванная близостью его крепкого мускулистого тела.

Ее взгляд скользнул по темным курчавым волосам на широкой груди, которые, сужаясь клином к плоскому животу, исчезали под наброшенным полотенцем. Дэйв, высокий, худощавый, сильный, со стройными мускулистыми ногами, казался воплощением мужского начала. Алекс, стоя в добрых двух футах от него, почти физически представила, как к нежной коже ее ног прикасаются жесткие волоски, покрывающие его крепкие икры, и вдруг осознала, что впервые за последние месяцы она открыто смотрела на его обнаженное тело. Требуя темноты в спальне, она лишала себя этого удовольствия.

Дэйв протянул к ней руку, без слов приглашая ее. Она молча вложила свою руку в его ладонь, не в силах сопротивляться притяжению, возникшему между ними. Он осторожно сжал ее пальцы, боясь разрушить этот внезапный гипнотический контакт, медленно сел на постели и притянул Алекс ближе, усадив ее между своими раздвинутыми бедрами. На ней были лишь легкое платье свободного покроя и трусики. Руки мужа обвили вокруг ее округлившейся талии и медленно заскользили вниз вдоль бедер, пока не добрались до низа платья.

Алекс сделала судорожный вдох и замерла, Дэйв помедлил, определяя, что означает этот вдох. С легкой дрожью она сделала выдох, опустила веки и, приоткрыв мягкие губы, наклонилась и прильнула к его губам.

Откинувшись назад, он увлек ее за собой и стянул с нее платье. Мгновение спустя их ноги и руки сплелись в жадном и страстном объятии. Забыв обо всем, они устремились в водоворот чувственных ласк и долгих пьянящих поцелуев.

Ощущения Алекс сплелись в горячий узел желания и, в нетерпеливом стремлении к близости с мужем, она притянула его к себе, обхватив ногами. Позволив себе на мгновение приоткрыть глаза, она увидела позолоченные солнечным светом темные волосы Дэйва и яростную страсть в его глазах, внезапно призрак ее ночей вновь появился перед ней, Алекс поспешно закрыла глаза и жалобно застонала от неудовлетворенности.

— Нет! — прохрипел Дэйв, осознав, что произошло с ней. — Нет, Алекс, нет, черт возьми!

Она попыталась отогнать видение.

— Посмотри на меня! — потребовал Дэйв. — Ради всего святого, открой глаза и посмотри на меня!

Алекс медленно приподняла веки, с трудом сфокусировав взгляд на лице мужа. В его глазах было жаркое желание, она не могла отрицать этого. Возможно, Дэйв не любил ее, но он страстно хотел ее, все еще хотел спустя почти восемь лет, несмотря на округлившийся из-за беременности живот, несмотря на все то, что произошло за эти последние шесть месяцев. Дэйв все еще хотел ее, и может быть...

— Нет! — запротестовал он, когда Алекс снова закрыла глаза. — Нет, ты не скроешься от меня на этот раз!

Сжав ладонями ее лицо, Дэйв вновь вынудил ее открыть глаза. Она испуганно заморгала.

— Ты хочешь меня, Алекс, — в ярости прорычал он. — Но ты не получишь меня, пока не отроешь глаза и не примешь меня таким, какой я есть, со всеми моими ошибками. Алекс, я — тот мужчина, которого ты хочешь.

— А если я не смогу? — жалобно прошептала она. — Если я никогда не смогу принять то, что ты сделал?

— Тогда ты никогда не получишь меня, — мрачно ответил Дэйв. — Я не могу заниматься любовью с женщиной, которая все время прячется от меня за закрытыми глазами.

Направившись в ванную, он оставил ее разбираться в том, что сказал. Это ультиматум, подумала она. Может, он считал, что уже заплатил за свою измену? Она должна снова поверить ему — или забыть о физической стороне их брака! Невероятно, как он сумел переложить всю ответственность на нее, заставляя именно ее идти на уступки!

Негодование, закипев, побулькало и утихло, когда она поняла, что, быть может, он прав, и ей придется принять Дэйва со всеми его хорошими и плохими чертами, если она хочет сохранить их брачный союз. Эта мысль повергла Алекс в еще большее замешательство: она не знала, что ей для этого нужно сделать. Всю следующую неделю ее мучил этот вопрос, но случилось нечто, что отбросило прочь все остальные проблемы.

Близнецы исчезли.

11

Алекс во всем винила себя. Эта неделя была, наверное, самой кошмарной по своей напряженности. Дэйв не пытался скрывать раздражение по отношению к Алекс, и она вздохнула с облегчением, когда он уехал на пару дней в Манчестер.

Шли пасхальные каникулы, и близнецы все дни проводили дома. Возбужденные предстоящим переездом, они все время мешали ей и путались под ногами. И Алекс ловила себя на том, что кричала на них гораздо чаще, чем этого требовала необходимость.

Занимаясь упаковкой вещей, она услышала телефонный звонок и, проклиная все на свете, с трудом пробралась сквозь нагромождение упаковочных ящиков, чтобы ответить, но звонки прекратились.

В еще большем раздражении она вернулась обратно и снова принялась за дело, недовольно ворча себе под нос, когда в комнату заглянули Сэмми и Кейт.

— Звонил папа, — угрюмо сообщил ей Сэм, еще не простивший ей то, что она накричала на него за разлитый по кухонному полу апельсиновый сок. Он считал ее нагоняй несправедливым, потому что собирался дать сок Джеми, и тем самым избавить Алекс от еще одной работы, но мать, увидев липкую оранжевую лужу, которую ей пришлось вытирать, вышла из себя.

— Он просил передать тебе, что возвращается из Манчестера. — Мальчик передал ей сообщение с такой же надменной холодностью, с какой обычно говорил его отец, когда находился в подобном настроении. — И что он сначала должен заехать в офис и будет дома поздно.

Отлично, сердито подумала она. Он прячется в офисе, а она должна делать всю тяжелую работу! «Играешь роль мученицы, Алекс?» — язвительное эхо голоса Дэйва так отчетливо прозвучало у нее в голове, что она подскочила и оглянулась, не стоит ли он позади нее. Разумеется, его там не было, но неприятный осадок остался.

— Я попросила его вместо этого приехать домой и поиграть с нами, — вступила в разговор Кейт.

— А он, конечно, тут же в испуге бросил трубку! — съязвила Алекс.

Ее замечание было адресовано Дэйву, а вовсе не близнецам, но они восприняли это иначе. Лицо Кейт покраснело от гнева.

— Нет, он не бросил трубку! — закричала она, с горячностью вступаясь за отца. — Он сказал, что поиграл бы с нами, если бы ему не надо было делать эту скучную работу! Ты плохая, мама! — неожиданно яростно добавила она.

Алекс показалось, что она увидела слезы в глазах дочери, но Кейт уже бросилась бегом вниз по лестнице, а следом за ней рванулся не менее рассерженный Сэм.

Вздыхнув, Алекс положила одну руку на округлившийся живот, другую — на разболевшуюся голову и призналась себе, что, пожалуй, она заслужила те слова, которые бросила ей дочь. Пробравшись к двери, она спустилась вниз, но близнецы проигнорировали ее, притворившись, что увлечены телевизором.

Александра подняла с пола Джеми, который до этого играл на ковре в кубики, и бросила взгляд на Сэмми и Кейт в надежде, что они хотя бы посмотрят на нее, чтобы она могла извиниться. Но, поскольку дети этого не сделали, она опять почувствовала раздражение и вышла из комнаты с младшим на руках, оставив старших смотреть свою передачу.

Часом позже она снова спустилась вниз, но близнецов там не оказалось. Она посмотрела везде, где только могла, но они, казалось, исчезли с лица земли! Она съездила в парк, надеясь найти

их на качелях, к дому матери Дэйва. Алекс знала, что Дженни на целый день уехала в гости, но близнецы об этом не знали и могли отправиться к бабушке в поисках сочувствия и утешения. Она проверила и перепроверила все уголки дома и сада и даже позвонила на новое место жительства в смутной надежде, что они каким-то образом нашли туда дорогу. Но их нигде не было. Алекс уже дошла до такой степени, что была готова обратиться в полицию, когда зазвонил телефон.

Она схватила трубку, едва удерживая ее дрожащей рукой, бледная от напряжения.

— Миссис Мастерсон? — спросил незнакомый голос.

— Да, — прошептала она, пытаясь унять лязг зубов.

— Миссис Мастерсон, это секретарь вашего мужа.

Внутри Алекс все похолодело.

— Дэйв там? — спросила она.

— Нет, он еще не приехал, — ответил голос, — но ваши дети только что появились здесь и спрашивают его...

— Они там? — резко перебила Алекс.

— Да, — мягко успокоил голос. — Да, они здесь.

— О боже, — она сглотнула слезы, — с ними все в порядке?

— Да. Не волнуйтесь, все хорошо.

Алекс с облегчением опустила на нижнюю ступеньку лестницы, но тут же снова поднялась.

— В-вы не могли бы задержать их до моего приезда? — прошептала она. — Я еду, я сейчас же еду.

Положив трубку, она не то с нервным смешком, не то с истерическим всхлипыванием бросилась за Джеми.

Алекс приехала в «Мастерсон Холдингс» в конце обеденного перерыва, когда суперсовременный вестибюль был заполнен людьми, возвращающимися в свои респектабельные офисы.

Ей даже не пришло в голову переодеться перед тем, как туда ехать. На ней были белые обтягивающие брюки и одна из старых бледно-голубых рубашек Дэйва. Войдя внутрь с Джеми на руках, в легком замешательстве она остановилась у стеклянных дверей.

Детей нигде не было видно. С прыгающим сердцем она направилась в противоположный конец просторного холла, где за столиком сидела симпатичная девушка, кокетничавшая с молодым человеком, присевшим на угол ее стола.

— Извините, — слегка дрожащим голосом прервала их беседу Алекс. — Я — Александра Мастерсон. Мои дети... Они...

— Миссис Мастерсон!

Девушка проворно поднялась, удивленно глядя на Алекс широко раскрытыми карими глазами. Алекс, понимая, что, должно быть, выглядела пугалом, не стала осуждать девушку. В данный момент она только хотела как можно скорее увидеть Сэма и Кейт.

— Мои дети, — повторила она. — Где они?

Тем временем их разговор привлек внимание окружающих. Служащие с любопытством стали поглядывать на Алекс.

— Мистер Мастерсон приехал десять минут назад, — сообщила девушка. — Он забрал детей к себе в кабинет и сказал, чтобы вы...

— Я провожу вас к нему, если хотите, — предложил молодой человек, который к этому времени уже слез со стола.

— Спасибо, — с рассеянным видом пробормотала Алекс и пошла следом за ним к лифту, слишком взволнованная, чтобы замечать множество обращенных на нее любопытных взглядов.

Поднявшись на лифте, они направились по устланному толстым серым ковром полу к окрашенным в матовый серый цвет дверям. Алекс едва поспевала за своим провожатым, чувствуя дрожь и слабость в ногах. Молодой человек постучал, подождал немного, затем открыл дверь и отступил в сторону, давая дорогу Алекс.

Она помедлила на пороге, с опаской глядя на Дэйва, который сидел за большим серым письменным столом, скрестив на груди руки, затем перевела взгляд на две удрученные фигурки, сидевшие рядышком на кожаном диване, почувствовала слезы в глазах, опустила Джеми на пол, выдохнула:

— Сэмми, Кейт! — И потеряла сознание.

Когда Алекс пришла в себя, она оказалась на диване с чем-то холодным и мокрым на лбу в окружении четырех разных и одновременно таких похожих лиц, которые с беспокойством смотрели на нее. Она слабо улыбнулась и получила в ответ четыре разные, но в то же время похожие улыбки.

Дэйв сидел на корточках рядом с ней, придерживая балансирующего на его коленях Джеми. Сэм и Кейт стояли, прижавшись к отцу. Они все выглядели так прелестно, что Алекс пожалела, что при ней нет карандаша и бумаги, чтобы запечатлеть эту сцену.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Дэйв.

— Как во сне, — с бледной улыбкой сказала она, затем посмотрела на близнецов. — Простите меня, — прошептала она, и в ту же минуту оба, всхлипывая, бросились к ней в объятия.

Вместе со слезами они вылили ей свои сожаления, извинения, свою любовь и свой страх при виде ее обморока. Затем, продолжая изредка всхлипывать, дети рассказали о самой волнующей части этого приключения: как они вызвали такси, объединив накопленные карманные деньги, как приехали сюда и узнали, что папы здесь нет.

— И напугали свою маму до полусмерти, — подвел черту их излияниям Дэйв и сурово посмотрел на Кейт, которая опустила голову в молчаливом раскаянии.

— Все было тщательно ими спланировано, — продолжил их рассказ Дэйв. — Они позвонили в ту фирму, откуда ты обычно вызываешь машину, чтобы отправить их в школу, когда я в отъезде. Сказали, что ты больна, в постели, и хочешь, чтобы их отвезли ко мне. Они даже предъявили одну из моих визитных карточек с адресом, чтобы все выглядело надлежащим образом. — Он взглянул на Кейт. — Все очень ловко. Очень правдоподобно.

— О, Кейт, — вздохнула Алекс, вспомнив, как важничала дочь, когда ей поручали заказывать по телефону такси, чтобы отвезти их в школу.

Но так злоупотребить доверием! Несчастный ребенок опустил голову.

— Это я придумал использовать папину визитную карточку, — вступил в разговор Сэмми, готовый разделить вину.

Но все знали, что затея — дело рук не по летам сообразительной Кейт.

— Простите, — прошептала девочка, ее маленькая ручка потянулась к щеке, чтобы вытереть слезы.

Кейт не бросилась к отцу за утешением, и Алекс поняла, что дети получили строгий выговор от него до того, как она приехала. Она перевела взгляд на Дэйва. Он был бледен, сжатые губы выдавали еле сдерживаемый гнев. Крепко прижимая к себе Джеми, он в глубине души ощущал потребность так же прижать близнецов, но был слишком рассержен, чтобы сделать это.

— Моя секретарша готовит для нас кофе, — сказал он, поймав на себе взгляд Алекс. — Когда она придет, я попрошу ее отвести детей вниз, в кафетерий, чтобы они могли пообедать. Тогда мы поговорим.

Это прозвучало зловеще. Алекс опустила глаза и села.

В кабинет с подносом в руках вошла молодая женщина с приятным лицом. Все еще держа Джеми, Дэйв встал на ноги, подошел к ней и что-то негромко сказал. Она поставила поднос на стол. Дэйв подозвал близнецов, которые поспешили выполнить распоряжение, подтверждая подозрения Алекс о том, что наказание было суровым. Мгновение спустя Джеми доверчиво перебрался на руки женщины, и она увела детей.

Дэйв, не говоря ни слова, передал Алекс чашку с крепким кофе и сел рядом.

— Что произошло? — спокойно спросил он.

— Я была слишком резка с ними, — признала она, виновато пожав плечами. — Может быть, они почувствовали себя брошенными. Видимо, им показалось, что я их оттолкнула, и решили поискать утешения где-нибудь еще. — Алекс поставила чашку, чувствуя, что слезы опять стали наполнять ее глаза. — Я искала их везде... Думала, что они пошли к твоей матери... Но мне и в голову не пришло, что они могли поехать сюда!

Дэйв накрыл ладонью ее дрожащие пальцы.

— Все в порядке, успокойся. Не надо так изводить себя. С ними ничего не случилось. Ты же видела.

Алекс кивнула, пытаясь взять себя в руки.

— Прости меня, — прошептала она.

— За что? — Он удивленно уставился на нее.

— За то, что я плохая мать твоих детей, — ответила она. — И за вторжение сюда.

— Иногда, Алекс, — нетерпеливо вздохнул Дэйв, — мне очень хочется знать, что происходит в твоей голове!

— Ты отшлепал их?

Ему не понравилось, что она так резко сменила тему. Он нахмурился и сдержанно сказал:

— Нет, я сдержался и только отругал их. Глупый, опасный, бессмысленный поступок! Сэмми воспринял выговор спокойно, но Кейт была потрясена. Пожалуй, я еще ни разу так не кричал на нее.

— Она простит тебя, — заверила ее Алекс, зная, как Кейт обожает отца.

— Если она похожа на свою мать, то — нет, — проворчал он.

Алекс опустила глаза.

— Дело не в прощении, Дэйв, — пробормотала она. — Я пытаюсь забыть и не могу. Ты разбил всю мою жизнь, Дэйв!

— Знаю, — произнес он, в свою очередь опустив глаза. — И свою тоже, если хочешь знать. Я заслужил это. Ты — нет.

— Тогда почему ты сделал это? — жалобно спросила Алекс.

Дэйв тяжело вздохнул, выпустил ее руку, взъерошил ладонью волосы и как-то грубо ответил:

— Потому что она оказалась под боком.

— Т-ты, наверное, нанес ей большую обиду.

— Вряд ли, — цинично усмехнулся он. — Она не из твоей породы, Алекс. У женщин типа Линды более толстая кожа.

— И ты находишь в этом оправдание?

— Нет. Но я не могу чувствовать себя виноватым, когда для этого нет оснований.

Алекс нахмурилась, не понимая, куда он клонит. Заметив ее недоумение, Дэйв снова вздохнул.

— Алекс, если я попытаюсь тебе объяснить все, ты выслушаешь меня?

Захочет ли она слушать? Хочет ли знать? Сможет ли воспринять правду со всеми отвратительными подробностями? Ее губы предательски задрожали, и она в нерешительности отвела глаза. Дэйв снова взял ее руку.

— Пожалуйста, — попросил он. — Алекс, ты была и остаешься единственной женщиной, которую я когда-либо любил. Ты должна знать это, потому что это правда.

— Тогда почему Линда? — вспыхнула она, повернув голову и хлестнув его взглядом.

Дэйв выпустил ее руку и сжал губы.

— Потому что, — сказал он, — я на какое-то время потерял контроль над собой. Не только дома, в отношениях с тобой, но и здесь, — он обвел взглядом свой шикарный кабинет. — Линда стала отдушиной, предохранительным клапаном. Все очень просто, даже примитивно. Я использовал ее, чтобы сбросить часть того страшного напряжения, которое испытывал.

Неужели он думал, что ее устроит подобное объяснение? Александра почувствовала, как в ней стал закипать гнев.

— Значит, сейчас я должна все простить и забыть, — резко сказала она, — а потом сидеть и ждать следующего раза, когда ты снова окажешься под давлением, и под боком окажется другая услужливая дура?

— Нет, — спокойно ответил Дэйв. — Этого больше не случится.

Скептический взгляд, который послала ему Алекс, выразил все, что она думала по этому поводу.

— Этого не случится, — терпеливо повторил он, — потому что это не помогло в первый раз.

Дэйв взгляделся в ее сердитое, обиженное лицо, пытаюсь уяснить, поняла ли она, к чему он клонит, и криво улыбнулся: она определенно ничего не поняла.

— Причина в тебе и в твоей неумиряющей невинности, — сдержанно пояснил он.

— Дэйв, я перестала быть невинной в семнадцать лет, когда ты лишил меня девственности! — возразила она.

— Ты сама отдала ее, Алекс, — поправил он. — И отдала добровольно.

Александра покраснела. Он был прав, она не просто отдала невинность, она, фактически, бросила ему всю себя.

— И, хочешь, верь, хочешь не верь, — продолжил Дэйв, — я взял ее, не имея намерения брать. Нет, — он снова сжал ее руку, — не пойми меня превратно, Алекс. Я хотел тебя, Боже мой, — вздохнул он, — я хочу тебя всегда! Но тебе исполнилось только семнадцать! А я был достаточно опытным мужчиной двадцати четырех лет! Я знал, что должен повернуться и уйти, пока все не стало слишком серьезным. Но не смог, — признал он. — Поэтому я решил поддерживать с тобой легкие отношения, но не смог сделать даже этого. — Дэйв помолчал немного. — В конце концов, ты настолько завладела всеми моими мыслями и чувствами, что от этого стала страдать моя работа. И твоя тоже, — напомнил он ей. — Ты училась на «отлично» до того, как познакомилась со мной. И твои родители были против меня...

При этих словах Алекс удивленно раскрыла глаза. Она не подозревала, что он догадывался об отношении ее родителей к их встречам. Обычно они осторожно-вежливо улыбались ему, когда он заезжал за ней домой.

— Они не одобряли, — продолжил он, — и правильно. Из-за меня все твои годы учебы в школе могли пропасть даром. С другой стороны, из-за тебя в полной неопределенности оказались мои собственные планы, которые я разработал для своей карьеры.

— Ты имеешь в виду это? — спросила Алекс, окинув взглядом кабинет — этот символ его успехов.

Дэйв кивнул.

— Да. Или что-то в этом роде.

— Но в конечном итоге ты осуществил свою мечту, несмотря на меня, — заметила она с некоторой горечью.

— Да, но ценой твоей мечты.

— Моей? Откуда ты знаешь, о чем я мечтала, если ты никогда не интересовался этим?

— Искусство. Сначала университет, потом карьера в области рекламы или дизайна. Именно об этом были все твои мысли.

— Неужели? — В ее тоне прозвучала насмешка над его уверенностью. — Твои слова только доказывают, как мало ты на самом деле обо мне знаешь.

Он пристально посмотрел ей в глаза.

— Тогда чего же ты хотела? — с вызовом спросил он.

Тебя, хотелось сказать ей. Я хотела в этой жизни только тебя. Но вместо этого произнесла с усмешкой, понимая, что эти слова заденут его:

— Вероятно, я получила то, чего заслуживала.

— Я был почти готов исчезнуть из твоей жизни семь лет назад, и тут ты сказала мне, что беременна, — мрачно продолжил он, и Алекс закрыла глаза, понимая, что теперь наступила его очередь ранить ее чувства. — Если ты помнишь, я провел две недели перед этим здесь, в Лондоне, — сказал он. — Но ты не знаешь, что за эти две недели я прошел ряд собеседований по поводу работы, которая позволила бы мне уехать из страны, настолько далеко от тебя, насколько возможно.

Она догадывалась об этом. С тех пор, как Мэнди открыла ей глаза на то, кем она и Дэйв на самом деле были друг для друга, Алекс подозревала, что ее беременность стала ловушкой для Дэйва. У него просто не стало выбора.

Дэйв снова сжал ее руки.

— Ты должна понять мои мотивы. Я не хотел покидать тебя! — горячо проговорил он. — Но я был готов исчезнуть из твоей жизни ради твоего блага! Ты была слишком юной и слишком привлекательной для меня. Новое место работы было вроде перекрестка, до которого я дошел, и я принял его, потому что считал это лучшим решением для нас обоих! Но возвращаясь из Лондона, я чувствовал себя до ужаса несчастным. Холодные слова прощания, которые я должен был сказать тебе, все время прокручивались у меня в голове.

Он остановился, его взгляд потемнел, отражая давнишнюю боль.

— А там оказалась ты, — продолжал он охрипшим голосом. — Ты стояла передо мной и смотрела на меня так... так... — Он прикрыл ладонью глаза, его пальцы дрожали. — У меня внутри все перевернулось. Я помню, что было потом. Мы оказались вместе, в постели, хотя я

знал, что не должен допускать этого, что из-за этого мне еще сложнее будет выполнить принятое решение. Как после этого сказать женщине, что собираешься бросить ее? — произнес он сдавленным голосом, слишком поглощенный собственными переживаниями, чтобы заметить, как побледнела Алекс. — И пока я собирался с духом, чтобы произнести эти проклятые слова, ты положила голову мне на колено и спокойно сказала: «Я беременна, Дэйв. Что нам делать?» — Он тихо засмеялся, встряхивая темноволосой головой. — Это было похоже на вручение решения о помиловании в тот момент, когда петля уже затягивалась на шее приговоренного! Я понял, что спасен. Я сидел и тихо радовался: мне уже не нужно было расставаться с тобой, потому что теперь я был просто необходим тебе! Необходим! Я мог отбросить мысли о твоей карьере и не принимать в расчет твою юность. И я мог сделать то, что на самом деле хотел: похитить и спрятать тебя так, чтобы никто не знал, каким замечательным сокровищем я владею!

Дэйв сделал глубокий вдох и продолжил уже спокойнее:

— Итак, мы поженились, переехали в убогую тесную квартирку в Камден-Тауне. У нас не было ни денег, ни собственности, но я никогда не был так счастлив, как тогда! Потом появились близнецы. Как раз в это время мне улыбнулась удача. Ты знаешь, что я тогда увлекался покупкой акций, считая, что в один прекрасный день смогу заработать на этом. И действительно, один из пакетов принес мне неплохие деньги. Это была моя первая серьезная операция на бирже, и я стоял перед выбором: купить на эти деньги домик или снова пустить их в оборот. Я выбрал второе, — виновато признался он, как если бы это был смертельный грех.

Может, так оно и было в тот момент, допустила Алекс, но только потому, что он не захотел посоветоваться сначала с ней. Но, в то же время, признала она, Дэйв, наверное, не стал бы тем, кем он стал, если бы оглядывался на других, прежде чем принять рискованное решение.

— Потом меня несколько месяцев мучила совесть, потому что я видел, что жизнь с двумя младенцами в тесной квартире стала почти невозможной. Тут акции начали приносить большие дивиденды, их курс пополз с такой скоростью, что я смог повернуть вторую удачную операцию и хорошо заработать. После этого мне уже не нужно было оглядываться назад. Мы купили дом. Я основал свою собственную компанию и стал прибирать к рукам находящиеся в бедственном положении маленькие компании. Приобретал контрольный пакет, затем вкладывал деньги и в итоге получал эффективно работающую фирму. «Мастерсон Холдингс» неуклонно разрасталась, пока не превратилась в то, что ты видишь сегодня. Но все требует жертв, — добавил он со вздохом. — Чем больше становилась компания, тем больше времени мне приходилось заниматься ее делами. Я должен возвращаться в определенных общественных кругах, чтобы быть в курсе событий. Но чем ближе я знакомился с этим миром, тем сильнее переполнялся решимостью не допустить, чтобы хоть одна капелька этой грязи коснулась тебя. Ты была моим розовым садом среди диких джунглей, единственной неизменной вещью в моей жизни. Я приходил домой и видел твое светлое лицо, лицо семнадцатилетней девочки, в которую когда-то влюбился, и знал, что готов бороться с самим дьяволом, лишь бы сохранить тебя такой!

Дэйв снова глубоко вздохнул. Никогда еще он не открывал перед Алексом так много из того, что было глубоко спрятано у него внутри.

— Наверное, дьявол услышал меня и принял вызов, — продолжил он печально, — потому что начались трудности. Ты была беременна Джеми и так тяжело его носила. А одно из моих новых приобретений оказалось вовлечено в скверную историю с мошенничеством. Потребовались месяцы, чтобы разобраться с этим. Я проводил много времени вне дома и не мог облегчить твою жизнь. Ты иногда бываешь чертовски упрямой, Алекс, — неожиданно резко вставил он. —

У нас стало больше денег, чем мы могли потратить, как бы ни старались, а ты не позволяла мне нанять кого-нибудь тебе в помощь.

Алекс вздернула подбородок.

— Дэйв, если ты способен управлять в одиночку огромной компанией, то я уж как-нибудь могу справиться с одним маленьким домом, даже если в нем трое детей!

Он опять вздохнул.

— Настал момент, когда мы оба дошли до предела выносливости. Ты почти исчерпала свои силы, когда родился Джеми, и начались четыре месяца сплошного ада. Да еще близнецы тяжело заболели корью.

— И еще я узнала о твоей связи с Линдой, — холодно добавила Алекс.

Но Дэйв покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Это было следствием того, что мои силы оказались на исходе. Я чуть не потерял все в самой опасной и жестокой из всех, что я знаю, попытке поглощения. Харви — владелец большей холдинговой компании, чем моя, — захотел вывести меня из игры и применил свое оружие, включая попытку обвинить меня в мошенничестве.

12

— Поглощение Харви? — переспросила Алекс.

Боже, а она всегда считала, что это Дэйв собирался поглотить компанию Харви, а вовсе не наоборот!

Дэйв кивнул, не обратив внимания на ее шоковое состояние.

— Это было мерзко и противно, — сказал он. — Мне пришлось пойти на такой риск, о котором даже сейчас я не могу вспомнить без содрогания. И если раньше в трудные моменты у меня была ты, и я мог всегда расслабиться и сбросить напряжение с твоей помощью, то на этот раз ты оказалась недоступной. Усталая и слабая, ты падала с ног, пытаясь разорваться между двумя больными детьми и очень беспокойным малышом. Я знаю, это звучит эгоистично, — он тяжело вздохнул, — но я чувствовал себя обиженным. Ты была нужна мне, Алекс. Но ты не могла мне помочь! А Линда, — у Дэйва перехватило дыхание, — Линда смогла. Благодаря ее неоценимой помощи я выиграл борьбу с Харви. Но, бог знает, почему облегчение, которое наступило после этой победы, окончательно выбило меня из колеи, я был не в силах управлять собой, и упал прямо в объятия Линды.

— Как долго?

Дэйв озадаченно взглянул на нее:

— Что — как долго?

— Как долго она была твоей любовницей?

Он покачал головой, на лице его появилось странное выражение.

— Она никогда не была ей, — сказал Дэйв, — в том смысле, в каком ты думаешь. Я пытался

объяснить тебе, но ты не захотела слушать, да и не поверила бы. Я не виню тебя за это. В конце концов, я действительно не был верен тебе, но пределом этой неверности было то, что, потворствуя своему желанию сбросить груз проблем, я отправлялся в ресторан ужинать с Линдой, вместо того чтобы ехать домой к тебе...

Он сгорбился и замолчал, припоминая события тех дней.

— Мэнди сказала, что видела тебя выходящим из квартиры Линды, — вставила Алекс осипшим голосом.

Дэйв кивнул.

— После сражения с Харви я был немного не в себе. — Это воспоминание явно было неприятно для него. — Тогда я напился до такого состояния, что не смог вести машину. Линда уговорила меня сесть в ее машину и поехать к ней домой, чтобы я смог протрезветь. О, — добавил он с кривой ухмылкой, — не пойми меня неправильно. Она знала, что делала, и я знал, чего она ждала от меня. Но когда... — он остановился и продолжил уже без улыбки: — В конце концов, я не смог. Она не была тобой, и,неважно, пьяный или трезвый, я не смог сделать это. Я забылся в пьяном сне и утром проснулся в чужой кровати. Где она спала той ночью, я не имею понятия, но она вошла в спальню как раз в тот момент, когда я пытался прийти в себя и вспомнить, как я, черт возьми, там оказался. Состояние было отвратительное и стало еще хуже, когда она с улыбкой сказала, что для мужчины, который столько выпил, я был совсем неплох в постели.

Алекс побледнела.

— Я испытывал отвращение к самому себе несколько месяцев, пока, наконец, она не сказала правду. Думаю, этим она решила взять реванш за то, что я забрал у нее все свои дела и передал одному из ее партнеров. Тот телефонный звонок был мстительной попыткой задеть меня через тебя. И последней соломинкой утопающего. Когда я перезвонил ей, то сказал, что вывел свой бизнес из сферы ее компетенции. Речь шла о реальных деньгах, Алекс, — пояснил он, — о весьма солидной сумме. Линда поняла, что потеряла не только деньги, но и свое прочное положение в юридической фирме. Она вышла из себя и набросилась на меня с оскорблениями. Мы наговорили друг другу таких гадостей, что их не стоит повторять, за исключением одной вещи, которая сорвалась у нее с языка. Она сказала, что между нами ничего не было. Разумеется, она сказала не такими словами, а использовала выражения, которые больно бьют по мужскому самолюбию. Но ее оскорбления прозвучали музыкой для моих ушей. Я понял, что она, наконец, сказала правду. Да и мои собственные инстинкты всегда говорили мне то же самое — между нами ничего не было в ту ночь.

Дэйв повернулся и посмотрел прямо в глаза Алекс.

— Вот полная неприкрашенная правда обо всем этом.

Она опустила глаза, разглядывая свои руки, лежащие на коленях. Она хотела верить, но...

— Если бы я мог получить твое прощение...

— Ты его уже получил, — сказала Алекс.

— Тогда что еще ты хочешь услышать от меня? — разочарованно вздохнул он, услышав в ее голосе почти недовольство. — Я не могу сделать так, чтобы ты забыла! Только ты сама можешь сделать это.

Алекс резко встала. Дэйв рассказал о себе многое и многое приоткрыл из того, о чем думал и что чувствовал. Но все это никак не могло помочь разобраться в своих мыслях и чувствах. А может быть, это ее проблемы?

Она нервно расхаживала по кабинету, чувствуя на себе его взгляд. Как и Дэйв, она держала какую-то часть себя скрытой от него и от всех других. Он говорил о ее мечтах... Но откуда ему было знать, что ее мечты воплотились в нем, в том, чтобы стать его женой и матерью его детей, если она никогда не говорила ему об этом?

Может, сказать ему это сейчас? Но после всех обид и переживаний, может ли она быть столь же откровенной и честной с ним, как он только что был с ней? Может ли она сделать это, чтоб спасти то, что осталось от их брака? Сможет ли она — осмелится ли — снова предложить ему свою любовь?

Вздохнув, Алекс повернулась, чтобы взглянуть на Дэйва, и остолбенела. На стене, над его головой, аккуратным рядом висели вставленные в рамки ее собственные рисунки. Сэм, Кейт, Джеми и она сама смотрела на Алекс со стены кабинета Дэйва.

— Я украл их, — признался он, вставая. — Мне так захотелось, чтобы они были здесь, и я смог бы смотреть на них в любое время. Ты против? — с беспокойством спросил он.

Алекс была изумлена тем, что не хватилась их! Но тут же вспомнила о беспорядке в доме, и улыбнулась. В таком хаосе немудрено было потерять и что-нибудь более крупное!

— Тебе удалось стереть этот крест, — заметила она, глядя на свое лицо со странным чувством, что рисунок обнажал то, что было скрыто в глубине ее души. — Здесь мало сходства со мной, — сказала наперекор тому, что видели ее глаза.

— Это ты, — не согласился Дэйв. — Ты настоящая. И они тоже, — добавил он с гордостью, от которой у Алекс потеплело на душе, и улыбнулся. — Семейная галерея, как ты и задумала.

— Здесь нет только тебя.

Его улыбка погасла.

— Но почему, Алекс? Почему ни в одном из твоих альбомов нет моего портрета?

Неужели он перелистал их все? Она немного поколебалась и решила сказать правду. Настало время сказать всю правду, вдруг поняла она.

— Все они любят меня, — объяснила она, кивнув в сторону портретов детей. — А ты, мне казалось, больше не любишь меня. Я пыталась нарисовать тебя, — поспешно продолжала она, прежде чем он успел вставить слово, — но у меня ничего не получалось...

— Колэм видел эти рисунки?

— Что? — переспросила Алекс, оглушенная на мгновение его резким тоном. Ей пришлось напрячься, чтобы вспомнить, кто такой Колэм. — Нет, — ответила она. — Никто не видел их, кроме тебя.

— Насколько серьезно было между вами?

— Там вообще не было ничего серьезного, — сказала она, пожав плечами.

— Ты целовалась с ним! Я это видел!

— Один торопливый поцелуй на переднем сиденье машины? — произнесла она с насмешкой над его ревностью, затем негромко добавила: — И это все.

Но ее слова не убедили Дэйва. Он сжал ее плечи, хмуро глядя на нее сверху вниз. Алекс вздохнула, отметив, как ловко он опять свалил все на нее, заставив оправдываться в том, чего она не делала. Затем улыбнулась полной нелепости этой ситуации.

— Ты опять выглядишь, как дьявол, принимающий огненный душ.

— Я хочу поцеловать тебя! — заявил он.

— Что? Здесь, в твоём офисе? — с притворным испугом спросила она и насмешливо добавила: — Ты что-то перепутал. Я принадлежу другому твоему миру, не забывай!

Но Дэйв стал яростно и страстно целовать ее. Она качнулась навстречу ему, ее руки обвили его шею, а пальцы погрузились в шелк его волос. Кончики их языков коснулись друг друга, и Алекс почувствовала, как стали наливаться ее груди, и его тело задрожало в нетерпении. Дэйв целовал ее до тех пор, пока она полностью не забылась в сладостной истоме. Тогда он прошептал:

— Я люблю тебя, Алекс.

— Знаю, — шепнула она в ответ, нежно прикоснувшись губами к его шее. — Мне кажется, я снова могу поверить в это.

Он вздохнул с огромным облегчением и снова приник к ее губам в долгом поцелуе.

В этот момент один из телефонов начал звонить. Дэйв, не выпуская Алекс из объятий, переместился вместе с ней к письменному столу.

— Не двигайся, — шепнул он ей, протянув руку к телефонной трубке, затем присел на край стола и отрывисто произнес свое имя.

Удивительно, как легко он перевоплотился из страстного любовника в холодного собранного бизнесмена, подумала Алекс, с любопытством вглядываясь в его лицо. Казалось, что за какие-то секунды его черты претерпели физические изменения: стали строже, четче, в глазах появился холод, несмотря на то, что они не потеряли контакта с глазами Алекс. Губы сложились в тонкую линию, потеряв чувственную красоту. Он стал резким, пронизательным, уверенным.

Она грустно улыбнулась, и Дэйв нахмурился, не прерывая разговора. Какой-то чертик проснулся в ней, и Алекс захотелось разрушить броню финансового магната. Она протянула руку и ласкающим движением провела ладонью по его бедру.

Дэйв задохнулся от неожиданности и свирепо накрыл ее руку своей. Его глаза вспыхнули, голос сорвался. Алекс засмеялась.

— Я перезвоню вам позже, — сказал он в трубку и бросил ее на рычаг. — Это был важный клиент! — возмущился он, притягивая ее к себе. — Ты сделала это нарочно!

— Я люблю тебя, Дэйв, — тихо произнесла Алекс.

Он побледнел и судорожно сглотнул.

— Скажи это еще раз, — попросил он охрипшим от волнения голосом.

Алекс потянулась вверх и поцеловала его в губы.

— Я люблю тебя, — повторила она.

Дэйв глубоко втянул в себя воздух, его ноздри затрепетали, как будто он хотел насладиться ароматом этих слов.

— Я так скучал по этим словам, — сказал он. — Мне так не хватало света, который излучает твое лицо, когда ты произносишь их.

И он нежно обхватил ее лицо ладонями. Полуденный свет, льющийся из окна кабинета, ласкал ее щеки.

— Я полюбила тебя, когда мне было семнадцать, — тихо сказала Алекс, — и никогда не переставала любить тебя с тех пор. Моя любовь к тебе не умерла, она просто получила ушибы и вмятины от этих ударов, вот и все.

— Значит, ты скрывала это, превращая наши ночи в настоящий ад, — с тяжелым вздохом сказал Дэйв. — Это молчание и эта темнота... Это было ужасно...

— Поедем домой, — пробормотала она, охваченная желанием обнять его, прикоснуться к нагому телу, увидеть, как мерцает в лучах дня обнаженная кожа. — Ты можешь оставить все это? — с беспокойством спросила она, оглядывая кабинет.

— Я могу делать все, что хочу! — надменно заявил он. — Я ведь босс. Я здесь хозяин!

— Ах, да, — сказала она, — я забыла, ты ведь миллионер, ты говорил мне об этом. — Ее синие глаза задумчиво посмотрели на него. — Это означает, что половина твоего достояния принадлежит мне в случае развода. Интересно, стоит ли...

Дэйв твердо взял ее за плечи и развернул по направлению к двери.

— Мы едем домой, в наш новый дом, не в старый, — решительно заявил он. — Там мы оставим детей на попечении нашей новой экономки, а сами пойдем осваивать новую спальню, и тогда ты узнаешь, какое мое достояние для тебя важнее!

— Звучит интересно, — задумчиво сказала Алекс.

— Это будет более чем интересно, — пообещал Дэйв.

— Не забывай, что я в довольно деликатном положении.

— Раньше это никогда не вызывало проблем, — отверг он ее возражение. — На самом деле, — вкрадчиво добавил он, — я помню по прошлому опыту, что ты даже более чувствена в такие периоды.

Как раз в этот момент дверь кабинета открылась, и вошли дети, избавив Алекс от необходимости опровергать последнее провокационное замечание.

Дэйв подхватил на руки Джеми, засыпающего на ходу. Малыш прислонил голову к плечу отца,

и Алекс с нежностью улыбнулась им обоим.

Они спустились вниз на лифте и пошли к стоянке машин. Дэйв нес спящего малыша, свободной рукой обнимая Алекс за плечи. Сэм носился вокруг них кругами, изображая истребитель «Торнадо». Кейт крепко держала мать за руку. Перед тем как покинуть кабинет, она дотянулась до щеки матери и поцеловала ее с молчаливым раскаянием.

— Я никогда больше так не сделаю, мама, — серьезно пообещала девочка.

Кейт твердо усваивала свои уроки, Алекс это знала.

Был солнечный день, и по меньшей мере половина служащих «Мастерсон Холдингс» высунулись из окна, глядя, как их работодатель и его семейство шествуют через стоянку автомобилей.

— Не могу в это поверить, — заметил один из служащих. — Я знал, что он женат, но трое, почти четверо детей!

— Я работаю здесь несколько лет, — вставил другой, — и понятия не имел, что он женат. Он всегда был таким беспощадным. Что, черт возьми, заставило такое нежное создание, как она, выйти замуж за такого мужчину?

— Сейчас он выглядит совсем не таким, — заметил первый. — Пожалуй, добрым и симпатичным. Может, дома он другой?

— А, может, она не так нежна и невинна, как кажется, — высказал подозрение второй. — В конце концов, четверо детей. Это о чем-то да говорит.

— А как же моя машина? — запротестовала Алекс, когда Дэйв повел их к своей.

— Ее доставят сегодня же.

— Но ключи-то у меня, — невозмутимо заметила она.

Дэйв пробормотал что-то себе под нос, обменял спящего Джеми на ключи от машины, приказал близнецам сесть на заднее сиденье, затем открыл переднюю дверь и помог сесть жене.

Служащие, прилипшие к окнам офиса, увидели, как он снова вошел в здание, но только для того, чтобы через несколько минут выйти вместе с Арчером — тем самым молодым человеком, который провожал Алекс в кабинет Дэйва.

Дэйв вручил ему ключи и указал на белый «форд». Мужчины разошлись в разные стороны, и Дэйв забрался в «БМВ». Несколько секунд спустя он снова вылез и открыл заднюю дверцу машины. Оттуда выпрыгнули близнецы. Затем он обошел кругом, открыл переднюю дверцу со стороны сиденья пассажира, взял у жены спящего ребенка и помог выбраться ей самой. Семейная процессия направилась к машине Алекс, где Дэйв обменялся с Арчером несколькими словами и ключами. Когда открыли дверцы «форда-эскорта», причины произошедшего обмена стали понятны: малыша устроили и пристегнули ремнями на специальном детском сиденье. Арчер уже направился к «БМВ», когда его остановила Кейт. Она умоляющими глазами посмотрела на отца, который вопросительно посмотрел на Арчера:

тот пожал плечами, широко улыбнулся и протянул девочке руку. Дочь потребовала, чтобы отец наклонился и получил в благодарность ее поцелуй, а затем, подпрыгивая от радости, пошла рядом с Арчером к «БМВ». Остальные забрались в белый автомобиль.

— Боже мой, — вздохнули за окнами офиса. — Да они вертят им, как хотят! Интересно, каков рецепт этого?

— Лучистые глаза, золотистые волосы и восхитительная фигура, несмотря на беременность, — перечислил кто-то.

— Я думал, у него что-то было с Линдой Марсден, — задумчиво проговорил еще один.

— Линда Марсден! — язвительно фыркнули рядом.

— Вы правы, глупое предположение.

— Симпатичные дети, — сказал один.

— Симпатичная жена, — сказал другой.

— Симпатичная машина, — засмеялся третий.

— Симпатичный дом, — подхватили шутку по цепочке.

— Симпатичный бизнес, — с легкой завистью подытожил кто-то.

— Симпатичная очередь за пособием по безработице, если вы не вернетесь к работе, — прогремел голос, разогнавший всех по местам.

— Напомни мне, чтобы я установил детское сиденье в моей машине, хорошо? — проворчал Дэйв, еле втискиваясь за руль «эскорта» и пытаясь отрегулировать сиденье под свою длинную фигуру.

— Что? И разрушить твой имидж крутого магната? — поддразнила его Алекс.

— Какой там имидж! — засмеялся он. — Тебе не пришло в голову оглянуться на окна здания «Мастерсон Холдингс»?

— Нет, а что? — удивилась Алекс и обернулась. Она увидела в окнах длинный ряд любопытных лиц и покраснела. — Теперь они будут поддразнивать тебя насчет нас? — встревожено прошептала она.

— Ну, не в лицо, если у них есть здоровый инстинкт самосохранения, — пробурчал он и вздохнул. — Хотя бог знает, что они скажут за моей спиной.

— Не обращай внимания, — сказала Алекс и утешающе положила руку на его бедро. — Мы все любим тебя, неважно, крутой ты или нет.

— Держи свою руку там, где держишь, и меня заклеят как сексуального маньяка!

— А что такое сексуальный маньяк? — раздался детский голос.

Алекс подавила смешок и убрала руку. Дэйв со вздохом закатил глаза.

— Я объясню тебе это, когда ты станешь старше, сынок, — сдержанно ответил он.

— Может быть, ты и мне это объяснишь, когда я стану старше? — простодушно спросила Алекс.

Он кинул на нее обжигающий взгляд.

— Я сделаю кое-что получше. Я продемонстрирую тебе это, когда останусь с тобой наедине! — пообещал он.

— И при свете, так что я смогу...

— Прекрати, Алекс! — простонал он, прикрыв глаза. — Ты не знаешь, как сильно я хочу этого.

— Знаю, — сказала она. Ее глаза объяснили ему остальное.

— Только ничего не говори! — скомандовал Дэйв и тронул машину с места.

mir-knigi.org